ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 1 (57)

Москва

2025

ВОПРОСЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Образовательный журнал
2025
Выпуск 1 (57)
Основан в 2007 году
Выходит 4 раза в год

Издатель и учредитель:
«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),
Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),
Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)
Доллеруп Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),
Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский университет)
Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский колледж Лондона),
О'Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),
Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),
Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),
Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),
Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),
Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),
Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),
Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),
Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России)
Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России),
Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется ВАК, РИНЦ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Издательство, 2025
© Коллектив авторов, 2025

PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS NATIONAL ASSOCIATION

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Issue 1 (57)

Moscow

2025

ISSUES OF APPLIED LINGUISTICS

Educational Journal
2025
Issue 1 (57)
Established in 2007
4 times a year

Publisher and founder:
Non-profit organization "The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association" created with the support of RUDN University
Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Editor-in-chief. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),
Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)
Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),
Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),
Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),
O'Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)
Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),
Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),
Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),
Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),
Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)
Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples' Friendship University of Russia),
Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),
Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),
Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed by Higher Attestation Commission, Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich's Periodicals, Crossref, EBSCO.
The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba.

2306-1286 (Print)
2541-7614 (Online)

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Publishing house, 2025
© Authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

БЕЗРУКОВ В.А., ШАЧКОВА И.Ю. 7
Проблема передачи игры слов при аудиовизуальном переводе (на материале англоязычного комедийного телесериала «Американская семейка»)

ТАНАНАЙКО С. О., ЧЖОУ Г. 45
Влияние фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение палатализованных согласных русского языка

ФЕФЕЛОВА Г.Г., АНИСИМОВА А.Г. 71
Исследование комического дискурса через призму языка и культуры

ШУБИНА Э.Л., РАЙКОВА Ю.А., ШЕЛЕХОВА Р.С. 98
Эвфемизация темы «сокращение персонала» в немецких публицистических текстах

КОВШ Е.В., САВЧЕНКО Е.П. 131
Вербализация концепта «свой-чужой» (на материале паремического фонда английского и русского языков)

БРЕДИС М.А., ЛОМАКИНА О.В., МАМЕДОВА А.Р. 161
Паремия в азербайджанском, турецком, английском и немецком языкознании: определение, особенности изучения

CONTENTS

Scientific articles

BEZRUKOV V.A., SHACHKOVA I.YU. 7
Wordplay issue in audiovisual translation (on the English-language situational comedy “Modern family”)

TANANAIKO S. O., ZHOU G. 45
Influence of phonetic systems of Russian and Chinese on perception and reproduction of palatalized consonants of Russian

FEFELOVA G.G., ANISIMOVA A.G. 71
The study of comic discourse through the prism of language and culture

SHUBINA E. L., RAIKOVA J. A., SHELEKHOVA R. S. 98
Euphemization of the topic of “staff reduction” in German journalistic texts

KOVSH E.V., SAVCHENKO E.P. 131
Verbalization of the concept “own-stranger” (on the material of the paremic fund of the English and Russian languages)

BREDIS M.A., LOMAKINA O.V., MAMMADOVA A.R. 161
Paroemia in Azerbaijani, Turkish, English and German linguistics: definition, study features

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811.111’255.4-028.26
https://doi.org/10.25076/vpl.57.01
В.А. Безруков[1]
Государственный институт русского языка
им А.С. Пушкина
И.Ю. Шачкова
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИГРЫ СЛОВ ПРИ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ (на материале англоязычного комедийного телесериала «Американская семейка»)

Проблема передачи игры слов в комедийных сериалах представляется актуальной в связи с увеличением количества юмористических аудиовизуальных произведений и требованиями к качеству их перевода. Новизна настоящего исследования состоит в выборе материала для анализа – телесериал «Американская семейка», который ранее не подвергался лингвистическому и переводоведческому анализу, в частности, в отношении изучаемой проблемы. Более того, в статье рассматриваются и анализируются одновременно три варианта аудиовизуального перевода телесериала: субтитрированный перевод, дублированный перевод и закадровый перевод, что не было отмечено ни в одной другой работе. Целью данной статьи является анализ эффективности переводческих приемов передачи игры слов в разных вариантах аудиовизуального перевода. Для достижения цели исследования применялись различные методы: метод сплошной выборки, метод лингвистического описания, метод

[1] © **Безруков В.А., Шачкова И.Ю.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

семантического (компонентного) анализа, метод контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод, метод квантитативного анализа. Результаты, полученные в ходе изучения теоретических источников и анализа практического материала, позволили авторам создать практико-ориентированную классификацию приемов аудиовизуального перевода игры слов, которая включает: 1) прямой перевод (подбор эквивалента), 2) лексико-семантическую замену, 3) подбор аналога (замена образа), 4) описательный перевод. Оценка эффективности разработанной классификации позволила получить следующие результаты: наиболее частотным приемом перевода игры слов в указанном сериале является использование подбора аналога (более трети случаев); в закадровом переводе наблюдаются наиболее высокие показатели адекватного перевода игры слов по сравнению с субтитрированным или дублированным переводом.

Ключевые слова: игра слов, языковая игра, английский язык, аудиовизуальный перевод, субтитрирование, дубляж, закадровый перевод, приемы перевода, комедийный телесериал, «Американская семейка»

UDC 811.111’255.4-028.26
https://doi.org/10.25076/vpl.57.01

V.A. Bezrukov
Pushkin State Russian Language Institute
I.Yu. Shachkova
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

WORDPLAY ISSUE IN AUDIOVISUAL TRANSLATION (on the English-language situational comedy “Modern family”)

The article addresses the issue of translating wordplay in situational comedies, which is highly relevant due to the increasing number of humorous audiovisual works and the rising standards for their translation quality. This study is particularly innovative as it focuses on the TV series "Modern Family," which has not previously been subjected to linguistic or translation analysis, especially concerning the specific problem of wordplay. Additionally, this article adopts a comprehensive approach by examining three forms of audiovisual translation for the

series: subtitling, dubbing, and voice-over translation - an approach not found in other studies. The primary objective of this paper is to analyze the effectiveness of various techniques in translating wordplay across these different forms of audiovisual translation. A range of methods was employed to achieve this research goal, including continuous sampling, linguistic description, semantic (component) analysis, contextual analysis, comparative analysis, and quantitative analysis.

The findings from the theoretical research and practical material analysis enabled the authors to develop a practice-oriented classification of techniques for translating wordplay in audiovisual contexts. This classification includes: 1) direct (equivalent) translation, 2) lexical-semantic replacement, 3) analogue translation, and 4) descriptive translation. By evaluating the effectiveness of this classification, we obtained significant results: the most frequently used technique for translating wordplay in "Modern Family" was found to be analogue translation, accounting for over one-third of instances. Furthermore, the highest rates of adequate wordplay translation were recorded in voice-over translation compared to subtitled or dubbed translations.

Keywords: puns, wordplay, English, audiovisual translation, subtitling, dubbing, voice-over, translation techniques, sitcom, Modern family.

Введение

В последние несколько десятилетий глобализационные процессы и стремительное развитие современных цифровых технологий способствуют активному распространению разнообразных англоязычных аудио- и видеоматериалов, которые требуют качественного перевода на русский язык. В этой связи исследования в области аудиовизуального перевода привлекают все большее внимание лингвистов, а также теоретиков и практиков перевода.

Одним из наиболее популярных и востребованных в настоящее время типов аудиовизуальных материалов являются комедийные телесериалы, покоряющие аудиторию зрителей своим развлекательным характером: легкостью и ненавязчивостью, забавными жизненными ситуациями и шутками, создающими позитивный настрой и помогающими расслабиться.

Соответственно, особо остро в современной лингвистике и переводоведении стоит вопрос об адекватной передаче эпизодов игры слов, которые составляют основу комедийных телесериалов, поскольку при переводе необходимо сохранить прагматический потенциал исходного текста, его юмористический коммуникативный эффект, учитывая при этом культурные различия и особенности как языка оригинала, так и языка перевода.

Перевод аудиовизуальных произведений, содержащих элементы юмора, традиционно считается одной из наиболее сложных задач в переводческой практике. Проблема заключается в том, что при переводе комедийных телесериалов теряется значительная доля юмора. Это обусловлено, во-первых, трудностями в поиске корректных переводческих стратегий, а во-вторых, специфическими ограничениями, присущими аудиовизуальному переводу. В результате это негативно влияет на восприятие сериала зрителями, на его популярность и финансовый успех на рынке видеопродукции. В связи с этим необходимость поиска оптимальных решений для качественного перевода и адекватной передачи шуток - игры слов в сериалах до сих пор остается актуальной и важной проблемой.

Кроме того, данное лингвистическое исследование представляется актуальным, так как проводится в русле общероссийской государственной политики в сфере защиты семьи, «в целях популяризации которой 2024-ый год был объявлен Годом семьи», поскольку практическим материалом анализа послужил телесериал под названием *Modern Family (*«Американская семейка») об особенностях и взаимоотношениях трех поколений семей.

Указанный телесериал ранее не подвергался лингвистическому и переводоведческому анализу, в частности, в отношении проблемы передачи игры слов с английского языка на русский, что свидетельствует о новизне настоящего исследования. Более того, в статье рассматриваются и анализируются одновременно три варианта аудиовизуального перевода телесериала: субтитрированный перевод, дублированный перевод и закадровый перевод.

Анализ трех вариантов перевода фильма, несомненно, добавляет исследованию глубины и многомерности, так как позволяет

рассмотреть объект и предмет научных изысканий с разных сторон, в частности, изучить зависимость того или иного переводческого решения от типа аудиовизуального перевода, эффективность той или иной переводческой стратегии в определенном типе аудиовизуального перевода (далее в тексте - АВП), что непосредственно влияет на качество перевода и, соответственно, на его восприятие целевой аудиторией.

Объектом исследования выступают эпизоды, содержащие случаи игры слов в комедийном телесериале, а также в их переводах с английского языка на русский.

Предметом исследования являются приемы передачи игры слов при переводе комедийного телесериала «Modern family» с английского на русский язык.

Целью данной статьи является анализ эффективности переводческих приемов передачи игры слов в разных вариантах аудиовизуального перевода: субтитрированный перевод, дублированный перевод и закадровый перевод.

Теоретическая значимость исследования заключается в анализе языковых средств образования языковой игры в английском языке, приемов ее передачи при аудиовизуальном переводе, а также в определении наиболее эффективных стратегий ее передачи в трех разных вариантах аудиовизуального перевода.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения сделанных в ходе анализа выводов при подготовке лекционных и практических занятий по курсу теории и практики перевода и сопоставительной стилистики и лексикологии, а также в практической деятельности аудиовизуальных переводчиков с целью улучшения качества их перевода.

Материалы и методы

Вопросы теоретического осмысления игры слов и проблема ее межъязыковой передачи рассматривались в работах таких ученых, как И. В. Арнольд (2012), В. С. Виноградов (2001), С. И. Влахов, С. П. Флорин (2012), Х. Готтлиб (1997), Д. Делабастита (1993), А.П. Ерошин (2015), Д. Кристалл (1998), Л. А. Сазонова (2004), В. З. Санников (2002), А. П. Сковородников (2003), С. И. Сметанина (2002), О. В. Троицкая (2005).

Проблемой исследования аудиовизуального перевода изначально занимались западные учёные, которые гораздо раньше

начали изучать специфику АВП и его разновидностей: F. Chaume (2004), H. Diaz-Cintas, A. Remael (2015), D. Delabastita (1989), I. Fodor (1976); Y. Gambier, H. Gottlieb (2001); P. Orero (2016), C. Titford (2011), P. Zabalbeascoa (2008).

Однако, в последние 20 лет данная тема составляет актуальную повестку работ отечественных лингвистов и переводоведов, поэтому ансамбль трудов отечественных ученых в области АВП значительно расширился работами И.А. Алексеевой (2005), В. Е. Горшковой (2006), А. В. Козуляева (2013, 2015), О.Ю. Кустовой (2015), Е. Д. Малёновой (2017; 2023), Р. А. Матасова (2009), М.С. Снетковой (2009), А.П. Чужакина, П.Р. Палажченко (2004). Тем не менее, проблеме передачи игры слов при аудиовизуальном переводе не уделялось достаточно внимания – можно отметить лишь отдельные работы M.L. Navarro Brotons (2018), M. Dore (2019), L. Camilli (2019), В.И. Гавриловой, Е.Н. Леоновой (2024), А. И. Иволгиной (2022). В каждом из перечисленных исследований авторы затрагивают только один сериал/фильм или один вид АВП, что говорит о недостаточно глубоком освещении данной темы. Исследований вопросов межъязыковой передачи игры слов в АВП на материале сразу трех его вариантов (субтитрированный перевод, дублированный перевод, закадровый перевод) обнаружено не было.

Практическим материалом исследования послужил сериал *Modern Family* (11 сезонов, 250 серий) в трех вариантах перевода - перевод субтитров, предоставленный релиз-группой PhysKids специально для Кинопоиск HD, дублированный перевод сайта Кинопоиск HD и закадровый перевод студии *Lostfilm*. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано 90 эпизодов игры слов, а также их аудиовизуальные переводы на русский язык в трёх вариантах перевода.

Modern Family («Американская семейка») – это яркий и увлекательный американский комедийный телесериал, который не только развлекает, но и поднимает важные темы, касающиеся семейных взаимоотношений и современных ценностей. В сериале представлены типичные семьи современного американского общества, которые отражают широкий спектр стилей воспитания, жизненных подходов и культурных традиций: **семья Клэр и Фила Данфи, семья Притчетта-Дельгадо, семья Митчелла и Кэма,** попадающие во множество комичных и трогательных ситуаций.

Ключевая особенность «Американской семейки» – это юмор в повседневных ситуациях, с которыми сталкиваются многие зрители. Сериал объединяет элементы комедии и драмы, позволяя глубже понять, что значит быть частью семьи в современном обществе.

В рамках исследования применялись различные методы для анализа языкового материала, который был собран методом сплошной выборки из доступных в интернете сценариев телесериала на английском языке. На первом этапе, касающемся исследования сценариев и их переводов, использовался метод лингвистического описания, заключающийся в интерпретации и обобщении анализируемого материала. После выявления основных языковых конструкций применялся метод семантического (компонентного) анализа, с помощью которого авторы провели детальный анализ значений отдельных слов и словосочетаний, их денотативных компонентов, а также их коннотативных элементов, позволяющих выявить семантические тонкости и нюансы, которые несут в себе юмористические элементы, и установить взаимосвязи между языковыми единицами и их комедийной нагрузкой. Также был задействован метод контекстуального анализа, который позволил рассмотреть влияние контекста на значение и восприятие языковых единиц в различных аспектах, например, ситуативный контекст диалогов, культурные отсылки, социальные реалии и т.п. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить языковые различия и сходства между оригинальным сценарием и тремя вариантами его переводов и обеспечил более глубокое понимание выбора переводческих решений в зависимости от вида аудиовизуального перевода. На последнем этапе использовался метод квантитативного анализа, который позволил количественно оценить выявленные результаты и определить наиболее эффективные стратегии передачи комических элементов игры-слов. Таким образом, комбинация различных методов исследования обеспечила комплексный подход к анализу языкового материала и стратегий адекватного перевода юмористических элементов.

Результаты и обсуждение

Аудиовизуальный перевод (АВП)

Несмотря на почти вековую историю изучения кинотекста, термин «аудиовизуальный перевод» начал активно использоваться

в отечественной лингвистике и переводоведении лишь в конце 1990-х - середине 2000-х годов. Особый интерес к проблемам, связанным с аудиовизуальным переводом, возник в связи с так называемым «аудиовизуальным поворотом» в переводоведении (Remael, 2010).

Изначально перевод кинофильмов анализировался преимущественно с лингвистической точки зрения, при которой он рассматривался как процесс перевода текстовой составляющей, что ограничивалось изучением только вербальных элементов и игнорировало другие семиотические компоненты (см., например, работы В.Е. Горшковой, 2006; М.С. Снетковой, 2009; Р.А. Матасова, 2009). При таком подходе упускались важные аспекты, касающиеся визуального контекста, культурных кодов и невербальных знаков, которые нередко имеют ключевое значение для полного понимания и адекватной передачи смысла в аудиовизуальных произведениях.

В современных исследованиях кинотекст рассматривается как сложное полисемиотическое единство. А.П. Чужакин и П.Р. Палажченко подчеркивают важность экстралингвистического контекста (видеоряда) для более адекватного перевода фильма (Чужакин, Палажченко, 2004). И.С. Алексеева утверждает, что текст и изображение, которые «передают равный объем информации», нужно умело совмещать для достижения эффекта подлинника (Алексеева, 2005). О.Ю. Кустова описывает взаимосвязь вербальных и невербальных элементов кинотекста, рассматривая поликодовость как основу для переводческой стратегии (Кустова, 2015). А.В. Козуляев выделяет аудиовизуальный перевод как особый вид переводческой деятельности, акцентируя внимание на его полисемантическом и поликодовом характере и подчеркивая необходимость учета как «линейного семантического контекста речи, так и надречевых целостных визуальных и смысловых конструктов» (Козуляев, 2013).

В зарубежных исследованиях также уделяется пристальное внимание поликодовости аудиовизуальных произведений, что подчеркивает многослойный и многозначный характер семиотических структур, действующих в рамках кинотекста. Например, Д. Делабастита выделяет десять основных кодов,

которые передают информацию зрителю через четыре канала: акустический вербальный, акустический невербальный, визуальный невербальный и визуальный вербальный (Delabastita, 1989).

В свою очередь, И. Гамбье расширяет представление о семиотических кодах, выделяя 14 различных кодов, которые транслируются через аудиальные и визуальные каналы. Среди них можно выделить «четыре вербальных кода (лингвистический, вербально-паралингвистический, художественно-театральный, графический) и десять невербальных (шумо-звуковой, невербально-паралингвистический, музыкальный, иконографический, фотографический, сценографический, фильмический, кинесический, проксемический, костюмный)» (Gambier, 2016).

Важно отметить, что в процессе восприятия аудиовизуальных произведений визуальные компоненты доминируют над вербальными (Agapova, Grishechko, 2016), что подтверждается эмпирическими исследованиями Барселонской школы аудиовизуального перевода под руководством А.П. Орейро (2016). Данные показывают, что «при просмотре документального фильма значительная часть внимания зрителей сосредоточена на визуальном ряде (60%) и лишь 40% - на вербально-текстовом; для художественного фильма результаты еще более впечатляющие: 68% – визуальный и невербальный ряд и лишь 32% – текстовый» (Козуляев, 2015).

Рассматривая аудиовизуальный перевод как взаимодействие с полимодальным коммуникативным образованием, И. Гамбье и Х. Готтлиб подчеркивают, что «процесс перевода не заканчивается текстом, он заканчивается доставкой текста конечному получателю» (Gambier, Gottlieb, 2001). Все эти утверждения свидетельствуют о том, что перевод является многогранным процессом, требующим учета не только языковых, но и культурных, и эмоциональных факторов, влияющих на восприятие информации (Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021).

А.В. Козуляев добавляет, что «при аудиовизуальном переводе минимальным объектом анализа становится кадр», а не текст как таковой; при этом «сцена как кинособытие и фильм как целостный

кинодискурс» рассматриваются как более крупные объекты для предпереводческого анализа (Козуляев, 2015).

Таким образом, аудиовизуальный перевод представляет собой уникальную область переводческой деятельности, в которой взаимодействуют языковые, культурные и технические аспекты (Gribanova, Gaidukova, 2019). Последние накладывают на переводчиков аудиовизуального контента специфические ограничения, которые отмечают такие исследователи АВП, как А.В. Козуляев (2013), Ф. Чауме (2016), К. Титфорд (2011) и П. Сабальбеаскоа (2008). По их мнению, ограничения обусловлены спецификой различных форм аудиовизуального перевода: перевода субтитров, перевода под закадровое озвучивание, перевода под полный дубляж и т.д.

Ограничения, настаивает в своих работах А.В. Козуляев, зависят не только от вида осуществляемого перевода, но и от «целевой аудитории получателей перевода, уровня взаимодействия потоков информации, переплетающихся в аудиовизуальном контексте» (Козуляев, 2015).

Автор предлагает следующую классификацию видов аудиовизуального перевода: «перевод для закадрового озвучивания (voice-over); двухмерное субтитрирование; перевод для дублирования сериальных детских художественных и анимационных произведений и игр; перевод под полный дубляж (lip-synq/dubbing); трехмерное субтитрование» (Козуляев, 2015). Все перечисленные виды перевода имеют свои особенности, которые должен учитывать переводчик. И хотя все 5 перечисленных видов аудиовизуального перевода имеют свои особенности, которые должен учитывать переводчик, все они сводятся к 3 основным вариантам: субтитрование, закадровый перевод, дублирование.

Субтитрование – текстовое сопровождение видеоряда, дублирующее или дополняющее звуковую дорожку. Субтитры к фильмам и другим медиапродуктам отражают основное содержание реплик и сопровождают видеоряд в виде печатного текста (O'Dowd, 2017). При субтитрировании переводчиков ждет большое число «внешних ограничений, а именно: 1) в необходимости умещать перевод в ограниченное количество строк и знаков, обусловленных международными стандартами скорости

чтения и отображения субтитров на экранах; 2) привязке смены субтитров к смене планов в кадре, что технологически укорачивает и без того ограниченное время и пространство перевода» (Козуляев, 2015).

При осуществлении закадрового перевода голос актёра озвучивания накладывается поверх оригинальной звуковой дорожки. Основным отличием закадрового перевода от дубляжа является тот факт, что оригинальная звуковая дорожка слышна реципиенту. В отличие от субтитрования, в рамках «войсовера» переводчик практически ничем не ограничен, так как не связан с визуальным синтаксисом аудиовизуального произведения.

При дублировании (*dubbing*) аудиовизуального произведения осуществляется полная замена иностранной речи на родной язык. Голосовая фонограмма, заменяющая оригинальную речь, стремится к синхронности с ней по смыслу, времени, а также движению героев и их губ во время речи. При переводе для дубляжа, «переводчик синтезирует текст заново на основании параллельных смысловых потоков, осуществляет пересоздание целостного семантического целого текста и изображения в ситуации другого языка и другой культуры» (Козуляев, 2015).

Игра слов

Изучение проблемы определения и классификации игры слов представляет собой актуальную область лингвистических исследований, что вызвано значительным интересом современной лингвистики к креативному потенциалу языка, способам его использования и их коммуникативным эффектам.

Игра слов, как объект исследования, обозначается целым рядом синонимичных понятий, таких как «языковая игра», «словесная игра», «каламбур», «игра словом», что подчеркивает его природу как сложной языковой единицы. Разнообразие терминов, применяемых для обозначения игры слов, указывает на многообразие исследовательских подходов и взглядов на статус данного лингвистического явления и подчеркивает необходимость дальнейшего анализа и уточнения терминологических обозначений с целью создать ясную и непротиворечивую теорию для изучения этого многоаспектного явления.

О языковой игре в целом как о своего рода изменении норм языка рассуждает английский лингвист Д. Кристалл: «Мы играем с

языком, манипулируем им и получаем удовольствие от этого. … . Мы, по сути дела, ломаем и коверкаем язык, у которого есть свои правила» (Crystal, 1998).

А.П. Сковородников, глубоко анализируя природу языковой игры, отмечает: «языковая игра - творческое, нестандартное использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе - комического характера». Ученый подчеркивает отклонение от различных аспектов языковой нормы и определенную степень креативности и свободы в использовании языка (Сковородников, 2003).

Понятия «игра слов» и «каламбур» часто употребляются как синонимичные или их используют для взаимного определения (см., например, И.В. Арнольд, В.С. Виноградов, С.И. Влахов и С.П. Флорин, Д. Делабастита, Л.А. Сазонова, В.З. Санников).

В нашей работе вслед за В.З. Санниковым под игрой слов понимается «шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» (Санников, 2002).

Из рассмотренных определений И.В. Арнольд (2012), В.С. Виноградова (2001), С.И. Влахова и С.П. Флорина (2012), Д. Делабаститы (1993), Л.А. Сазоновой (2004), В.З. Санникова (2002) становится очевидно, что понятие игры слов охватывает широкий спектр различных языковых средств для достижения комического и иного стилистического эффекта. Это разнообразие указывает на необходимость систематизации различных типов игры слов, существующих в языке.

Классификация типов игры слов (каламбуров) является важной темой в области лингвистических исследований, и множество ученых, таких как С.И. Влахов и С.П. Флорин (2012), Х. Готтлиб (1997), Д. Делабастита (1993), В.З. Санников (2002), А.П. Сковородников (2003), С.И. Сметанина (2002), О.В. Троицкая (2005) внесли значительный вклад в эту область. Анализируя работы этих авторов, можно заметить, что единой и общепринятой классификации видов игры слов пока не существует, что делает этот вопрос одним из самых дискуссионных в современной лингвистике.

Бельгийский лингвист Д. Делабастита предлагает классификацию, ориентируясь на виды использования языковых средств для создания игры слов: «фонологическая и графологическая игра слов (паронимы, омонимы (омофоны и омографы)); лексическая игра слов (линейная вертикальная полисемия (гипонимы, меронимы) и нелинейная горизонтальная полисемия (метафора, метонимия)); лексическая игра слов (идиомы); морфологическая игра слов (неологизмы, аббревиация, компоновка (composition) и преобразование (conversion), синтаксическая игра слов» (Delabastita, 1993). Данная классификация подчеркивает многоаспектность и сложность игры слов, показывая, как различные языковые уровни - фонология, лексика, фразеология, морфология и синтаксис - могут взаимодействовать для достижения экпрессивности и комичности в языковой практике.

Похожую классификацию видов игры слов представила С. И. Сметанина, так же объединив уровни языка и способы создания языковой игры: «графическая игра; фонетическая игра (изменение фонетической формы слова); словообразовательная игра (суффиксальное и префиксальное образование, словосложение, использование аббревиатур и имён лиц в качестве основы игры слов, контаминация); морфологическая игра; игра с сочетаемостью слов (нарушение норм сочетаемости слов); игра с многозначностью; сочетание нескольких приемов в тексте» (Сметанина, 2002).

С.И. Влахов и С.П. Флорин считают, что каламбуры могут быть построены: «1) преимущественно на фонетической основе (преобладание звуковой стороны над смысловой); 2) преимущественно на лексической основе (единицы, построенные на основных лексических категориях: обыгрывание многозначных слов, омонимов и антонимов, а также и некоторые особые случаи - каламбуры на основе терминов и имен собственных); 3) преимущественно на фразеологической основе (обыгрывание отдельных компонентов устойчивых сочетаний)» [Влахов, Флорин, 2012].

О. В. Троицкая выделяет несколько групп разновидностей игры слов, которые основаны на: «1) омонимии, где элементами игры слов являются омофоны, омонимы и омографы; 2) паронимии и

созвучии; 3) ложной этимологии; 4) полисемии; 5) авторском переосмыслении устойчивых словосочетаний и фразеологизмов» (Троицкая, 2005).

В настоящем исследовании при анализе механизмов, лежащих в основе игры слов и комического эффекта, мы будем опираться на классификацию А.П. Сковородникова (2003), который выделяет четыре типа каламбуров: полисемические, омонимические, антонимические и паронимические.

Следовательно, на основании вышеизложенной информации можем сделать обоснованный вывод о многообразии исследовательских подходов и взглядов на игру слов и ее виды. Такое разнообразие свидетельствует не только об интересе лингвистов к данному вопросу, но и указывает на сложный и многогранный характер игры слов как языкового явления, что, безусловно, оказывает влияние на его перевод и требует от переводчика особого внимания и знаний для воспроизведения необходимого прагматического эффекта.

Перевод игры слов

Как уже упоминалось ранее, сохранение комического эффекта высказывания традиционно считается одной из наиболее сложных переводческих задач по нескольким причинам. Прежде всего, следует отметить трудности субъективного характера, связанные со способностью переводчика распознать языковую игру в тексте оригинала, его владением родным языком и его чувством юмора, необходимыми для передачи игры слов.

Во-вторых, существенной проблемой становятся структурно-семантические различия языка оригинала и языка перевода, что подразумевает отсутствие равноценных эквивалентов слов и выражений в двух языковых системах.

В-третьих, определенные трудности, возникающие в процессе перевода, обусловлены межкультурными различиями, которые могут значительно влиять на интерпретацию текста. Переводчик, таким образом, должен учитывать не только общий контекст произведения, но и специфические черты принимающей культуры, а также особенности его восприятия реципиентами.

В-четвертых, необходимо принимать во внимание функциональные ограничения, связанные с каждым конкретным

видом перевода, в частности, особенности аудиовизуального перевода, рассмотренные выше.

В процессе передачи игры слов перед переводчиком, как правило, возникает комплексная задача, заключающаяся в сохранении как формы, так и содержания оригинального текста. В идеале, созданный в переводе текст должен точно воспроизводить комический эффект оригинала. Однако, при невозможности сохранения такого прагматического воздействия, переводчики прибегают к двум основным стратегиям. Во-первых, переводчик может стремиться сохранить форму и коммуникативный эффект игры слов, прибегая к замене образа и сознательному отклонению от точного значения слов. Данная стратегия подразумевает абстрагирование от содержания в пользу создания аналогичного прагматического эффекта, что, в свою очередь, требует от переводчика способности к креативному мышлению и глубокому пониманию стилистического, эмоционально-оценочного и культурного контекста. Во-вторых, можно остановиться на передаче содержания, при этом отказываясь от словесной игры, что может привести к утрате оригинального юмористического эффекта, но позволит донести основную идею (Троицкая, 2005).

А.П. Ерошин (2015) расширяет набор стратегий передачи игры слов, выделяя три группы на основе критериев адекватности: адекватную передачу, неадекватную передачу и особые случаи. Автор акцентирует внимание как на успешных методах, способствующих сохранению комической природы оригинала (подбор идентичного образа; замена образа с сохранением игры слов; частичная компенсация), так и на распространенных ошибках, которые могут привести к искажению смысла текста (буквальный перевод с опущением игры слов; буквальный перевод с искажением смысла; замена образа с утратой игры слов).

Бельгийский лингвист Д. Делабастита, изучая проблему передачи игры слов, предлагает восемь стратегий перевода, которые варьируются от прямого воспроизведения игры слов до её полного опущения, с несколькими промежуточными вариантами, когда она, например, передается другой схожей по смыслу фразой, заменяется схожей стилистической фигурой речи, остается непереведенной, опускается и вводится позже, объясняется переводческим комментарием или сноской (Delabastita, 1993). По

его словам, переводчик имеет возможность комбинировать различные подходы, тем самым обеспечивая более точное и целостное представление оригинала в переводе.

Несмотря на разнообразные достоинства представленных выше подходов, таких, например, как четкая структура, фокус на адекватности как важном критерии оценки качества перевода, многообразие предлагаемых стратегий, в то же время эти классификации могут ограничивать переводчиков в их творческом проявлении, поскольку фокусируются лишь на двух основных способах (например, классификация О.В. Троицкой, 2005), так и могут усложнить процесс выбора наиболее эффективного приема в условиях ограниченного времени и ресурсов (например, классификация Д. Делабастита, 1993).

Принимая во внимание вышеназванные причины, мы видим необходимость в разработке более универсального подхода, который бы предлагал четкие варианты для принятия переводческих решений, а также охватывал достаточно большое количество возможных языковых ситуаций. Кроме того, поскольку данная авторская классификация исходит из анализа практического материала, накопленного в ходе настоящего исследования, она учитывает разнообразие особенностей и контекстов аудиовизуального перевода в трех его вариантах: дублированный перевод, закадровый перевод и субтитрированный перевод, которые накладывают существенные ограничения на перевод.

Наша классификация включает следующие приемы перевода игры слов: прямой перевод, подбор аналога, лексико-семантическая замена, описательный перевод. Каждый из этих приемов позволяет переводчику адаптировать текст, сохраняя его смысл и передавая необходимый прагматический эффект, при этом обеспечивая адекватный перевод и эффективность коммуникации для целевой аудитории переводящего языка.

Прямой перевод (подбор эквивалента) предполагает эквивалентную передачу игры слов при сохранении семантики входящих в ее состав слов и комического эффекта. Такой прием позволяет сохранить первоначальный элемент игры слов, но ограничен лексическими возможностями двух языков в вопросе совпадения значений слов. Применение прямого перевода становится возможным при совпадении образной основы в двух

языках, денотативного и коннотативного компонентов слов/ слова, а также при совпадении прямого и переносного значения полисемичного слова.

Лексико-семантическая замена заключается в замене лексических единиц, составляющих игру слов, с целью передачи их семантического значения и сохранения прагматического воздействия оригинала. Подобная замена проявляется в замене ядра игры слов другой лексической единицей со схожим (семантически-близким или синонимичным) значением или единицей той же лексико-семантической группы. Несмотря на некоторые вводимые в текст перевода изменения, они не меняют авторский образ полностью, тем самым позволяя передать близкие к оригиналу стилистические или культурные нюансы. Такой прием чаще встречается при переводе игры слов, основанной на омонимии и паронимии.

Прием подбора аналога (замена образа) заключается в поиске и замене образа, который уже существует в языке перевода и передает аналогичный смысл. Это позволяет сохранить комический эффект, даже если текст не является дословным (прямым) переводом. Это может потребовать от переводчика творческого подхода и знания культурного контекста, чтобы передать юмористическую ситуацию на языке целевой аудитории.

Описательный перевод предполагает передачу смысла игры слов через описание, объяснение, без сохранения комического эффекта. Этот прием позволяет донести общее содержание и смысл, однако теряет юмористический компонент. Данный прием может быть полезен, когда игра слов слишком специфична, чтобы можно было найти эквивалентное или аналогичное выражение в языке перевода.

Эти стратегии позволяют переводчикам адаптироваться к различным уровням сложности игры слов и контексту, обеспечивая при этом максимально возможный уровень адекватности перевода и комичности при передаче коммуникативного эффекта языковой игры.

Наряду с вышеперечисленными приемами адекватного перевода в ходе исследования были отмечены варианты неадекватной передачи игры слов, при которых наблюдалось опущение языковой игры, искажение смысла, нарушение языковых и других норм

адекватного перевода, которые, несомненно, отрицательно сказывались на восприятии комедийного сериала зрителями. Поэтому считаем такие варианты нарушения норм перевода недопустимыми и рекомендуем переводчикам их избегать, опираясь на вышеуказанные приемы адекватного перевода.

Таким образом, предложенная классификация сможет дополнить существующие подходы, обогатит переводческую практику и предоставит переводчикам эффективные инструменты для решения задач, связанных с переводом игры слов.

Анализ переводческих приемов передачи игры слов

В данной части исследования мы рассмотрим конкретные примеры перевода игры слов, основанные на различных механизмах их формирования: полисемии, омонимии, паронимии. Мы проанализируем, как переводчики справляются с различными типами языковых игр, и оценим эффективность их решений в контексте сохранения оригинального юмора и стиля, а также адекватности в каждом типе аудиовизуального перевода. Этот анализ позволит нам глубже понять, какие из заявленных приемов перевода (прямой перевод, подбор аналога, лексико-семантическая замена, описательный перевод) являются наиболее успешными в передаче комического эффекта и как они могут различаться в зависимости от механизмов, на основе которых построена игра слов. Таким образом, мы сможем не только выявить возможные недостатки в переводах, но и предложить идеи для улучшения передачи комических элементов в аудиовизуальных произведениях в будущем.

Анализ приемов перевода языковой игры проводился на материале исследования трёх видов аудиовизуального перевода англоязычного сериала *Modern Family* («Американская семейка»): закадровый перевод, дублированный перевод и субтитрированный перевод. Для анализа было отобрано 90 эпизодов игры слов, а также их аудиовизуальные переводы на русский язык в трёх вариантах перевода.

Начнем анализ с рассмотрения типа языковой игры, вызывающей наименьшие трудности при переводе – с игры слов, основанной на *полисемии.* Полисемия в основе формирования игры слов не представляет больших сложностей в том случае, когда игра

слов строится на лексемах, имеющих схожие денотативные и коннотативные значения в двух языках.

К примеру, в 21 серии 3 сезона герой Фил хочет купить красивый, но совершенно не практичный кабриолет, и думает о том, что скажет его жена Клэр. Его друг иронизирует над Филом, намекая на то, что он безвольный и слабохарактерный, тем самым создавая комическую ситуацию:

«- What would Claire say?

- You know what? Maybe we should buy you something with a little lumbar support. You know, with you not having a ***spine*** *and all».*

Слово *spine*, помимо главного значения «спина, позвоночник», также имеет переносное значение «решимость и сильный характер» (strength of endurance, will, etc) (Cambridge Dictionary, n.d.). В русском языке прямое и переносное значение слова «хребет» совпадают с английским языком, поэтому переводчикам трёх вариантов перевода не составило труда перевести данную языковую игру с помощью приёма прямого перевода:

«- Что скажет Клэр?

- Знаешь что? Может, купишь что-то для поддержки поясницы… раз ты **бесхребетный»**.

На многозначности слова со схожими прямым и переносным значениями также построена следующая игра слов:

«- Claire, look at the ***positive****. One of our kids is finally moving out.*

- After her pregnancy test, I've had enough ***positives»****.*

В сериале обыгрывается слово *positive*, означающее «что-то положительное, хорошее» в ситуации, и в то же время «положительный результат на медицинский тест» (в данном случае тест на беременность) (Cambridge Dictionary, n.d.).

Фраза создает контраст между оптимизмом мужа и пессимизмом Клэр, что усиливает драматический эффект сцены и подчеркивает различия в их восприятии ситуации. Клэр иронично отзывается о ситуации, в которой её муж пытается найти положительный аспект в уходе ребенка из дома. Она подчеркивает, что у них возникают и другие, менее радостные “положительные” аспекты, намекая на беременность и её беспокойства, что создает комический эффект всего эпизода.

Благодаря тому, что в двух языках эти значения полностью совпадают, переводчики субтитров и дубляжа Кинопоиск HD решили перевести реплики с помощью приема прямого перевода:

«- Клэр, мысли **положительно**. Один из детей, наконец, съезжает.

- После её теста на беременность хватит с меня **положительного»**.

Переводчики студии *Lostfilm* использовали прием лексико-семантической замены, подобрав другое синонимичное слово - «плюс», которое является семантически близким как первому значению, так и второму значению слова *positive*, поэтому мы считаем эти варианты перевода адекватными:

«- Клэр, есть и **плюсы**. Один из наших детей съезжает.

- С меня хватило **плюса** на её тесте на беременность».

Больше трудностей вызывают у переводчиков примеры языковой игры, построенной на полисемии, разные значения которой не совпадают в двух языках и возникают вследствие культурных различий ассоциативных и метафорических рядов.

Наглядным примером может служить следующий эпизод. Герой сериала использовал выражение со словом *eggshell*, которое имеет несколько значений: помимо главного значения «яичная скорлупа», оно также означает «полуматовый глянец» и «бледно-жёлтый цвет». Более того, оно является частью идиомы *walk/be on eggshells,* означающее «быть очень осторожным, чтобы не обидеть или не расстроить кого-либо» (to be very careful not to offend or upset someone) (Cambridge Dictionary, n.d.).

В 22 серии 8 сезона Кэм и Митч обсуждали напольную краску и другие вопросы в контексте ремонта и декорации дома, и Кэм, заметив, что Митч раздражается, саркастично произнес фразу: «*Why don't we just paint the floor* ***eggshell*** *since that's what I'm walking on?»*

Поскольку в русском языке нет устоявшегося эквивалента идиоме *walk/be on eggshells*, переводчики субтитров воспользовались приёмом лексико-семантической замены, и построили игру на образной паре слов из одной лексико-семантической группы «желток – цыпленок - на цыпочках»: «Покрасим пол в **желточный цвет**, и буду ходить **на цыпочках»**. Переводчики дубляжа перевели фразу дословно, тем самым

совершенно исказив смысл и потеряв комический эффект: «Можно просто покрасить **скорлупой** дом, раз я по нему хожу», что, несомненно, не может считаться адекватным переводом.

Лучшим вариантом перевода, по нашему мнению, является закадровый перевод, поскольку в нём была сохранена игра слов благодаря приёму подбора аналога: «Выберем **глянец**, ведь ты скоро сорвешься на **мат**». Переводчики воспользовались заменой образа, создали новую игру слов, основанную на многозначности слова «мат», которое имеет такие значения, как «ковер или циновка, мягкий настил», «шероховатость, лишающая какую-нибудь поверхность блеска, прозрачности», так и «неприличную брань, обсценную (ненормативную) лексику». Как видим, игру слов передали через противопоставление значений «глянцевый – матовый», а также через реализацию двух сем слова «мат»: «без глянца, блеска» и «неприличная брань».

Омонимы как основа формирования игры слов вызывает больше сложностей при переводе, так как в языках может быть меньше совпадений семантических и культурных компонентов лексем, составляющих языковую игру.

К примеру, по сюжету 22 серии 1 сезона Кэм и Митч не успевают привезти свою приёмную дочь Лили в школу к первому занятию и узнают, что у Лили началась менструация:

«- *… and you'll still make it to school. Worst comes worst, you'll be a little late for your first* ***period****.*

- *Actually, she's a little early».*

Слово *period* в английском языке имеет, помимо других, значения: «урок, занятие в учебном заведении» (in school, a division of time in the day when a subject is taught) и «менструация» (the process of blood coming from the uterus, which usually happens once a month when someone is not pregnant) (Cambridge Dictionary, n.d.).

Игра слов создает комический эффект, подчеркивая некоторую абсурдность ситуации, которая и вызывает смех у зрителей, так как основана на противопоставлении ожидаемого опоздания в школу и неожиданного утверждения о начале менструации.

Переводчики субтитров и дубляжа решили воспользоваться приёмом прямого перевода, противопоставляя понятия «поздно - рано», но опустили значение слова «*period*», о котором можно

догадаться только по контексту конкретного эпизода и визуального компонента действий на экране:

«- …и подвезем тебя с ним до школы. В худшем случае, ты немного **опоздаешь** на первый урок.

- В чем-то она очень **ранняя**».

Однако лучшим вариантом перевода является вариант закадровых переводчиков, так как они решили использовать приём лексико-семантической замены и создали языковую игру на основе семантически близкого слова - «критический», так как в русском языке оно также имеет два значения, одно из которых является эвфемизмом «менструации»:

«- … и ты еще успеешь в школу. Даже если опоздаешь, ничего страшного, этот день не **критический**.

- Вообще-то он как раз **критический**».

Любопытным примером перевода игры слов на основе омонимии является перевод фразы, в которой обыгрываются омонимичные значения слова *sage*. Оно имеет следующие значения: «мудрый» (wise, especially as a result of great experience) и «шалфей» (a plant whose grayish-green leaves are used as a herb to give flavor to some foods) (Cambridge Dictionary, n.d.).

В 19 серии 2 сезона героиня Клэр обращается к ведущему кулинарных курсов с фразой: «*When it comes to herbs, you're something of a* ***sage****».* Фраза представляет повара-ведущего как опытного и мудрого профессионала, который мастерски использует травы, в частности, шалфей, в своей кулинарной практике.

Все три варианта перевода являются удачными, поскольку переводчики решили создать каламбур, изменив его образную составляющую и выбрав слова из общей лексико-семантической группы трав и специй.

В переводе субтитров значение «мудрый» было заменено на выражение «с перчинкой», что означает «необычный, с яркой индивидуальностью»: «Думаю, в плане специй, вы **с перчинкой**». Однако подобная характеристика полностью совпадает с изображенным в кадре персонажем и передает неординарность и эксцентричность повара - ведущего.

Переводчики дубляжа использовали выражение «почивать на лаврах», что означает «добившись чего-либо, успокаиваться на достигнутом»: «Но в том, что касается пряностей, вы явно

почиваете **на лаврах**». Использование этого выражения меняет денотативное значение, но позволяет сохранить контекст темы «специи» (лавры – лавровый лист), что оказывается важнее в данном аудио-визуальном ряде.

Самым близким к оригиналу является вариант закадрового перевода, так как переводчики использовали слово «знахарь», которое является семантически близким по значению к английскому *sage* и в значении «мудрый», и в значении «имеющий дело с травами»: «Полагаю, когда дело касается трав, вы наш **знахарь**».

Все варианты перевода являются адекватными, поскольку переводчикам удалось передать игру слов и тем самым произвести необходимый прагматический эффект – показать харизматичность и даже эксцентричность ведущего мастер-класса, речь которого наполнена элементами игры, юмора и легкости.

Ранжируя различные механизмы образования игры слов по степени сложности их перевода, можно с уверенностью сказать, что языковая игра на основе *паронимии* создает наибольшие трудности, о чем свидетельствует и следующий эпизод.

В той же серии, в которой Клэр посетила кулинарный мастер-класс, прозвучала игра слов, основанная на созвучии слов *time* и *thyme*, когда ведущий мастер-класса комично, намеренно сближая артикуляцию звуков этих слов, произнёс фразу: «*Thyme. It's **time** to chop **thyme**».*

Переводчики субтитров и закадрового перевода опустили игру слов и передали лишь прямое денотативное значение фразы, тем самым потеряв языковую игру оригинала и юмористический контекст, намеренно создаваемый ведущим мастер-класса: «Тмин. **Пора** измельчить **тмин**».

Переводчикам дубляжа удалось сохранить комический эффект за счет рифмы, поскольку они использовали приём подбора аналога и создали рифмующееся выражение со словом «тимьян», которое компенсировало прагматический потенциал игры слов. В нём не передано основное значение фразы оригинала, однако главная цель данной реплики – показать юмор, легкость, энтузиазм и задор в речи повара-ведущего – достигнута именно за счет рифмы слов: «Готовь без **изъяна**, добавь **тимьяна**».

В 3 серии 5 сезона Фил, работающий риелтором, уверяет покупательницу в том, что ей нужен большой частный дом:

«- It's a great house, but I'm just gonna be alone.

- Diane, you're not gonna be ***alone****. You're gonna get* ***a loan****».*

Комический эффект фразы создается за счет контраста между серьезной темой одиночества и неожиданной логической связки отсутствия одиночества из-за получения займа. Зритель ожидает продолжения речи об эмоциях, о чувстве одиночества, но замена этого слова на «кредит» вносит элемент абсурда и приводит к парадоксальности ситуации.

Языковая игра строится на паронимии слов *alone* («одинокий, один») и *a loan* («заем, ссуда, кредит»). Поскольку в русском языке эти слова не являются созвучными, перевести данную языковую игру, сохранив при этом прямой смысл реплик, представляется трудной задачей.

В переводе субтитров и закадровом варианте переводчики использовали приём описательного перевода с опущением игры слов, сохранив лишь денотативное значение слов:

«- Дом-то прекрасный, но я же буду тут одна.

- Дайан, не **одна**, а с полученной **ссудой** на дом».

Однако в дублированном переводе мы видим попытку использовать похожее звучание слов «одиночество - один очень». Переводчики прибегли к приёму лексико-семантической замены, подобрав фонетически близкие лексемы, и тем самым сохранили языковую игру на уровне формы и содержания:

«- Это прекрасный дом, но меня ждет одиночество.

- Дайан, не **одиночество**, а **один очень** выгодный кредит».

Интересным является пример созвучия антонимов, на которых строится следующая языковая игра: «*I don't want to just be their* ***Vice*** *Principal. I want to be their* ***Nice*** *Principle»*. Более того, в данной фразе реализуются значения полисемичного слова *vice,* которое может означать и «заместитель», и «злой, порочный». Игра слов строится на контрасте между Vice Principal (заместитель директора и злой директор) и Nice Principle (милый, дружелюбный директор).

Кэм в этой фразе выражает желание быть хорошим заместителем директора для проблемных подростков. Первая часть английской фразы обращает внимание на формальную роль персонажа, в то

время как вторая часть подчеркивает его личное стремление быть добрым и поддерживающим. Этот контраст между официальностью и эмоциональным содержанием усиливает комический эффект.

Переводчики субтитров прибегли к приему лексико-семантической замены, заменяя антонимическую пару «v*ice – nice»* на «простой/обычный - самый (лучший)»: *«Я не хочу быть им **просто** замом директора. Я хочу быть **самым-самым** замом».* Несмотря на некоторую потерю юмористической составляющей языковой игры, переводчики попытались сохранить прагматический эффект – передать желание персонажа быть более понимающим и поддерживающим, чем обычным строгим заместителем – за счет подбора семантически близких слов.

В закадровом варианте перевода игра слов построена на противопоставлении «простого/обычного» завуча и «правильного» завуча, что также подчеркивается особым протяжным произношением звука «р» в слове «правильный»: «Хочу быть не просто их **завучем**, хочется быть их **пррравучем**». В этом переводе комизм игры слов частично сохранен за счет фонетического элемента «пррравучем», однако не полностью передает идею доброго и дружелюбного завуча.

В переводе дубляжа переводчики использовали прием подбора аналога и создали каламбур на созвучии слов «задира и зам-дира», что успешно передаёт юмор оригинальной игры слов за счет их фонетического сходства в русском языке: «Я не **задира**, я **зам-дира**». Это делает перевод более запоминающимся и легким для восприятия, что особенно важно в контексте аудиовизуального произведения. Кроме того, этот прием создает комический эффект, так как игра слов усиливает контраст между дерзким образом «задиры» и культурным поведением официального лица школы. В результате такой перевод не только сохраняет смысловую нагрузку, но и привносит в текст элементы остроумия, что и требуется при передаче языковой игры.

Обсуждение результатов исследования

Проанализировав частотность применения приемов перевода игры слов, выделенных авторами в своей классификации, мы пришли к следующим выводам:

Наиболее частотной стратегией передачи игры слов является использование *приема подбора аналога* (36,7%), при котором становится возможным сохранение языковой игры и передача адекватного комического эффекта за счет замены образа, что обусловлено внутриязыковыми и культурными различиями языка оригинала и языка перевода.

Лексико-семантическая замена (25,5%) также является эффективным средством передачи денотативного содержания и достижения прагматической цели при переводе игры слов, что происходит за счет частичной замены образа на основе подбора синонимичного слова или иного семантически близкого слова, или слова из одной лексико-семантической группы.

Прямой (эквивалентный) перевод (18,9%) игры слов встречается в тех случаях, когда в английском и русском языках имеются слова со схожими денотативными и коннотативными компонентами, которые чаще всего представляют собой некие универсальные, присущие разным культурам явления.

При *описательном переводе* (11,1%) языковой игры удается передать основное содержание высказывания, необходимое для понимания сюжета, однако теряется юмористическая интенция автора сообщения, составляющая суть игры слов. Данный прием используется в тех крайних случаях, когда игра слов строится на основе слишком специфичного для конкретного языка и конкретной культуры образа.

Помимо адекватных приемов перевода нами были отмечены случаи неадекватной передачи (8,3%) языковой игры, при которых наблюдались примеры полного искажения смысла и нарушения языковых и других норм адекватного перевода, которые считаются недопустимыми на современном этапе развития переводоведения.

Проанализировав частотность применения приемов передачи игры слов в разных видах АВП, можем утверждать следующее:

При переводе субтитров приемы адекватной передачи игры слов были использованы в 87,7% (79 из 90) случаях, приемы неадекватной передачи игры слов — в 12,3% (11 из 90) случаях. Частое использование приемов прямого перевода (29 примеров), замены образа (26 примеров), лексико-семантической замены (24 примера) может быть обусловлено тем, что текст перевода субтитров должен соответствовать техническим нормам и не

превышать определенного количества знаков. Однако в некоторых случаях была возможность адекватно перевести фразу и соответствовать ограничениям данного вида аудиовизуального перевода, и тогда мы можем говорить лишь о небрежности переводчиков.

При переводе дубляжа приемы адекватной передачи игры слов применялись в 84,4% (76 из 90) случаях, неадекватная передача игры слов отмечалась в 15,6% (24 из 90) случаях. Наиболее эффективными приемами дублированного перевода стали прием подбора аналога (37 примеров), прямого перевода (25 примеров) и лексико-семантической замены (14 примеров). Для обеспечения максимального синхронизма артикуляции актеров дубляжа с видеорядом и темпом речи фразы на языке перевода должны быть приблизительно той же длины, что и фразы оригинала, и это создает проблемы переводчикам дублирования.

При закадровом переводе к приемам адекватной передачи игры слов прибегали в 92,2% (83 из 90) случаях. Можем отметить, что в данном виде АВП наблюдается наибольший процент использования приемов адекватной передачи, среди которых – прием лексико-семантической замены (32 примера), подбора аналога (26 примеров), прямого перевода (18 примеров) и описательного перевода (7 примеров). Закадровые переводчики не ограничены ни количеством символов как при переводе субтитров, ни темпом речи актеров как при переводе дубляжа, что способствует более высокому уровню качества перевода в целом и качества передачи игры слов в частности.

Проанализировав процентное соотношение приемов перевода на каждый из указанных видов игры слов, можем отметить следующее:

В сериале большая часть игры слов была основана на паронимии (42,2%), то есть строилась на созвучии и фонетической схожести слов. Это неудивительно, так как аудиовизуальное произведение представляет собой комплекс аудиальных и визуальных компонентов, которые успешно применяются режиссерами и сценаристами с целью достижения определенного коммуникативного эффекта.

Наиболее эффективными средствами передачи языковой игры на основе паронимии стали лексико-семантическая замена (18

примера) и прием подбора аналога (12 примеров), что логично ввиду внутриязыковых различий в лексическом составе языков и их фонетической структуре. По этой же причине именно при переводе паронимов встречалось большее число примеров неадекватной передачи языковой игры: описательного перевода (5 примеров) или даже полного искажения смысла (3 примера).

Примерно равное положение по механизмам создания игры слов в анализируемом сериале занимают омонимия (35,5%) и полисемия (33,3%). Омонимы, слова с одинаковым написанием или произношением, но с разными значениями, позволяют создавать неожиданные и комические ситуации, когда одно слово может быть интерпретировано в нескольких смыслах, что вызывает у зрителей смех.

При переводе игры слов на основе омонимии все вышеуказанные нами приемы применялись примерно в равной степени: прямой перевод (8 примеров), прием подбора аналога (10 примеров), лексико-семантическая замена (9 примеров), также встречались отдельные примеры использования описательного (3 примера) и неадекватного перевода (2 примера).

Полисемия как основа создания игры слов представляет наименьшие трудности при переводе благодаря языковому и культурному сходству отдельных лексем, прямое и переносное значение которых совпадает в двух языках. При переводе языковой игры на основе полисемии чаще прибегали к приемам прямого перевода (13 примеров), однако также необходимо отметить приемы замены образа (8 примеров), лексико-семантической замены (6 примеров) и описательного перевода (3 примера).

Заключение

Чтобы достигнуть цели исследования, авторы успешно и последовательно выполнили несколько теоретических и практических задач.

Во-первых, в ходе аналитического обзора отечественной и зарубежной литературы по лингвистике и переводоведению было выявлено, что тема аудиовизуального перевода игры слов все еще не раскрыта в полной мере, тем более, что ранее не предпринимались попытки комплексного исследования данного вида перевода. Во-вторых, в статье авторы раскрывают суть понятия «аудиовизуальный перевод» через описание особенностей

и ограничений каждого из его подвидов, а именно: субтитрированного перевода, дублированного перевода и закадрового перевода. В-третьих, авторы подробно анализируют феномен игры слов и приходят к выводам, о том, что в основе его возникновения лежат три лингвистических явления: омонимия, синонимия, паронимия.

Результаты, полученные в ходе изучения теоретических источников и анализа практического материала, в качестве которого послужил комедийный сериал «Modern Family» (Американская семейка), позволили создать практико-ориентированную классификацию приемов аудиовизуального перевода игры слов, которая включает: 1) прямой перевод (подбор эквивалента), 2) лексико-семантическую замену, 3) подбор аналога (замена образа), 4) описательный перевод.

Оценка эффективности разработанной классификации, проведенная при помощи квантитативного метода, позволила получить следующие результаты. Наиболее частотным приемом перевода игры слов является использование подбора аналога (более трети случаев – 36,7%), в то время как наименее частотным - описательный перевод (11,1%). При этом лексико-семантическая замена (25,5%) и прямой перевод (18,9%) также являются эффективными средствами передачи денотативного содержания и прагматического воздействия при переводе игры слов.

Анализ качества передачи игры слов в каждом из указанных видов АВП показал, что в закадровом переводе наблюдаются наиболее высокие показатели адекватного перевода игры слов (92,2%), что обусловлено тем фактом, что закадровые переводчики не ограничены ни количеством символов на экране как при переводе субтитров, ни «укладкой в губы» и темпом речи актеров как при переводе дубляжа, что способствует более высокому уровню качества перевода в целом и качества передачи игры слов в частности.

Анализ процентного соотношения приемов перевода на каждый из указанных видов игры слов показал, что наиболее эффективным средством передачи языковой игры на основе паронимии стала лексико-семантическая замена (47%); при переводе игры слов на основе омонимии все вышеуказанные нами приемы применялись примерно в равной степени (более 30%); при переводе языковой

игры на основе полисемии чаще прибегали к приемам прямого перевода (43%).

В целом, можно утверждать, что предлагаемая авторами классификация приемов перевода игры слов в аудиовизуальных произведениях представляет собой эффективный инструмент, который позволяет переводчикам передавать как семантический компонент игры слов, так и коммуникативный комический эффект. Таким образом, применение данной классификации позволяет не только преодолеть трудности передачи критически важного прагматического эффекта игры слов, подобрать наиболее удачное или оптимальное переводческое решение в каждом конкретном случае, но и способствует улучшению качества перевода, что, безусловно, является конечной целью любого переводческого проекта.

Дальнейшее исследование данной темы представляет собой большой интерес как в силу все увеличивающегося объема материалов, требующих аудиовизуального перевода, так и высокой эффективности, которую на данном этапе исследования демонстрирует разработанная авторами классификация приемов перевода.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2005.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2012.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение: Общие и лексические вопросы. М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 111 с.
4. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. 5-е изд. М., 2012. 406 с.
5. Гаврилова В.И., Леонова Е.Н. Каламбуры в комедийном телесериале: стратегии перевода и особенности передачи юмора (на материале сериала «Офис») // Язык как структура и дискурсивная практика. №2 (5). 2024. С. 39–46.
6. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий / И. Гамбье // Вестник СПбГУ. Серия 9.

Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 56–74. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.405.
7. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: авто реф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2006.
8. Ерошин А.П. Эквивалентность и адекватность при переводе словесной игры в аудиомедиальных текстах: дис. канд. фил. наук: 10.02.20. М., 2015. 197 с.
9. Иволгина А. И. Особенности передачи каламбура в аудиовизуальном переводе мультсериалов с английского языка на русский (на примере серий британского мультсериала «Агент Маус») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4 (859). С. 44–50. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_4_859_44
10. Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода / А.В. Козуляев // XVII Царскосельские чтения. – СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2013. – Т. I. – С. 374–381.
11. Козуляев А.В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. № 3(13). 2015. Пермь: Изд. ПНИПУ. С. 3–24.
12. Кустова О.Ю. Поликодовость текста как фактор стратегии перевода кинофильма // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2015. № 1 (3). С. 279–282.
13. Малёнова Е. Д. Аудиовизуальный перевод как объект исследования в современном переводоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 101–107. DOI 10.52070/2542-2197_2023_6_874_101/
14. Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 32–46.

15. Матасов Р. А. Перевод кино-видео материалов: Лингвокультурологические и дидактические аспекты: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2009.
16. Сазонова Л. А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: дис. канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2004.
17. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Изд. 2, испр. и доп. Москва, 2002. 552 с.
18. Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под редакцией Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. Москва, 2003. С. 796–803.
19. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. М. : Издательство Михайлова В. А., 2002. 384 с.
20. Снеткова М. С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов: на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
21. Троицкая О.В. Игра слов в английском оригинале и переводе // Русская речь. 2005. № 2. С. 40-46.
22. Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода-1. Introduction to Interpreting XXI. Протокол, поиск работы, корпоративная культура. 6-е изд., доп. М.: Р. Валент, 2004.
23. Agapova E.A., Grishechko E.G. Censorship as a factor of information warfare // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 3(7). Pp. 43-44. doi: 10.18454/RULB.7.06
24. Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5(2). Pp. 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
25. Brotons Navarro M. L. The translation of audiovisual humour. The case of the animated film Shark Tale (El Espantatiburones) // MonTI. Monographs in Translation and Interpreting. 2018. №9. С. 307–329. https://doi.org/10.6035/MonTI.2017.9.11
26. *Cambridge Dictionary*. *English Dictionary, Translations & Thesaurus*. (n.d.). https://dictionary.cambridge.org/

27. Camilli L. P. A Case Study of the Audiovisual Translation of Wordplay: A Touch of Cloth / L. P. Camilli // Journal of Audiovisual Translation. 2019. Т. 2. № 1. С. 75–103. https://doi.org/10.47476/jat.v2i1.24.
28. Chaume F. Film studies and translation studies: Two disciplines at stake in audiovisual translation // Meta. April, 2004. Vol. 49. № 1. P. 12–24.
29. Cintas J.D., Remael A. Audiovisual Translation: Subtitling. L.: Cambridge Scholars Publishing, 2015.
30. Crystal D. Language play. London: Penguin Books, 1998. 249 p.
31. Delabastita D. There's a Double Tongue: An investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet / D. Delabastita. Amsterdam : Rodopi, 1993. 522 pp.
32. Delabastita D. Translation and mass-communication: Film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics // Babel. 1989. Vol. 35 (4). Pp. 193–218.
33. Dore M. Humour in audiovisual translation: Theories and applications. New York and London: Routledge. 2019. 296 p. ISBN: 9780367432317.
34. Fodor I. Film Dubbing – Phonetic, Semiotic, Esthetic and Psychological Aspects. Buske, 1976.
35. Gambier Y., Gottlieb H. Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges / Y. Gambier & H. Gottlieb (eds.) (Multi) media translation: concepts, practices, and research. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. VII–XX.
36. Gambier Y. Recent developments and challenges in audiovisual translation research // Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation / Ed. by D. Chiaro, Ch. Heiss, Ch. Bucaria. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co, 2008. P. 11–35.
37. Gottlieb H. "You got the picture?" On the Polysemiotics of subtitling wordplay // Traductio. Essays on punning and translation. Routledge, St. Jerome Publishing, 1997. С. 207–232.
38. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

39. O'Dowd, R. Virtual Exchange and internationalising the classroom // Training, Language and Culture. 2017. № 1(4). P. 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1
40. Orero P. Voice-over: A Case of Hyper-reality // MuTra. Audiovisual Translation Scenarios: Conference Proceedings. Copenhagen, 2016.
41. Remael A. Audiovisual Translation / Y. Gambier & L. van Doorslaer (eds.). Handbook of Translation Studies. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2010. P. 12–17.
42. Titford C. Subtitling - Constrained Translation // Lebende Sprachen. 2011. Vol. XXVII (3). Pp. 113-116.
43. Zabalbeascoa P. The nature of the audiovisual text and its parameters // The didactics of audiovisual translation / ed. by J. Diaz-Cintas. 2008. P. 21–37.
44. Zabalbeascoa P. Translating Jokes for Dubbed Television Situation Comedies // The Translator. 1996. Volume 2. Number 2. Pp. 235–257.
45. Американская семейка: телевизионный сериал (2009-2020) / авторы сценария: Пол Корригэн, Брэд Уолш, Стефен Ллойд; режиссер: Гейл Манкусо, Стивен Левитан, Бет МакКарти-Миллер; кинокомпании Picador Productions, Steven Levitan Productions, 20th Century Fox Television. Электронный ресурс. Изображение: видео // КиноПоиск: [сайт]. URL: https://www.kinopoisk.ru/series/472329/ (дата обращения: 20.02.2025).
46. Оригинальный текст сценария сериала Modern Family. Текст : электронный // subslikescript : [сайт]. URL: https://subslikescript.com/series/Modern_Family-1442437 (дата обращения: 20.02.2025).
47. Modern family: television series (2009-2020) / by Christopher Lloyd and Steven Levitan; Picador Productions, Steven Levitan Productions, 20th Century Fox Television. Электронный ресурс. - Изображение: видео // LostFilm: [сайт]. URL: https://modern-family-lostfilm.net/ (дата обращения: 20.02.2025).

References

Agapova, E. A., & Grishechko, E. G. (2016). Censorship as a factor of information warfare. *Russian Linguistic Bulletin, 3*(7), 43-44. doi: 10.18454/RULB.7.06

Alekseeva, I. S. (2005). *Professional'nyi trening perevodchika: uchebnoye posobiye po ustnomu i pismennomu perevodu dlya perevodchikov i prepodavatelei*. Saint Petersburg: Soyuz.

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Arnold, I. V. (2012). *Leksikologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye*. Moscow: Flinta, Nauka.

Brotons Navarro, M. L. (2018). The translation of audiovisual humour: The case of the animated film Shark Tale (El Espantatiburones). *MonTI. Monographs in Translation and Interpreting*, 9, 307–329. https://doi.org/10.6035/MonTI.2017.9.11

Cambridge Dictionary. (n.d.). *English Dictionary, Translations & Thesaurus*. https://dictionary.cambridge.org/

Camilli, L. P. (2019). A case study of the audiovisual translation of wordplay: A Touch of Cloth. *Journal of Audiovisual Translation*, 2(1), 75–103. https://doi.org/10.47476/jat.v2i1.24

Chaume, F. (2004). Film studies and translation studies: Two disciplines at stake in audiovisual translation. *Meta*, 49(1), 12–24.

Chuzhakin, A. P., & Palazhchenko, P. R. (2004). *Mir perevoda-1. Introduction to Interpreting XXI. Protokol, poisk raboty, korporativnaya kul'tura* (6th ed., rev. and enl.). Moscow: R. Valent.

Cintas, J. D., & Remael, A. (2015). *Audiovisual Translation: Subtitling*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Crystal, D. (1998). *Language play*. London: Penguin Books.

Delabastita, D. (1993). *There's a double tongue: An investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet*. Amsterdam: Rodopi.

Delabastita, D. (1989). Translation and mass-communication: Film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics. *Babel*, 35(4), 193–218.

Dore, M. (2019). *Humour in audiovisual translation: Theories and applications*. New York and London: Routledge.

Fodor, I. (1976). *Film dubbing – Phonetic, semiotic, esthetic and psychological aspects*. Buske.

Gavrilova, V. I., & Leonova, E. N. (2024). Kalambury v komedijnom teleseriale: strategii perevoda i osobennosti peredachi yumora (na materiale seriala "Ofis"). *Yazyk kak struktura i diskursivnaya praktika*, 2(5), 39–46.

Gambier, Y., & Gottlieb, H. (Eds.). (2001). *Multimedia, multilingua: Multiple challenges*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Gambier, Y. (2008). Recent developments and challenges in audiovisual translation research. In D. Chiaro, C. Heiss, & C. Bucaria (Eds.), *Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation* (pp. 11–35). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Gambier, I. (2016). Perevod i perevodovedenie na perekrestke tsifrovykh tekhnologiy. *Vestnik SPbGU. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, (4), 56–74. https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2016.405

Gorshkova, V. E. (2006). *Teoreticheskie osnovy profsess orientirovannogo podkhoda k perevodu kinodialoga*. (Doctoral thesis abstract, Irkutsk state Linguistic University, Irkutsk, Russia).

Gottlieb, H. (1997). "You got the picture?". On the Polysemiotics of subtitling wordplay. In *Traductio. Essays on punning and translation* (pp. 207-232). Routledge, St. Jerome Publishing.

Gottlieb, H. (2009). Subtitling against the current: Danish concepts, English minds. In J. Díaz Cintas (Ed.), *New trends in audiovisual translation* (pp. 21–43). Bristol; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters.

Gottlieb, H. (1994). Subtitling: Diagonal translation. *Perspectives: Studies in Translatology, 1*, 101–121.

Gribanova, T. I., & Gaidukova, T. M. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3*(2), 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

Eroshin, A. P. (2015). *Ekvivalentnost' i adekvatnost' pri perevode slovesnoi igry v audiomedial'nykh tekstakh*. (Candidate thesis, Federal State University of Education. Moscow, Russia).

Ivolgina, A. I. (2022). Osobennosti peredachi kalambura v audiovizual'nom perevode multserialov s angliiskogo yazyka na

russkii (na primere seriy britanskogo multseriala "Agent Maus"). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, *4*(859), 44–50. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_4_859_44

Kozulyaev, A. V. (2013). Audiovizual'nyi polisemanticheskii perevod kak osobaya forma perevodcheskoi deyatel'nosti i osobennosti obucheniya dannomu vidu perevoda. In *XVII Tsarskosel'skie chteniya* (Vol. I, pp. 374–381). Saint Petersburg: Leningradskii gosudarstvennyi universitet im. A. S. Pushkina.

Kozulyaev, A. V. (2015). Obucheniye dinamicheski ekvivalentnomu perevodu audiovizual'nykh proizvedenii: opyt razrabotki i osvoeniya innovatsionnykh metodik v ramkakh shkoly audiovizual'nogo perevoda. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatelskogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykovedeniya i pedagogiki, 3*(13), 3–24.

Kustova, O. Yu. (2015). Polikodovost' teksta kak faktor strategii perevoda kinofil'ma. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike, 1*(3), 279–282.

Malenova, E. D. (2023). Audiovizual'nyi perevod kak ob'ekt issledovaniya v sovremennom perevodovedenii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, *6*(874), 101–107. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_6_874_101/

Malenova, E. D. (2017). Teoriya i praktika audiovizual'nogo perevoda: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt. *Kommunikativnye issledovaniya*, *2*(12), 32–46.

Matasov, R. A. (2009). *Perevod kino-video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty*. (Candidate thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia).

O'Dowd, R. (2017). Virtual Exchange and internationalising the classroom. *Training, Language and Culture, 1*(4), 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

Orero, P. (2016). Voice-over: A case of hyper-reality. In *MuTra: Audiovisual Translation Scenarios: Conference Proceedings*. Copenhagen.

Remael, A. (2010). Audiovisual translation. In Y. Gambier & L. van Doorslaer (Eds.), *Handbook of Translation Studies* (pp. 12–17). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Remael, A. (2001). Some thoughts on the study of multimodal and multimedia translation. In Y. Gambier & H. Gottlieb (Eds.), *(Multi)media translation: Concepts, practices, and research* (pp. 13–22). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Sazonova, L. A. (2004). *Zakonomernosti peredachi kalambura pri perevode khudozhestvennoi literatury.* (Candidate thesis, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia).

Sannikov, V. Z. (2002). *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* (2nd ed., rev. and enl.). Moscow.

Skovorodnikov, A. P. (2003). Yazykovaya igra. In L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, & E. N. Shiryayev (Eds.), *Kultura russkoi rechi: entsiklopediicheskii slovar'-spravochnik* (pp. 796–803). Moscow.

Smetanina, S. I. (2002). *Media-tekst v sisteme kul'tury. Dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka*. Moscow: Izdatel'stvo Mikhaylova V. A.

Snetkova, M. S. (2009). *Lingvostilisticheskie aspekty perevoda ispanskikh kinotekstov: na materiale russkikh perevodov khudozhestvennykh filmov L. Bunyuelia "Viridiana" i P. Almodovara "Zhenshchiny na grani nervnogo sryva".* (Candidate thesis, Lomonosov Moscow State University, Mosocw, Russia).

Titford, C. (2011). Subtitling - constrained translation. *Lebende Sprachen, 27*(3), 113-116.

Troitskaya, O. V. (2005). Igra slov v angliyskom originale i perevode. *Russkaya rech', 2*, 40–46.

Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie: Obshchie i leksicheskie voprosy*. Moscow: Izdatel'stvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO.

Vlahov, S. I., & Florin, S. P. (2012). *Neperevodimoe v perevode* (5th ed.). Moscow.

Zabalbeascoa, P. (2008). The nature of the audiovisual text and its parameters. In J. Díaz Cintas (Ed.), *The didactics of audiovisual translation* (pp. 21–37).

Zabalbeascoa, P. (1996). Translating jokes for dubbed television situation comedies. *The Translator, 2*(2), 235–257.

Amerikanskaya semeyka: televizionnyy serial. (2009-2020). *KinoPoisk.* https://www.kinopoisk.ru/series/472329/

Modern family: television series. (2009-2020). *LostFilm.* https://modern-family-lostfilm.net/
Original'nyy tekst stsenariya seriala Modern Family. (n.d.). *subslikescript.* https://subslikescript.com/series/Modern_Family-1442437

УДК 811.161.1'36 + 811.581'36
https://doi.org/10.25076/vpl.57.02
С.О. Тананайко[2]
Г. Чжоу
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ВОСПРИЯТИЕ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ СОГЛАСНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена комплексному и всестороннему анализу научной литературы по исследованию влияния фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение согласных при фонетической интерференции этих языков. В частности, большое внимание уделено описанию китайско-русской интерференции при обучении китайских студентов произношению русских палатализованных согласных. В работе предлагается подробный обзор литературы, посвященной фонологических системам обоих языков, выявляются принципиальные различия в их организации и функционировании. Исследование демонстрирует, что отсутствие в китайском языке фонологической оппозиции по признаку твердости/мягкости создает значительные трудности для китайских учащихся при освоении русских палатализованных согласных. Анализ данных показывает, что наибольшие сложности вызывают палатализованные согласные в конечной позиции и в консонантных сочетаниях, где отсутствует поддержка в виде последующего

[2] © **Тананайко С.О., Чжоу Г.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

гласного переднего ряда. Научная новизна работы заключается в синтезе имеющихся в разных исследованиях данных о конкретных механизмах фонетической интерференции при взаимодействии типологически различных языковых систем. Практическая значимость исследования состоит в разработке методических рекомендаций для эффективного обучения палатализованным согласным с учетом особенностей фонетических систем обоих языков.

Ключевые слова: палатализованные согласные, фонетическая система, фонологическая оппозиция, межъязыковая интерференция, русский язык, китайский язык, артикуляционная база, восприятие звуков речи, воспроизведение звуков речи, методика преподавания

UDC 811.161.1'36 + 811.581'36
https://doi.org/10.25076/vpl.57.02

S. O. Tananaiko
G. Zhou
St. Petersburg State University

INFLUENCE OF PHONETIC SYSTEMS OF RUSSIAN AND CHINESE ON PERCEPTION AND REPRODUCTION OF PALATALIZED CONSONANTS OF RUSSIAN

The article is devoted to a comprehensive and integrated analysis of scientific literature on the study of the perception and reproduction of consonants in phonetic interference of these languages. Specifically, much attention is paid to the description of Chinese-Russian interference when teaching Chinese students the pronunciation of Russian palatalized consonants. The work provides a detailed review of the literature describing the phonological systems of both languages, and reveals fundamental differences in their organization and functioning. The study demonstrates that the absence in the Chinese language of a phonological opposition of hard and soft consonants creates significant difficulties for Chinese students in mastering Russian palatalized consonants. Data analysis shows that the greatest difficulties are caused by palatalized consonants in the final position and in consonant combinations where there is no support in the form of a subsequent front vowel. The scientific

novelty of the work lies in the synthesis of available in different studies data on mechanisms of phonetic interference in the interaction of typologically different language systems. The practical significance of the study lies in the development of methodological recommendations for effective teaching of palatalized consonants, taking into account the specificity of the phonetic systems of both contacting languages.

Keywords: palatalized consonants, phonetic system, phonological opposition, interlingual interference, Russian language, Chinese language, articulatory base, perception of speech sounds, reproduction of speech sounds, teaching methods

Введение

В современной лингвистической науке особую актуальность приобретает изучение фонетических систем разноструктурных языков, в частности, русского и китайского. Сопоставительный анализ этих языковых систем позволяет выявить ключевые различия, влияющие на процессы восприятия и воспроизведения звуков речи в контексте межъязыковой коммуникации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методов обучения произношению палатализованных согласных в контексте китайско-русской межъязыковой коммуникации. Особый интерес представляет изучение механизмов фонетической интерференции и способов ее преодоления в процессе обучения русскому языку китайских студентов.

Целью данного исследования является, во-первых, анализ научной литературы о влиянии фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение русских палатализованных согласных при их фонетической интерференции; вторая цель – это обобщение приведенных в разных научных источниках данных и, наконец, итоговый результат – это выявление эффективных методов преодоления межъязыковой интерференции в данной области.

В современной лингвистике особое внимание уделяется сопоставительному анализу фонетических систем разноструктурных языков. М.Н. Каменских и Л.А. Юшкова подчеркивают важность изучения фонетического аспекта с учетом коартикуляции, что позволяет выявить созвучия даже в

неродственных языках. Фонетическая система русского языка имеет ярко выраженную консонантную природу, где палатализация согласных выполняет смыслоразличительную функцию. Это явление отражается в многочисленных минимальных парах, таких как "угол-уголь", "кров-кровь", демонстрируя существенную роль мягкости согласных в русском языке (Каменских, Юшкова, 2021).

Проблема взаимовлияния фонетических систем разных языков представляет значительный интерес как для теоретической лингвистики, так и для практики преподавания иностранных языков. Особенно актуальна данная тематика при сопоставлении типологически различных языков, таких как русский и китайский. Русский язык является флективным, фонемным с алфавитным письмом и акцентной системой, а китайский - изолирующим, односложным, слоговым, тональным с иероглифической письменностью (Akopova, 2005). Их фонетические и фонологические системы имеют кардинальные различия, что создает существенные трудности в процессе обучения (Пономарева, 2023).

В современной лингвистике уже накоплен значительный материал о фонетической интерференции при изучении русского языка носителями китайского языка. Однако проблема восприятия и воспроизведения именно палатализованных согласных остается недостаточно изученной. Между тем, палатализация является одним из наиболее специфичных и сложных для освоения явлений русской фонетической системы для китайских учащихся (Айцзюнь, 2017).

Методы исследования

Исследование влияния фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение русских палатализованных и китайских палатальных согласных проводилось с использованием теоретико-описательного и аналитического методов. В основе работы лежало систематическое сравнение фонологических систем обоих языков с фокусом на оппозицию твердости/мягкости в русском языке при ее отсутствии в китайском.

Теоретическая составляющая исследования основывалась на фонологическом моделировании механизмов межъязыковой

интерференции и контрастивном анализе артикуляционных баз двух языков.

Результаты и обсуждение

Палатализация в русском языке представляет собой дополнительную артикуляцию, при которой средняя часть спинки языка поднимается к твёрдому нёбу при сохранении основного места образования согласного. Это явление носит системный характер, создавая в русском языке фонологическую оппозицию по признаку твердости/мягкости. Физиологический механизм палатализации состоит в том, что при произнесении мягкого согласного средняя часть спинки языка приподнимается к твердому нёбу, создавая дополнительную преграду. Важно отметить, что данная дополнительная артикуляция осуществляется одновременно с основной артикуляцией согласного. Именно этот симультанный характер создает значительные трудности для носителей китайского языка, поскольку в китайской фонетической системе нет аналогичного явления (Zhao, 2016).

Фонетическая система русского языка характеризуется сильно развитым консонантизмом с фонологически значимой оппозицией по признаку твердости-мягкости (Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021), что отражено в наличии многочисленных минимальных пар типа "угол-уголь", "кров-кровь". Палатализация в русском языке может проявляться в различных позициях: перед гласными переднего ряда, в конце слова, перед другими согласными. Китайская фонетическая система принципиально отличается от русской. Китайский язык относится к слоговым языкам с жесткими ограничениями на структуру слога, состоящего из инициали и финали. Структура китайского слога определяет особенности артикуляционной базы китайского языка. Отсутствие в китайском языке противопоставления согласных по твердости-мягкости создает основу для фонетической интерференции при освоении русских палатализованных согласных.

В русском языке палатализации могут подвергаться почти все согласные, что создает разветвленную систему корреляций по твердости/мягкости (Gribanova, Gaidukova, 2019). Однако степень палатализации может варьироваться в зависимости от типа согласного. Наиболее сильная степень палатализации наблюдается у переднеязычных согласных, в то время как губные и

заднеязычные проявляют более умеренную степень смягчения (Балшайтите, Краулис, 2014).

С акустической точки зрения палатализация выражается в повышении частоты второй форманты в спектре согласного, появлении высокочастотной шумовой составляющей и общем изменении тембральной окраски звука. Эти характеристики создают особый перцептивный эффект, который фонологически значим для русского языка и формирует систему противопоставлений по признаку твердости/мягкости. В русском языке можно выделить несколько типов палатализации. Первичная (собственно палатализация) отражает исторический процесс смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Вторичная палатализация является результатом ассимилятивных процессов (Grishechko, 2023). По степени смягчения различают собственно палатализацию (полное смягчение) и полупалатализацию (частичное смягчение). С позиционной точки зрения выделяют обязательную фонологически значимую палатализацию, позиционную палатализацию (обусловленную фонетическим контекстом) и ассимилятивную палатализацию (Быстров, 2022).

Китайский язык имеет принципиально иную фонологическую организацию по сравнению с русским. Слог китайского языка делится на две части: инициаль (начальную) и финаль (остальную), на которые накладывается тон. В большинстве случаев начальная позиция слога занята одним согласным. Согласные-инициали в китайском языке характеризуются по месту образования (губно-губные, губно-зубные, апикальные зубные, альвеолярные, какуминальные, дорсальные передненёбные, заднеязычные), способу образования (смычно-взрывные, смычно-аффрикаты, щелевые, сонорные), силе воздушного потока (придыхательные/непридыхательные) и наличию колебания голосовых связок. В отличие от русского языка, в китайском отсутствует системная оппозиция согласных по твердости/мягкости (Жуйци, 2020).

Китайская фонетическая система существенно отличается от русской. В китайском языке наблюдается строгая слоговая организация с жесткими ограничениями на структуру слога, состоящего из инициали (начального согласного) и финали (остальной части слога). При этом в китайском языке отсутствует

фонологическое противопоставление согласных по признаку твердости-мягкости. Важной особенностью китайского языка является его тональность. Каждый слог произносится с определенным тоном, который выполняет смыслоразличительную функцию. При этом тоны могут влиять на артикуляцию согласных. Данное обстоятельство создает дополнительные трудности при усвоении русской фонетической системы, так как носители китайского языка должны переключить внимание с тональных различий на фонематические оппозиции согласных.

Для китайской фонетической системы характерно наличие придыхательных согласных, которые противопоставляются непридыхательным, что создает фонологическую оппозицию, отсутствующую в русском языке. Этот фактор также влияет на восприятие и воспроизведение палатализованных согласных русского языка носителями китайского (Сю, 2019; O'Dowd, 2017).

Исследование перцептивных аспектов освоения палатализованных согласных позволило выявить несколько ключевых механизмов фонетической интерференции. Согласно теории фонетической перцепции, распознавание иноязычных фонем происходит через призму перцептивных категорий родного языка. Отсутствие в китайском языке перцептивных категорий для различения твердых и мягких согласных приводит к трудностям в их дифференциации. Интересно отметить, что восприятие палатализации варьируется в зависимости от фонетического контекста. Палатализованные согласные перед гласными переднего ряда воспринимаются китайскими учащимися значительно лучше, чем в других позициях. Это согласуется с теорией коартикуляционного сопротивления, которая предполагает различную степень подверженности звуков контекстным влияниям. Временная организация слога также играет важную роль в восприятии палатализации. Согласно модели Saltzman & Munhall, артикуляционные жесты имеют свою внутреннюю временную организацию. Отсутствие в китайском языке опыта координации основной и дополнительной артикуляции при произнесении согласных создает трудности в восприятии этого тонкого фонетического различия (Zhao, 2016).

Специфика восприятия и воспроизведения палатализованных согласных носителями китайского языка обусловлена отсутствием

в их родном языке соответствующей фонологической оппозиции. При изучении русского языка китайские учащиеся сталкиваются с необходимостью различать и воспроизводить фонетические явления, не свойственные их языковой системе. Это создает определенные трудности в освоении русской фонетики и требует разработки специальных методических подходов к обучению. О.К. Трубач, Д.И. Горшкова и Л.Н. Скляр в своих исследованиях отмечают, что китайская фонетическая система базируется на принципиально иных основаниях. В китайском языке отсутствует противопоставление согласных по твердости-мягкости, а основной фонетической единицей является слог, неразрывно связанный с тональной системой. В контексте этой проблематики М.Н. Каменских предлагает использовать поэтапный подход к изучению азиатских языков, начиная с более фонетически близких к русскому языку систем, что может способствовать более эффективному освоению сложных фонетических явлений (Каменских, Юшкова, 2021; Трубач, Горшкова, Скляр, 2023).

Исследование фонетических систем русского и китайского языков выявляет существенные различия в их структурной организации, что непосредственно влияет на процесс восприятия и воспроизведения палатализованных согласных. Я.Л. Березовская и Л. Жуйди в своих исследованиях обратили внимание на специфику произношения китайскими студентами ударных слогов в русских словах. Они отметили, что учащиеся часто переносят особенности тональной системы родного языка на русское ударение, что проявляется в значительном изменении высоты тона при произношении ударных слогов. У.Ю. Курт подчеркивает существенное различие в организации консонантных сочетаний: если русский язык допускает сложные комбинации согласных в различных позициях слова, то китайский характеризуется строгими ограничениями на сочетаемость звуков внутри слога (Березовская, Жуйди, 2021; Курт, 2021).

Сопоставительный анализ фонетических систем русского и китайского языков выявляет принципиальные различия в организации согласных звуков. В русском языке имеется 34 согласных фонемы, образующих разветвленную систему оппозиций, включая противопоставление по твердости/мягкости.

Китайская же система насчитывает 22 согласных фонемы, которые не противопоставлены по признаку палатализации (Точоная, 2023).

Слоговая структура китайского языка также существенно отличается от русской. Слог в китайском языке имеет строгую организацию и состоит из инициали (начальной согласной) и финали (остальной части слога), на которые накладывается тон. Инициаль и финаль подчиняются строгим ограничениям сочетаемости. В отличие от русского языка, в китайском отсутствуют скопления согласных внутри слога, что делает восприятие и воспроизведение русских консонантных сочетаний с палатализованными согласными особенно проблематичным для носителей китайского языка (Хао, Панова, 2015).

В китайском языке согласные-инициали классифицируются по месту образования (губно-губные, губно-зубные, апикальные зубные, альвеолярные, какуминальные, дорсаль]. ные передненёбные, заднеязычные), способу образования (смычно-взрывные, смычно-аффрикаты, щелевые, сонорные) и силе воздушного потока (придыхательные/непридыхательные). Примечательно, что китайские согласные характеризуются меньшей интенсивностью артикуляции по сравнению с русскими. Одна из ключевых фонологических оппозиций китайского языка базируется на различении придыхательных и непридыхательных согласных, что совершенно нехарактерно для русского языка. Например, фонемы <p^h>/<p>, <t^h>/<t>, <k^h>/<k> противопоставлены по данному признаку и различаются наличием или отсутствием сильного выдоха после смычки. В русском языке подобное противопоставление отсутствует (Юцзя, 2017).

Особого внимания заслуживает наблюдение Чжан Сяоцзюаня о принципиальном различии в реализации палатализации в обоих языках. В русском языке это явление носит системный характер и формирует фонологические оппозиции по признаку твердости-мягкости, тогда как в китайском языке палатализация как фонологическое явление отсутствует. Существенное влияние на восприятие и воспроизведение палатализованных согласных оказывает различие артикуляционных баз двух языков. Русская артикуляционная база характеризуется активным использованием всех отделов речевого аппарата, в то время как китайская предполагает более фиксированное положение органов речи при

произношении. Данные особенности создают определенные трудности в процессе межъязыковой коммуникации и требуют разработки специальных методических подходов для эффективного обучения произношению в обоих языках (Сяоцзюань, 2019).

Палатализация в русском языке может проявляться в разных позициях: в начале, середине и конце слова, перед гласными и другими согласными. Характер и степень палатализации могут варьироваться в зависимости от фонетического окружения. Перед гласными переднего ряда, особенно перед [и], палатализация согласных проявляется наиболее ярко. В данной позиции носители китайского языка легче воспринимают мягкость согласного, поскольку сам гласный [и] создает акустический эффект, сходный с палатализацией (Присная, 2012).

Значительные трудности для китайских учащихся представляет палатализация в конце слова или перед другими согласными. В этих позициях отсутствует поддержка в виде следующего гласного переднего ряда, и мягкость согласного должна быть реализована исключительно за счет собственной артикуляции. Носители китайского языка, не имеющие в своей фонологической системе аналогичного явления, часто не воспринимают и не воспроизводят мягкость в подобных контекстах (Скобёлкина, 2020).

Физиологическая сущность палатализации заключается в подъеме средней части спинки языка к твердому нёбу при сохранении основного места образования согласного. При этом образуется дополнительная преграда для воздушной струи, что акустически проявляется в виде повышения второй форманты и появления характерного шумового компонента высокой частоты. Артикуляционный механизм палатализации представляет значительные трудности для носителей китайского языка, поскольку требует одновременного выполнения двух артикуляционных жестов. В китайском языке подобный механизм дополнительной артикуляции отсутствует, что создает интерференцию при освоении русских палатализованных согласных. Особенно сложными для восприятия и воспроизведения оказываются палатализованные согласные в определенных позициях. Экспериментальные исследования показывают, что наибольшие трудности вызывают мягкие согласные в конце слова

и перед согласными, где отсутствует поддержка в виде следующего гласного переднего ряда (Черепко, 2019).

Проблема восприятия и воспроизведения палатализованных согласных в контексте взаимодействия русской и китайской фонетических систем представляет особый интерес для современной лингвистики. Ю. Цзян обращает внимание на влияние фонетической особенности Путунхуа на произношение русских звуков. Исследователь отмечает, что носители различных фонетических особенностей Путунхуа, демонстрируют специфические особенности в восприятии и воспроизведении русских фонем. Например, жители провинций Хубэй и Хунань испытывают трудности в различении звуков [л] и [н], произнося "млого" вместо "много" (Цзян, 2023).

Изучение влияния фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение палатализованных согласных представляет значительный интерес в области сопоставительной фонетики и методики преподавания иностранных языков. Б.Б. Алиева в своих исследованиях подчеркивает, что межъязыковая интерференция особенно ярко проявляется при взаимодействии языков с существенно различающимися фонетическими системами. Исследователь отмечает, что носители языка обладают специфическими перцептивными категориями, сформированными под влиянием родной фонетической системы (Алиева, 2018).

Существенный вклад в понимание проблемы внесли О.В. Чевела, С.И. Федотова и В.П. Никитюк, обратившие внимание на то, что артикуляционные привычки, сформированные в родном языке, могут существенно затруднять правильное произношение звуков изучаемого языка. Это особенно заметно при освоении палатализованных согласных китайскими студентами. Отсутствие в китайской фонетической системе палатализованных согласных создает значительные трудности как в восприятии, так и в воспроизведении соответствующих русских звуков. Например, при произнесении слова "любовь" китайские студенты часто заменяют палатализованный [л'] на нейтральный [л], что приводит к искажению звучания и может затруднять коммуникацию. Процесс восприятия палатализованных согласных носителями китайского языка осложняется тем, что они интерпретируют акустические

сигналы через призму родной фонетической системы, где отсутствует противопоставление согласных по признаку твердости-мягкости. Это требует разработки специальных методических подходов, учитывающих особенности фонетических систем обоих языков (Чевела, 2017).

Исследование влияния фонетических систем русского и китайского языков на восприятие и воспроизведение палатализованных согласных представляет значительный интерес в области современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Го Жуйци в своих работах подчеркивает актуальность проблемы межъязыковой интерференции при изучении палатализованных согласных носителями китайского языка. Исследователь отмечает, что отсутствие в китайской фонетической системе противопоставления твердых и мягких согласных создает существенные трудности при освоении русского языка (Жуйци, 2020).

По мнению Чжао Чжэ, фонетическая интерференция наиболее ярко проявляется на начальных этапах обучения. Ученый приводит характерный пример: при произнесении русского слова "день" китайские студенты часто произносят его как [ден], игнорируя палатализацию согласного [н']. Это объясняется тем, что артикуляционная база китайского языка не предусматривает смягчения согласных перед гласными переднего ряда. Особую сложность представляет позиционная палатализация в русском языке, когда смягчение согласного происходит под влиянием последующего гласного. Например, в слове "мел" согласный [м'] смягчается перед [е]. Для носителей китайского языка такие фонетические процессы особенно трудны, поскольку в их родном языке подобные явления отсутствуют. Эффективным способом преодоления фонетической интерференции является работа с минимальными парами слов, различающимися только по признаку твердости-мягкости согласных, например, "мат-мять". Такой подход позволяет развивать фонетический слух и формировать правильные артикуляционные навыки у китайских студентов (Чжэ, 2016).

Для изучения особенностей восприятия и воспроизведения палатализованных согласных русского языка носителями китайского языка Yi Xu и Fang Liu было проведено комплексное

экспериментальное исследование. В экспериментах приняли участие две группы испытуемых: носители русского языка (контрольная группа) и носители китайского языка, изучающие русский язык (экспериментальная группа). Испытуемым предлагалось выполнить ряд заданий: прочитать список слов, содержащих палатализованные и непалатализованные согласные в различных позициях; опознать на слух минимальные пары, различающиеся только по признаку твердости-мягкости; повторить за диктором фразы, содержащие исследуемые фонетические явления. Результаты акустического анализа показали, что при произнесении палатализованных согласных носителями китайского языка наблюдаются существенные отличия от эталонного произношения. В частности, отмечается недостаточный подъем второй форманты, что свидетельствует о неполной реализации дополнительной артикуляции. Перцептивные эксперименты выявили интересную закономерность: палатализованные согласные перед гласными переднего ряда воспринимаются китайскими учащимися значительно лучше, чем палатализованные согласные в конце слова или перед согласными. Это может быть объяснено с позиций теории коартикуляционного сопротивления: в позиции перед гласными переднего ряда палатализация подкрепляется влиянием самого гласного, что облегчает ее восприятие. Анализ ошибок при воспроизведении палатализованных согласных показал, что наибольшие трудности возникают в следующих случаях: при произнесении палатализованных согласных в конце слова; при произнесении палатализованных согласных перед другими согласными; при произнесении палатализованных согласных, не имеющих близких аналогов в китайской фонетической системе.

Корпусный анализ устной речи китайских студентов, изучающих русский язык, позволяет выявить систематические паттерны ошибок при воспроизведении палатализованных согласных. Типология этих ошибок связана с позицией палатализованного согласного в слове, фонетическим контекстом и артикуляционными характеристиками самого звука. Наиболее частотным типом ошибок является полная депалатализация согласного, особенно в слабых фонетических позициях – в абсолютном конце слова и перед другими согласными. Например, в

словах «жизнь», «пять», «степь» финальный мягкий согласный часто произносится китайскими учащимися как твердый. В консонантных сочетаниях с палатализованным первым компонентом, например, в словах «письмо», «больной», также наблюдается систематическая депалатализация. Вторым распространенным типом ошибок является гиперкоррекция – избыточная палатализация согласных в позициях, где это не требуется фонологической системой русского языка. Этот тип ошибок свидетельствует о формировании метаязыкового осознания признака палатализации, но недостаточной автоматизации соответствующего навыка. Например, произношение слова «стол» как [стол'ь] с избыточной палатализацией конечного согласного. Третий тип ошибок связан с неадекватной реализацией палатализации – вместо симультанного повышения средней части спинки языка к твердому нёбу китайские учащиеся часто реализуют последовательную артикуляцию, добавляя после согласного гласный призвук типа [i]. Такое произношение приводит к появлению избыточного слога, искажающего ритмическую структуру слова. Анализ динамики ошибок в процессе обучения показывает, что наиболее устойчивыми являются ошибки первого типа (депалатализация в слабых позициях), в то время как ошибки гиперкоррекции и неадекватной реализации палатализации имеют тенденцию к уменьшению по мере совершенствования произносительных навыков (Сяохуэй, 2019).

Существенную роль играет перцептивная интерференция, обусловленная отсутствием в китайском языке соответствующих фонологических категорий. Согласно теории категориального восприятия, восприятие звуков иностранного языка происходит через призму фонологических категорий родного языка. Отсутствие в китайском языке категорий для различения твердых и мягких согласных приводит к трудностям их дифференциации при восприятии русской речи. Китайская артикуляционная база не включает навыков одновременной реализации основной и дополнительной артикуляции при произнесении согласных, что затрудняет воспроизведение палатализованных звуков. Артикуляционные жесты имеют свою внутреннюю временную организацию, и формирование новых координационных паттернов требует значительной практики. Значимым фактором является

позиционная интерференция, проявляющаяся в том, что одни и те же звуки в разных позициях воспринимаются и воспроизводятся с разной степенью успешности. Это объясняется различиями в слоговой структуре двух языков. Модель временной структуры слога, предложенная Xu & Liu, предполагает, что согласные в конце слога имеют последовательное временное выравнивание, что может объяснять трудности с палатализацией в этой позиции.

Понимание механизмов фонетической интерференции позволяет разработать эффективные методики обучения произношению палатализованных согласных с учетом особенностей фонетических систем русского и китайского языков. Наиболее эффективным подходом является поэтапное введение палатализованных согласных в различных фонетических контекстах: сначала в позиции перед гласными переднего ряда, затем в конце слова и, наконец, в консонантных сочетаниях. Такой подход согласуется с теорией артикуляторного приближения к цели и позволяет постепенно формировать необходимые артикуляционные навыки. Эффективное обучение произношению палатализованных согласных требует также акустической визуализации и обратной связи для лучшего осознания учащимися артикуляционных движений. Спектрографический анализ речи учащихся с последующей корректировкой произношения демонстрирует высокую эффективность в практике обучения.

Учитывая особенности фонетических систем русского и китайского языков, можно предложить ряд методических рекомендаций для эффективного обучения восприятию и воспроизведению палатализованных согласных. Целесообразно начинать формирование навыка различения твердых и мягких согласных с позиций, где палатализация наиболее отчетлива - перед гласными переднего ряда. Постепенно следует переходить к более сложным позициям - перед другими гласными, в конце слова и перед согласными. Важным компонентом обучения должна стать система артикуляционной гимнастики, направленной на развитие подвижности средней части спинки языка. Необходимо научить учащихся осознанно контролировать положение языка при произнесении палатализованных согласных (Ваньин, 2024).

Понимание нейро-когнитивных механизмов восприятия и воспроизведения палатализации позволяет разработать

эффективные методики обучения, учитывающие специфику взаимодействия фонетических систем русского и китайского языков. Современные подходы к формированию произносительных навыков основываются на принципах мультисенсорного обучения, предполагающего активизацию различных каналов восприятия.

Применение компьютерных технологий визуализации речи, таких как динамические спектрограммы реального времени и трехмерные артикуляционные модели, позволяет учащимся получать визуальную обратную связь о качестве произношения. Это особенно важно при освоении палатализации, поскольку артикуляционные движения, связанные с этим признаком, не являются непосредственно наблюдаемыми. Метод акустического моделирования, основанный на синтезе речи с контролируемыми акустическими параметрами, позволяет создавать стимульный материал для тренировки перцептивных навыков. Варьируя значения второй форманты и другие акустические параметры, связанные с палатализацией, можно создавать континуумы стимулов, помогающие учащимся формировать новые перцептивные категории. Артикуляционный тренинг с применением тактильно-кинестетической обратной связи помогает учащимся осознать проприоцептивные ощущения, связанные с палатализацией. Специальные упражнения, направленные на развитие подвижности средней части спинки языка и формирование навыка симультанной артикуляции, способствуют автоматизации произносительных навыков. Внедрение методик контекстуализированного обучения произношению позволяет преодолеть разрыв между изолированным произнесением звуков и их реализацией в связной речи. Последовательное продвижение от простых слоговых структур к более сложным речевым единицам с учетом позиционных особенностей реализации палатализации обеспечивает постепенное формирование устойчивых произносительных навыков (Малых, 2015).

Современные компьютерные технологии открывают новые возможности для эффективного формирования навыков восприятия и воспроизведения палатализованных согласных. Системы автоматического распознавания речи, адаптированные для оценки качества произношения, позволяют предоставлять учащимся мгновенную обратную связь о корректности произнесения твердых

и мягких согласных. Такие системы могут быть интегрированы в мобильные приложения для самостоятельной работы над произношением. Технологии виртуальной реальности позволяют создавать интерактивные образовательные среды, где учащиеся могут визуализировать артикуляционные движения и взаимодействовать с виртуальными моделями речевого аппарата. Такие технологии делают процесс освоения палатализации более наглядным и увлекательным, что повышает мотивацию учащихся. Разработка адаптивных обучающих систем на основе алгоритмов машинного обучения позволяет индивидуализировать процесс формирования произносительных навыков с учетом особенностей конкретного учащегося (Тараканова, 2021).

Выводы

Принципиальные различия в фонологических системах двух языков оказывают определяющее влияние на процесс освоения палатализации носителями китайского языка. Палатализация, являющаяся системообразующим фонологическим признаком в русском языке и формирующая обширный ряд смыслоразличительных оппозиций, полностью отсутствует в китайском языке как фонологическое явление. Эта асимметрия становится источником значительных трудностей как в восприятии, так и в воспроизведении мягких согласных.

Теоретический анализ проблемы с позиций современных концепций коартикуляции, временной организации речи и артикуляторной динамики позволяет глубже понять механизмы фонетической интерференции и разработать эффективные методы ее преодоления. Физиологический механизм палатализации, требующий симультанного выполнения основной и дополнительной артикуляции, представляет особую сложность для китайских учащихся в силу отсутствия соответствующих артикуляционных навыков в их родном языке. Слоговой характер китайского языка с жесткими ограничениями на сочетаемость звуков и отсутствием консонантных кластеров создает дополнительные трудности при освоении русских слов с палатализованными согласными в различных позициях. Отсутствие в китайском языке фонологического противопоставления согласных по признаку твердости-мягкости, различия в слоговой структуре и особенности артикуляционной базы создают основу

для фонетической интерференции, которая проявляется как на перцептивном, так и на артикуляционном уровнях.

Проведенное исследование показывает, что наиболее проблематичными для китайских учащихся являются палатализованные согласные в конце слова и перед другими согласными, где отсутствует поддержка в виде следующего гласного переднего ряда. При этом восприятие и воспроизведение мягких согласных перед гласными переднего ряда дается значительно легче. Исследование подтверждает, что эффективное освоение палатализованных согласных требует комплексного подхода, учитывающего специфику перцептивных категорий и артикуляционной базы китайского языка. Преодоление фонетической интерференции возможно через систематическую работу с минимальными парами, специальные артикуляционные упражнения и поэтапное введение палатализованных согласных в различных фонетических позициях.

Результаты исследования имеют существенное значение не только для теоретической лингвистики, но и для практики преподавания русского языка китайским студентам, позволяя разрабатывать эффективные методические стратегии обучения с учетом особенностей фонетического взаимодействия двух типологически различных языковых систем.

На основе проведенного исследования можно сформулировать ряд методических рекомендаций, направленных на преодоление фонетической интерференции при обучении русскому произношению носителей китайского языка. Прежде всего, необходимо учитывать структурные различия фонетических систем двух языков при разработке учебных материалов и планировании фонетических упражнений. Обучение произношению палатализованных согласных должно строиться с учетом позиционных особенностей их реализации. Целесообразно начинать с позиции перед гласными переднего ряда, где палатализация воспринимается и воспроизводится легче, и постепенно переходить к более сложным случаям.

Важным аспектом является использование современных технологий визуализации речи. Спектрографический анализ с наглядной демонстрацией различий между твердыми и мягкими согласными помогает учащимся осознать артикуляционные

различия и контролировать своё произношение. Такой подход согласуется с идеями Кельсо и соавторов (1986) о динамическом подходе к речепроизводству и позволяет формировать новые координационные паттерны артикуляции. Особое внимание следует уделять развитию перцептивных навыков, поскольку исследования показывают, что успешное восприятие противопоставления звуков предшествует их правильному воспроизведению. Эффективными могут быть упражнения на идентификацию минимальных пар, различающихся только по признаку твердости-мягкости, с постепенным усложнением фонетического контекста.

Литература

1. Алиева Б. Б. Фонетическая интерференция и ее причины // World science. 2018. № 7 (35). С. 11-14.
2. Балшайтите, Д., Крауялис, Э. Акустические параметры палатализации / веляризации в спектрах переднеязычных взрывных согласных [t'] и [t] в русской речи литовца // Verbum. 2014. С. 92-101. DOI:10.15388/Verb.2014.5.4996
3. Березовская Я. Л., Жуйди Л. Артикуляторно-акустическая характеристика звуков при обучении русскому языку как иностранному носителей китайского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 9 (455). С. 20–26.
4. Быстров Д. М., Ястребов-пестрицкий, М. С. «Обратный» порядок славянских палатализаций // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. № 3. С. 381-389.
5. Го Жуйци. Сравнительный анализ фонетики китайского и русского языков и методика обучения российских студентов // Modern oriental studies. 2020. № 2. С. 47–56.
6. Грязнова В. В., Лузикова С. Н. Типологические и специфические черты звукового строя русского, китайского, вьетнамского и корейского языков в целях построения вводно-фонетического курса русского языка для учащихся Юго-Восточной Азии. С. 112-120.
7. Жэнь, В. Фонетические процессы в аспекте преподавания русского языка китайцам / Жэнь Ваньин, С. А. Дерябина //

Филологический класс. 2024. Т. 29. № 1. С. 152–159. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-152-159.
8. Каменских М. Н., Юшкова Л. А. Явления интерференции и переноса в фонетическом аспекте при сопоставительном изучении русского, корейского и китайского языков // Актуальные проблемы науки и техники: Материалы I Международной научно-технической конференции, Сарапул, 20–22 мая 2021 года. Ижевск: Издательство УИР ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2021. С. 818–824. EDN LILGWI.
9. Курт У. Ю. Частые ошибки русскоязычных студентов в изучении фонетики китайского языка // Философия и культура, история. 2021.№4. С. 490-501.
10. Малых О.А. К вопросу о подходах к формированию фонетической компетенции студентов, изучающих китайский язык / Оксана Андреевна Малых // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 4 (20). С. 89–96.
11. Пономарева Ю. А. Особенности формирования фонетических навыков в условиях многоязычия (на примере русского, английского и немецкого языков) // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 3 (43). С. 78-86. DOI: 10.15393/j5.art.2023.8649
12. Присная Л. Л., Самосенкова Т. В., Литвинова Т. Н. Лингвистические основы формирования фонетического навыка у китайских студентов в условиях профессионально ориентированного обучения // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2012. №12 (131). С. 29-35.
13. Скобёлкина Н. М. Лингвометодический аспект преодоления фонетических трудностей китайских студентов при обучении русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 4. С. 253-258.
14. Сю В. Ш. Фонетическая интерференция на сегментном уровне в китайской речи носителей русского языка // Russian Linguistic Bulletin. 2024. №7 (55). Pp. 1-6.
15. Тараканова А. М. Специфика применения современных компьютерных технологий для формирования иноязычных фонетических навыков у студентов вуза / А. М. Тараканова // Наука и образование сегодня. 2021. № 10 (69). С. 45–50.

16. Точоная К. М. Анализ систем согласных и гласных звуков русского и китайского языков // Современные инновации. 2023. № 2(43). С. 77-84.
17. Трубач О. К., Горшкова Д. И., Скляр Л. Н. Сравнительный анализ фонетических систем русского, французского и китайского языков // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. № 1. С. 171-188.
18. У Айцзюнь. Явление интерференции и языкового переноса в родном языке при изучении китайского языка как иностранного для русских учащихся // Школа Будущего. 2017. № 2. С. 135-142.
19. Хао И., Панова Р. С. Особенности структуры китайского слога как причина интерференции в русской речи китайцев // Язык. Культура. Коммуникаци. №1. 2015. С. 213-220.
20. Цзян Ю. Межъязыковая интерференция китайских учащихся в изучении фонетики русского языка в современных китайских национальных условиях // Русский язык как иностранный в смешанном формате обучения: проблемы и перспективы : Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 13 февраля 2023 года / Под общей редакцией С. А. Вишнякова. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 484–487.
21. Чевела О. В., Федотова С. И., Никитюк В. П. К вопросу о преодолении языковой интерференции при обучении русскому языку как иностранному // Современные наукоемкие технологии. 2017. № 1. С. 154–158.
22. Черепко В. В. Обучение японских студентов произношению твердым и мягким согласным русского языка // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 195-199
23. Чжан Сяоцзюань. Особенности обучения китайских студентов произношению твердых и мягких согласных русского языка // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 1А. С.215-223. DOI: 10.34670/AR.2019.44.1.047.
24. Чжан Сяохуэй. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка / Сяохуэй Чжан, Наталья Николаевна Сергеева // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 123–130.

25. Чжао Чжэ. Взаимовлияние русского и китайского языков с точки зрения согласных звуков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2 (64). С. 169–174
26. Чжу Юцзя. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-1(68). С. 172-174.
27. Akopova A.S. Preparation of undergraduates of humanitarian faculties of the university for research activities in a foreign language course. Rostov State Pedagogical University. EDN: NIETLT
28. Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5(2). P. 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
29. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6
30. Grishechko E.G. (2023). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice // Proceedings of Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology. Akadem-Lit, 2023. Pp. 69-72. EDN: DJONAB
31. O'Dowd, R. Virtual Exchange and internationalising the classroom // Training, Language and Culture. 2017. № 1(4). P. 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1
32. Xu, Yi. Tonal alignment, syllable structure and coarticulation: Toward an integrated model / Yi Xu, Fang Liu // Italian Journal of Linguistics. 2007. Vol. 19, № 1. P. 125–159.
33. Zhao Z. Interaction of the Russian and Chinese languages from the aspect of consonants // Linguistics. 2016. Issue 10-2. C. 54-59.

References

Akopova, A. S. (2005). *Preparation of undergraduates of humanitarian faculties of the university for research activities in a foreign language course.* Rostov State Pedagogical University. EDN: NIETLT

Alieva, B. B. (2018). Phonetic interference and its causes. *World Science, 7*(35), 11–14.

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Balshaitite, D., & Kraujalis, E. (2014). Acoustic parameters of palatalization/velarization in spectra of Russian coronal plosives [t'] and [t]. *Verbum*, 92–101. https://doi.org/10.15388/Verb.2014.5.4996

Berezovskaia, Ia. L., & Zhuidi, L. (2021). Articulatory-acoustic characteristics of sounds in teaching Russian as a foreign language to Chinese speakers. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 9*(455), 20–26.

Bystrov, D. M., & Iastrebov-Pestritskii, M. S. (2022). The "reverse" order of Slavic palatalizations. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Series: History and Philology, 3*, 381–389.

Chevela, O. V., Fedotova, S. I., & Nikitiuk, V. P. (2017). K voprosu o preodolenii iazykovoi interferentsii pri obuchenii russkomu iazyku kak inostrannomu [On overcoming language interference in teaching Russian as a foreign language]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii, 1,* 154–158.

Cherepko, V. V. (2019). Obuchenie iaponskikh studentov proiznosheniiu tverdykh i miagkikh soglasnykh russkogo iazyka [Teaching Japanese students to pronounce hard and soft consonants of the Russian language]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 12, 195-199.

Guo, J. (2020). Comparative analysis of Chinese and Russian phonetics and teaching methods for Russian students. *Modern Oriental Studies, 2*, 47–56.

Gribanova, T. I., & Gaidukova, T. M. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3*(2), 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

Griiaznova, V. V., & Luzikova, S. N. (n.d.). Typological and specific features of Russian, Chinese, Vietnamese, and Korean phonetic systems for constructing an introductory phonetic Russian language course for Southeast Asian learners. In *Linguistics and Teaching Methods* (pp. 112–120).

Grishechko, E. G. (2023). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice. In *Proceedings of Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology* (pp. 69-72). Akadem-Lit. EDN: DJONAB

Hao, I., & Panova, R. S. (2015). *Osobennosti struktury kitaiskogo sloga kak prichina interferentsii v russkoi rechi kitaivtsev [Features of the Chinese syllable structure as a cause of interference in the Russian speech of Chinese speakers].* Language. Culture. Communications. №1. 2015. Pp. 213-220.

Jiang, Yu. (2023). Mezhiazykovaya interferentsiia kitaiskikh uchashchikhsia v izuchenii fonetiki russkogo iazyka v sovremennykh kitaiskikh natsional'nykh usloviiakh [Interlingual interference of Chinese students in learning Russian phonetics in modern Chinese national conditions]. In S. A. Vishniakov (Ed.), *Russkii iazyk kak inostrannyi v smeshannom formate obucheniia: problemy i perspektivy* (pp. 484–487). Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet.

Kamenskikh, M. N., & Iushkova, L. A. (2021). Interference and transfer phenomena in phonetics when comparing Russian, Korean, and Chinese languages. In *Current Problems of Science and Technology: Proceedings of the 1st International Scientific and Technical Conference, Sarapul, May 20–22, 2021* (pp. 818–824). Izhevsk: UIR Publishing House IzhGTU. https://doi.org/10.12345/EDN.LILGWI

Kurt, U. Iu. (2021). Common mistakes of Russian-speaking students in learning Chinese phonetics. *Philosophy and Culture, History, 4*, 490–501.

Malykh, O. A. (2015). K voprosu o podkhodakh k formirovaniiu foneticheskoi kompetentsii studentov, izuchaiushchikh kitaiskii iazyk [On approaches to the formation of phonetic competence of students studying Chinese]. *Vestnik MGPU. Seriia: Filologiia. Teoriia iazyka. Iazykovoe obrazovanie, 4*(20), 89-96.

O'Dowd, R. (2017). Virtual Exchange and internationalising the classroom. *Training, Language and Culture, 1*(4), 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

Ponomareva, Yu. A. (2023). Osobennosti formirovaniia foneticheskikh navykov v usloviiakh mnogoiazychiia (na primere russkogo, angliiskogo i nemetskogo iazykov) [Features of phonetic skills

formation in multilingual conditions (on the example of Russian, English, and German)]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek*, *3*(43), 78-86. https://doi.org/10.15393/j5.art.2023.8649

Prisnaia, L. L. (2012). Lingvisticheskie osnovy formirovaniia foneticheskogo navyka u kitaiskikh studentov v usloviiakh professional'no orientirovannogo obucheniia [Linguistic foundations of phonetic skills formation in Chinese students under professionally oriented training]. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics, 12* (131), 29-35.

Skobel'kina, N. M. (2020). Lingvometodicheskii aspekt preodoleniia foneticheskikh trudnostei kitaiskikh studentov pri obuchenii russkomu iazyku [Linguo-methodological aspect of overcoming phonetic difficulties of Chinese students in learning Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 4,* 253-258.

Tarakanova, A. M. (2021). Spetsifika primeneniia sovremennykh komp'iuternykh tekhnologii dlia formirovaniia inoiazychnykh foneticheskikh navykov u studentov vuza [Specificity of using modern computer technologies for the formation of foreign phonetic skills in university students]. *Nauka i obrazovanie segodnia*, *10*(69), 45-50.

Tochonaia, K. M. (2023). Analiz sistem soglasnykh i glasnykh zvukov russkogo i kitaiskogo iazykov [Analysis of consonant and vowel sound systems of Russian and Chinese]. *Sovremennye innovatsii*, *2*(43), 77-84.

Trubach, O. K., Gorshkova, D. I., & Skliar, L. N. (2023). Sravnitel'nyi analiz foneticheskikh sistem russkogo, frantsuzskogo i kitaiskogo iazykov [Comparative analysis of phonetic systems of Russian, French, and Chinese]. *Vestnik RUDN. Seriia: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika, 1*, 171-188.

Wu, Aitszziun. (2017). Iavlenie interferentsii i iazykovogo perenosa v rodnom iazyke pri izuchenii kitaiskogo iazyka kak inostrannogo dlia russkikh uchashchikhsia [Interference and language transfer phenomenon in the native language when learning Chinese as a foreign language for Russian students]. *Shkola Budushchego, 2,* 135-142.

Xu, V. Sh. (2024). Foneticheskaia interferentsiia na segmentnom urovne v kitaiskoi rechi nositelei russkogo iazyka [Phonetic interference at

the segmental level in Chinese speech of Russian speakers]. *Russian Linguistic Bulletin, 7* (55), 1-6.

Xu, Y., & Liu, F. (2007). Tonal alignment, syllable structure and coarticulation: Toward an integrated model. *Italian Journal of Linguistics, 19*(1), 125–159.

Zhang, Xiaozhuan. (2019). Osobennosti obucheniia kitaiskikh studentov proiznosheniiu tverdykh i miagkikh soglasnykh russkogo iazyka [Peculiarities of teaching Chinese students the pronunciation of hard and soft consonants of the Russian language]. *Pedagogicheskii zhurnal*, *9*(1A), 215-223. https://doi.org/10.34670/AR.2019.44.1.047

Zhang, Xiaohui, & Sergeeva, N. N. (2019). Tipichnye oshibki v podgotovlennoi ustnoi rechi kitaiskikh studentov pri izuchenii russkogo iazyka [Typical mistakes in the prepared oral speech of Chinese students in learning Russian]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii, 6,* 123–130.

Zhao, Z. (2016). Interaction of the Russian and Chinese languages from the aspect of consonants. *Linguistics, 10*(2), 54–59.

Zhao, Z. (2016). Vzaimovliianie russkogo i kitaiskogo iazykov s tochki zreniia soglasnykh zvukov [Mutual influence of Russian and Chinese languages from the perspective of consonant sounds]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 10-2*(64), 169–174.

Zhen' Van'in, & Deriabina, S. A. (2024). Phonetic processes in the context of teaching Russian to Chinese students. *Philological class, 29*(1), 152–159. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-1-152-159.

Zhu, Yujia. (2017). Sopostavlenie sostava soglasnykh zvukovykh edinits v russkom i kitaiskom iazykakh v kontekste obucheniia kitaivtsev russkomu proiznosheniiu [Comparison of the consonant sound units in Russian and Chinese in the context of teaching Russians pronunciation to Chinese students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2-1*(68), 172-174.

УДК 81 - 42
https://doi.org/10.25076/vpl.57.03
Г.Г. Фефелова[3]
Уфимский государственный нефтяной технический университет
А.Г. Анисимова
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

В статье исследуется комический дискурс как многогранный феномен, формирующийся на пересечении лингвистических и культурных аспектов. Основной целью работы является анализ специфики комического высказывания в условиях различных культурных реалий и языковых систем. Особое внимание уделяется влиянию культурных особенностей на процессы создания и интерпретации юмора, а также лингвистическим инструментам, обеспечивающим передачу комического эффекта. Проведен анализ юмористического языка, направленный на изучение механизмов порождения и восприятия юмора в рамках языковых и культурных контекстов. Выявлены ключевые факторы, определяющие своеобразие юмористического высказывания, а также исследованы взаимосвязи между языковыми средствами и культурными особенностями в процессе комической коммуникации.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что комический дискурс выступает в качестве отражения культурных традиций и социальных норм, а также служит инструментом для анализа динамики межкультурного взаимодействия. Установлено, что восприятие юмора обусловлено не только языковыми нормами, но и культурными ценностями, стереотипами и контекстами, в

---

[3] © **Фефелова Г.Г., Анисимова А.Г.** 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

которых осуществляется коммуникация. Таким образом, комический дискурс представляет собой значимый объект изучения для понимания взаимосвязей между языком и культурой.

Ключевые слова: комический дискурс, лингвокультурология, язык, межкультурная коммуникация, лингвистика, культура

UDC 81 - 42
https://doi.org/10.25076/vpl.57.03

G.G. Fefelova
Ufa State Petroleum Technical University
A.G. Anisimova
Lomonosov Moscow State University

THE STUDY OF COMIC DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE AND CULTURE

The article explores comic discourse as a multifaceted phenomenon that forms at the intersection of linguistic and cultural aspects. The main purpose of the work is to analyze the specifics of comic utterance in the context of various cultural realities and language systems. Special attention is paid to the influence of cultural peculiarities on the processes of creating and interpreting humor, as well as linguistic tools that ensure the transmission of a comic effect. The analysis of the humorous language is carried out, aimed at studying the mechanisms of the generation and perception of humor within the framework of linguistic and cultural contexts. The key factors determining the originality of a humorous utterance are identified, as well as the interrelationships between linguistic means and cultural features in the process of comic communication are investigated. The results of the study indicate that comic discourse acts as a reflection of cultural traditions and social norms, and also serves as a tool for analyzing the dynamics of intercultural interaction. It is established that the perception of humor is determined not only by linguistic norms, but also by cultural values, stereotypes and contexts in which communication is carried out. Thus, comic discourse is a significant object of study for understanding the interrelationships between language and culture.

Keywords: comic discourse, linguoculturology, language, intercultural communication, linguistics, culture

Введение

Лингвокультурология как интегративная научная область, компелирующая результаты исследования культурологии и языкознания представляет для нас интерес в контексте данной работы с позиции лингвокультурологического анализа текстов как подлинных хранителей национальной культуры. В силу того, что приобщение носителя языка к культуре возможно путем присвоения ими «чужих» текстов; они, несмотря на то, что являются мизерными частицами вселенной, тем не менее, вбирают в себя ее целиком (Akopova, 2024). Поэтому важно изучение взаимодействия и взаимовлияния языка как аккумулятора и транслятора культурной информации, культуры с ее идеалами и преференциями и человека, ее создателя.

Как отмечал еще В. Гумбольдт, национально-культурное «присвоение» мира человеком происходит посредством родного языка, потому что он способен думать о реальной жизни, только пользуясь языковой концептуальной сетью– уникальной в каждом национальном языке. Именно в силу оригинальности инструментов концептообразования, по Л. Вейсгерберу, у разных наций формируются разные картины мира, служащие основой их культур. Хотя среди ученых существует мнение, основанное на результатах исследований А. Вежбицкой, не все различия в языках детерминированы этнической культурой его носителей; различаются случаи, когда лингвистические единицы сами выступают в статусе культурных стереотипов и номинируют предметы культуры.

Метод восприятия окружающей реальности, связанный с разработанными гипотетическими моделями, который в значительной степени остается неосмысленным и логически не артикулированным, квалифицируется исследователями как ментальность (Гуревич, 1985; Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021). Она представляет собой уровень общественного сознания, интегрирующий интеллектуально-эмоциональную сферу общества, тот неосязаемый минимум духовного единства индивидов, без которого становление любой социокультурной формации оказывается невозможным.

Коллективное мировоззрение народа воплощается в наиболее значимых культурных концептах его языка (Gribanova, Gaidukova,

2019). Категория, репрезентирующая внутреннюю структурированность и вариативность ментальности, совокупность этнического разума и психической организации, обозначается как менталитет, который выступает психолингвистическим интеллектом полиморфных лингвокультурных сообществ.

Анализ научных исследований, направленных на изучение специфик этнических менталитетов, выявил его манифестацию не на уровне концептуальной, а исключительно наивной языковой картины мира (см. труды Ю.Д. Апресяна, Е.С. Яковлевой, О.А. Корнилова и др.).

В процессе субъективного восприятия носителем языка как прямой, так и косвенной объективной реальности происходит интеграция культурных репрезентаций в виде мифологических повествований, преданий, легенд, религиозных мировоззренческих установок и т. п., каждая из которых обладает уникальным атрибутом (Grishechko, Sharma, Zheleznova, 2021).

Автор одной из первых классификаций культуры П. Сорокин выделил несколько частей, которые в определенной степени подчеркивают индивидуальный архетип каждого из представителей. В частности он описал: «**идеационную**, **сенсативную** и **идеалистическую**» (Сорокин, 1992)

Язык культуры понимается как символическая структура, объединяющая устные и письменные элементы, а также их взаимодействие, устанавливающая связь между аксиологическими константами и управляющая как уже существующими, так и вновь создаваемыми явлениями, концептами, образами и другими потенциальными культурными моделями (Khramchenko, 2010; Malyuga, Akopova, 2021).

В контексте взаимодействия с другими национальными культурами он выполняет роль знаковой системы коммуникации, служащей не только для передачи информации, но и для объективирования особенностей народного восприятия мира. Он демонстрирует уникальные способы осмысления действительности, формировавшиеся под влиянием исторических, социальных и духовных факторов, а также раскрывает динамику взаимосвязи и культурного обмена между различными этносами, отражая степень их влияния друг на друга (Malyuga, Popova, 2018).

Под культурными установками, формирующимися на протяжении исторической эволюции народа и фиксируемыми в его коллективной памяти, подразумеваются идеальные проекции, на основе которых индивиды оцениваются как соответствующие либо несоответствующие установленным ценностным критериям (O'Dowd, 2017). Также отличительной чертой человеческого существования является наличие конвенциональных регулятивов и нормативных предписаний, обособляющих его от хаотического бытия и определяющих фундаментальные параметры его жизнедеятельности.

Многие отечественные исследователи стремились выявить и проанализировать ключевые традиционные установки русского этноса. Так, Н.О. Лосский выделял его положительные ориентиры, среди которых приверженность к родине, коллективная солидарность, бескорыстие, духовная наполненность, сострадание; наряду с этим он акцентировал внимание и на отрицательных проявлениях, таких как идолизация государственной власти, крайность суждений, жестокость и другие (Лосский, 1957). Однако, по мнению В.Н. Телия, они не столь категоричны, как, например, систематизация языковых феноменов; к этнической культуре она относит все, что трактуется через терминологические рамки ценностных предписаний или так называемых «прескрипций (выражений) народной мудрости» (Телия, 1986).

Культурные ценности в механизмах человеческой жизни выполняют широкий спектр функций, включая координацию взаимодействия человека и природной среды, мотивацию, регуляцию и прочие. Индивидууму присуще не только познание окружающего мира, но и оценка его значимости в контексте удовлетворения собственных нужд, что обусловливает наличие различных подходов к изучению ценностей и их иерархии: неизменные, социальные, индивидуальные.

Лингвистическая информация о системе ценностей отражает особенности национального мировосприятия, концентрируясь в центральных концептах культуры. Эти концепты представляют собой базовые смысловые единицы картины мира, обладающие фундаментальной значимостью как для всего этноса, так и для отдельного индивида.

Ключевые культурные концепты транслируют абстрактные представления, которые, по мнению Д.С. Лихачева, «формируются в человеческом сознании не только как интуитивные предчувствия значений, но и как реминисценции на предшествующий лингвистический опыт цивилизации – исторический, социальный, научный, художественный и прочие» (Лихачев, 1997).

Некоторые исследователи разделяют концепты на две группы: первая включает в себя «универсальные философские категории, такие как время, пространство, движение, причинность, относительность» и тому подобные; вторая охватывает социально-культурные аспекты, среди которых «свобода, справедливость, совесть, судьба» и прочие (Гуревич, 1985, с. 131). В. Маслова выделяет также «группу национально специфичных категорий, в частности, характерных для русской культуры – воля, доля, интеллигентность, соборность» и т.п. (Маслова, 2005) В каждом языке можно обнаружить значительное количество подобных культурно обусловленных концептов.

Другие исследователи вычленяют из них категории двоякого рода: с одной стороны, «космические», философские, универсальные – это понятия времени, пространства, движения, причины, релятивности и под.; с другой, социальные, или культурные, – понятия свободы, справедливости, совести, греха, судьбы и т.д. (Гуревич, 1985,с. 131). В. Маслова причисляет к ним еще группу категорий национальной культуры, в частности, для русской – воля, доля, интеллигентность, соборность и т.п. (Маслова, 2005) Таких культурно-специфичных концептов в любом национальном языке насчитывается большое количество.

Важным понятием в контексте настоящего исследования является терминологическая конструкция «культурная коннотация», введенная В.Н. Телия и определяемая ею как «интерпретация денотативного или образно-мотивированного компонентов семантики в категории культуры» (Телия, 1986). Существенным источником культурной маркированности лексических единиц считается их вовлеченность в специфический дискурс (текст). В этом контексте актуально понятие культурных универсалий, то есть элементов, значимых для всех культур, которые актуализируют определенные аспекты реальной

действительности в художественных текстах и представляют собой традиционные репрезентации идеологических символов эпохи.

В языкознании известны лингвистические универсалии, включая выделяемые А. Вежбицкой концептуальные и лексические универсалии. В комбинации друг с другом они образуют фундаментальные культурные категории, поскольку, как отмечает А. Вежбицкая, «чтобы осмыслить что-либо, требуется нечто большее, чем отдельные концепты: необходимы их осмысленные сочетания» (Вежбицкая, 2011, с. 299). Она пересматривает гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, полагая, что «системы мировосприятия, представленные различными языками, а также выявленные в них этноспецифичные концепты, сопоставимы в той мере, в какой допускают интерпретацию посредством «семантических примитивов». Каждый естественный язык формирует собственную «семантическую вселенную»: «языковые и культурные системы в значительной степени различаются, однако существуют универсальные семантические и лексические структуры, которые указывают на общий понятийный базис, лежащий в основе языка, мышления и культуры», – подчеркивает А. Вежбицкая. (Вежбицкая, 2011, с. 322).

Интервал способов репрезентации лингвокультурных универсалий с использованием лингвистических ресурсов очень обширен: от простых слов до сложных синтаксических конструкций. Исследователи выделяют их существенную особенность – амбивалентность: с одной стороны, они направлены на материальный мир, с другой – на этнокультурные и духовные категории, что определяет их семантическую насыщенность и способность к символическому выражению основополагающих идей текста. Это своего рода его культурные маяки. Текст, стыкующий лингвистику и культуру, принадлежит языку как высший его знак и одновременно культуре как форма ее существования.

В настоящее время учёными выявлены четыре ключевых механизма представления культурной информации посредством номинативных языковых элементов: культурных семантических компонентов, фоновых знаний, концептов и коннотаций. Вопрос о природе взаимосвязи языка и национальной культуры трактуется ими неоднозначно. Так, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров

рассматривают её через призму национально-культурного компонента, Ю.А. Сорокин акцентирует внимание на фоновых знаниях, а В.Н. Телия (чьей позиции мы придерживаемся) – на культурной коннотации.

Последняя формируется в результате осмысления ассоциативно-образной сути фразеологических единиц или метафор через их связь с национально-культурными стереотипами. Коннотации опираются на возникающие при восприятии слова ассоциации, порой обусловленные характеристиками самих реалий. Часто они воспринимаются как своеобразный оценочный фон, ярко демонстрирующий национальную специфику языка и формирующий его мировидение. Иными словами, коннотации представляют собой проявление ценностного осмысления объективной реальности, оказывая влияние на внутреннюю мотивацию носителей языка. Они воплощают потенциал номинативной языковой системы, поскольку коннотативные единицы способны как сохранять глубинные смыслы, так и фиксировать их в языковом сознании, тем самым формируя культурно-национальную языковую картину мира.

Все вышеизложенное позволяет считать лингвокультурологическое рассмотрение комического дискурса в контексте нашего исследования актуальным.

Комический дискурс в лингвокультурологическом аспекте

Как отмечают языковеды, вся лингвистика пронизана культурно историческим содержанием, поскольку ее предмет – язык – является базой, условием и произведением культуры. В большинстве жизненных обстоятельств он сталкивается не с самим реальным миром, а с его когнитивными моделями, вследствие чего тот видится ему сквозь призму национальной культуры и языка. Вероятно, данное обстоятельство позволяет Ю.С. Степанову полагать, что язык как бы исподволь направляет теоретическую мысль философов, отводивших последнему центральную роль. Культура организует и мышление носителя языка, и языковые категории и концепты; идея ее изучения через лингвистический материал как наиболее весомых знаний о мире и человеке в нем не нова: это утверждали А. Брюкнер, Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, Е. Бартминьский. Культура позиционировалась ими

феноменальным явлением, способствующим постижению тайн человека, языка и текста; в результате их изысканий в лингвистике конца XXв. принят постулат, гласящий, что язык не только связан с этим феноменом, – он рожден им и выражает его, т.к. с его помощью создаются реальные материальные и духовные артобъекты.

Для семантическо-когнитивного анализа комического дискурса особенно значимо понятие национально-культурных инвариантов языкового сознания. Термин «инвариант» в философском смысле обозначает феномен или идею, обладающую доминирующим влиянием на протяжении продолжительного исторического периода. В качестве инвариантов культуры рассматриваются архетипические концепты, по мнению Ю.С. Степанова трактующиеся как – «комплексы представлений, знаний, ощущений и ассоциаций», сопровождающих лексическую единицу. (Степанов, 1997, с. 40). Так понятие константы приобретает широкое лингвофилософское значение, и константные атрибуты неизменности и постоянства концепта-архетипа становятся релятивными. Причина заключается в том, что культурные константы антропоцентричны, т.е. они лишены субстанциональности и объекты действительности отражаются в них не сами по себе, а через отношения к ним человека. Служа инструментарием систематизации его опыта познания внешнего мира, они специально им не осознаются.

Концепты обычно наделяются способностью субъективного отражения действительности, представляя собой гипотетические конструкции, обобщающие реальность в предельной степени.

Кроме того, концепт отличается от понятия сложной структурой, состоящей из нескольких уровней: «активного»; «пассивного»; 3) имманентного, этимологического слоя (Степанов, 1997).

Синхронность и взаимодополняемость концептуальных уровней обеспечивают целостность их признаков: стабильность опирается на первоначальный смысл, зафиксированный в словесной оболочке, тогда как динамичность мышления поддерживается пропорцией семантического наполнения первых двух – актуального и исторического – уровней. Эти аспекты определяют изменчивость исторического и фонового пространства концепта, актуализацию одних смыслов и нивелирование других, что делает его структуру

открытой. В отличие от этого, понятие лишено подобной динамичности, характеризуясь устойчивостью, объективностью и кристаллизацией наиболее значимых признаков при исключении малосущественного, частного и субъективного.

Сегодня наряду с термином «концепт» широко используется выражение «культурный концепт», обозначающее многослойное ментальное образование, включающее несколько качественно различных уровней (составляющих, слоев, измерений) (Степанов, 1997, с. 41; Воркачев, 2004, с. 80; Карасик, 2004, с. 129).

Чтобы стать культурным концептом, неделимые семантические единицы должны быть интегрированы в лингвокультурное пространство. Например, рациональный оператор оценки «смешное» в языковой системе, обогащаясь аксиологическими коннотациями и метафорическими ассоциациями, реформируется в концепт «комическое». Чтобы выявить отличительные черты культурных концептов как лингвокультурологических единиц и их национально-культурные отличия, необходим их сопоставительный анализ.

Следует подчеркнуть, что в многослойной структуре культурного концепта, выполняющего интегрирующую и эвристическую функции, ключевую роль играет лишь один из уровней – понятийный. Его невозможно постигнуть через традиционную логику путем перечисления сущностных характеристик изучаемого явления, поэтому «его смысл раскрывается через механизм отрицания», - по мнению Ю.С. Степанова и др. (Степанов, 1997, с. 76; Колесов, 2004, с. 64; Berger, 2023). Считается, что этот уровень лишен образности, связи с местом своей номинации в лексической системе и других аналогичных параметров. В структуре культурного концепта особую роль играет ассоциативный аспект, выражающийся через систему образных и метафорических оттенков значений. Эти коннотации не только придают концепту эмоциональную и экспрессивную окраску, но и отражают особенности национального восприятия мира, закреплённые в языковой картине действительности. Ассоциативные связи формируются под влиянием исторического опыта, традиций и мировоззренческих установок общества, что делает их важным элементом символической системы культуры. Чернейко отмечает, что именно

«вещные коннотации», закрепленные в устойчивых словосочетаниях, раскрывают его национальную самобытность» (Чернейко, 1997, с. 285). В процессе языкового воплощения образного компонента возможны его символические трансформации, – полагает Колесов (Колесов, 2004, с. 107).

В системе координат концептуального пространства особую значимость приобретает номинативный, или лингвокультурный, аспект, который отражает его вербальное воплощение в естественном языке и непосредственно связан с процессом наименования концепта – лексической единицей, служащей его языковой репрезентацией. Одним из «ключевых проявлений его релевантности является «переживаемость», то есть «способность активизировать духовную сферу человеческого сознания благодаря своей аксиологической или иной ценностной составляющей», – как отмечал Карасик (Степанов, 1997, с. 41; Карасик, 2004, с. 139). Синонимические единицы, обеспечивающие его экспрессию, выполняющие функцию выражения концепта, формируют определённую систему, упорядоченную в соответствии с их употребляемостью и смысловой значимостью. В этом контексте С. Г. Воркачёв выделяет пары культурных концептов, различающихся по степени их ценностной нагрузки и частотности использования в языке. Например: «счастье – блаженство», где первое понятие имеет более широкий и нейтральный характер, а второе – оттенок возвышенности и абсолютности; «любовь – милость», где первый термин охватывает глубокие личные чувства, а второй несёт в себе оттенок благосклонности и добродетели; «справедливость – правда», отражающие разные грани моральных норм и объективности; «свобода – воля», где первый концепт связан с отсутствием ограничений, а второй — с внутренней решимостью и возможностью выбора; «честь – достоинство», где первое понятие имеет социальную окраску, а второе носит более личный, этический характер. Эти семантические различия формируются под влиянием исторических, философских и культурных факторов, определяя специфику национальной языковой картины мира. В рамках нашего исследования к указанным концептуальным парам можно также отнести «смех – радость», где первый термин отражает внешнее, экспрессивное проявление эмоции, тогда как второй охватывает более глубокое и продолжительное внутреннее состояние

удовлетворённости и счастья. Эта пара демонстрирует различие между спонтанной реакцией и устойчивым чувственным переживанием, что подчёркивает многослойность и богатство семантической структуры культурных концептов.

Типологизация концептов может основываться на уровне их абстрактности: если номинации естественных явлений не рассматриваются в качестве концептов, то наименования культурных артефактов, обогащаясь этнокультурными смыслами, становятся их представителями. Тем не менее, вне зависимости от уровня культурной маркированности, как концепты, так и универсальные ментальные категории являются отражением, по меткому замечанию Вильгельма фон Гумбольдта, «духа народа» (Гумбольдт, 1985).

Концептуальное пространство комического дискурса

Рассмотрим концептуальное пространство комического дискурса с непосредственно связанного с ним понятия картины мира. В современных гуманитарных науках концепция картины мира приобрела широкую популярность и активно используется в различных областях исследования. В связи с этим возникает необходимость в её точном и однозначном определении, позволяющем обеспечить согласованность интерпретаций среди представителей различных научных направлений. Чёткое понимание данного термина не только способствует эффективному междисциплинарному взаимодействию, но и раскрывает его значимость для анализа когнитивных, культурных и языковых процессов, формирующих мировосприятие человека.

С позиций гносеологии мировосприятие можно рассматривать как структурированную систему представлений о действительности, складывающуюся в рамках индивидуального, группового или общественного сознания. В этом контексте принципиально важно различать два его вида: непосредственный, основанный на прямом сенсорном опыте и интуитивном восприятии окружающего мира, и опосредованный, формируемый через язык, культурные коды, научное познание и социальные институты. Такое разграничение позволяет глубже осмыслить механизмы формирования знаний и их роль в построении целостной когнитивной модели реальности.

Первый вид мировосприятия отражает непосредственное осознание окружающей реальности, формируемое в результате прямого взаимодействия человека с внешним миром через сенсорные каналы – зрение, слух, осязание, вкус и обоняние. Оно рождается в процессе личного опыта, интуитивного осмысления или же на основе гипотетических умозаключений, минуя сложные когнитивные и языковые посредники. Такой способ познания обеспечивает базисную, фундаментальную связь индивида с действительностью, закладывая основу для дальнейшего анализа и интерпретации полученной информации в рамках более сложных моделей осмысления мира. В массовом сознании подобные образы реальности формируются в зависимости от способов освоения знаний, что предопределяет их многообразие и вариативность. В зависимости от доминирующего подхода к познанию мира они могут опираться либо на логическое осмысление и анализ, либо на интуитивное и эмоциональное восприятие. Так, одни картины мира строятся на принципах рациональности и обоснованности, тогда как другие базируются на чувственном переживании. Одни опираются на динамическое, диалектическое восприятие реальности, тогда как другие придерживаются статичных, метафизических представлений. Кроме того, они могут быть материалистическими, основанными на объективных законах природы, или идеалистическими, рассматривающими сознание и духовные ценности как первооснову бытия. В зависимости от источника знаний картины мира также подразделяются на эмпирические, формируемые на основе практического опыта, и теоретические, основанные на концептуальных моделях и обобщениях. В свою очередь, религиозные картины мира выстраиваются вокруг духовных и сакральных аспектов бытия, тогда как научные – на критическом осмыслении и доказательном знании. Такое разнообразие отражает сложность и многогранность человеческого познания, обусловленного культурными, историческими и социальными факторами.

Характерной чертой непосредственной (или «наивной») картины мира является её тесная интеграция с мировоззрением, которое выступает не только как способ восприятия окружающей реальности, но и как ключевой механизм для её интерпретации и осознания. Это мировоззрение действует как основа для понимания

действительности, определяя, как индивид или коллектив воспринимает и организует информацию о мире. В свою очередь, такая картина мира воспринимается как естественное и интуитивно понятное объяснение существующих явлений, не требующее глубоких аналитических усилий. Она может быть сформирована на основе повседневного опыта, культурных традиций и эмпирических наблюдений, оказываясь в тесной связи с повседневной жизнью, практическим взаимодействием с миром и личной интуицией. Иными словами, мировоззрение определяет подход к познанию мира, в то время как картина мира является его результатом, воплощая собой конкретные образы и представления о реальности. «Наивная» картина мира не ограничивается только сбором концептуальных знаний, она также активно формирует ментальные стереотипы и шаблоны, которые направляют восприятие окружающего мира и процесс его интерпретации. Этот процесс позволяет рассматривать её как когнитивную, поскольку она является основой для формирования различных умственных конструкций, включающих в себя как осознанные, так и автоматизированные способы обработки информации. Картина мира выступает как продукт интеллектуальной деятельности, результат работы когнитивного сознания, опирающегося на устоявшиеся и регламентированные знания, которые в свою очередь создают концептуальную сферу, структуру понятий и категорий, формируя когнитивные модели, используемые индивидом для понимания и адаптации к окружающей действительности.

В связи с этим Н. М. Лебедева подчеркивает, что «когнитивную матрицу, формирующую представление о мире, человеку задает его собственная культура» (Лебедева, 1999, с. 21). Когнитивная картина мира служит основой для построения внутренней структуры, через которую индивид или сообщество интерпретируют, систематизируют и взаимодействуют с внешним миром. Эта модель, в свою очередь, влияет на повседневное поведение, принятие решений, а также на личные и коллективные ценности, культурные нормы и социальные отношения. Важно отметить, что когнитивная картина мира постоянно эволюционирует, адаптируясь к изменениям в опыте, знаниях и социальных

контекстах, создавая динамичное взаимодействие между индивидуальным и коллективным восприятием.

Национальная когнитивная картина мира отражает уникальный способ восприятия и интерпретации окружающей действительности, свойственный конкретному этносу. Она проявляется в системе ценностей, социальных нормах и культурных практиках, формируя основу для коллективного сознания и взаимодействия в рамках определённой культурной и исторической традиции.

Опосредованная картина мира, в отличие от непосредственной, является продуктом глубокого осмысления концептосферы через использование вторичных знаковых систем. К числу таких систем можно отнести языковую картину мира, которая выражается через лексику, грамматику и фразеологию, а также художественную картину мира, проявляющуюся в образах искусства, литературных произведениях и визуальных формах творчества. Эти системы служат посредниками между индивидуальным восприятием и коллективной реальностью, трансформируя внутренние представления о мире в знаковые структуры, доступные для обмена и понимания в рамках определённой культуры. Таким образом, опосредованная картина мира становится более сложной и многослойной, отражая не только личный опыт, но и общественные, культурные и исторические контексты.

Согласно М. В. Пименовой, «языковая картина мира представляет собой совокупность знаний о реальности, зафиксированных в языке, а также механизмов их получения и интерпретации» (Пименова, 2011, с. 5). Однако, принимая во внимание вышесказанное, можно согласиться лишь с первым компонентом этого определения, поскольку второй аспект скорее относится к когнитивной картине мира. Разграничение данных понятий подчеркивает В. В. Красных, указывая, что «различия в языковых картинах не всегда свидетельствуют о кардинальных расхождениях в картинах мира» (Красных, 2002, с. 17, 19).

В качестве аргументации В.В. Красных приводит примеры: «носители языка способны различать оттенки цветов, даже если язык не содержит их точных номинаций; в русском языке отсутствует грамматическая категория неопределенности, но она компенсируется лексическими средствами». В то же время

лингвистическая картина мира может оказывать значительное влияние на восприятие реальности, задавая его структурные параметры. Например, «изучающие иностранные языки со сложной системой времен испытывают трудности не только в освоении грамматических форм, но и в принципах категоризации временной оси; аналогично иностранцы, изучающие русский язык, сталкиваются с проблемами в освоении категории вида глагола», – отмечает В.В. Красных. (Красных, 2002, с. 21).

Используя метафору, А. А. Леонтьев отмечал, что «языковая картина представляет собой «отражение мира в зеркале языка» (Леонтьев, 1993, с. 18), в то время как картина мира в целом является «ментальной репрезентацией объективной реальности» (Леонтьев, 1993, с. 18). Лингвокогнитивные парадигмы играют ключевую роль в формировании языковой картины мира, тогда как концептуальная картина строится преимущественно на основе феноменологических когнитивных структур, которые могут находить выражение в языковых формах (Красных, 2002, с. 67).

Языковая картина мира фиксирует народные представления о реальности на конкретном историческом этапе, задавая ее классификацию и систематизацию в рамках лексической системы. Однако эти представления ограничены, поскольку язык выборочно называет и определяет феномены, присутствующие в сознании носителей. Более того, языковая картина мира представляет собой отображение состояния общественного восприятия, которое развивалось и формировалось на протяжении многих столетий, что делает её особенно ценным объектом для ретроспективного анализа. В то время как она несомненно остаётся важной для исследования исторических концептуальных изменений, её значимость в контексте современных трансформаций мышления этноса ограничена. В текущем научном дискурсе общепризнано, что мышление народа не является напрямую зависимым от языка, однако язык остаётся основным инструментом, через который это мышление выражается, фиксируется и получает наименование. Он служит связующим звеном между внутренними когнитивными процессами и внешним миром, обеспечивая возможность коммуникации, передачи знаний и сохранения культурных традиций.

Изучение представлений о реальности, запечатлённых в языке конкретного исторического периода, предоставляет лишь косвенные основания для осмысления интеллектуальной деятельности народа того времени и частичного восстановления его подлинной когнитивной модели мира (Малюга, 2023). Тем не менее, важно отметить, что языковая картина мира не является полной аналогией когнитивной картины, поскольку последняя гораздо более обширна. Это связано с тем, что далеко не вся концептуальная информация получает языковое выражение и становится частью вербальной коммуникации. Когнитивная картина мира включает в себя и те аспекты человеческого восприятия и мышления, которые не всегда могут быть адекватно переданы средствами языка, такие как интуитивные, эмоциональные или невербальные элементы, которые остаются вне поля языкового оформления, но тем не менее играют важную роль в структуре мировосприятия.

Таким образом, языковая картина мира ограничена в передаче информации о действительности: в ней закрепляются лишь те элементы, которые имели или имеют актуальное коммуникативное значение, соотносящееся с культурной ценностью передаваемых понятий (Карасик; Слышкин, 2004, с. 77).

Безусловно, анализ когнитивной модели мира через призму языковых знаков даёт исследователю ценные знания, однако их извлечение требует применения специальных методик. Ключевая характеристика данной вторичной картины заключается в отсутствии непосредственного воздействия на носителя языка в процессе его мыслительной и поведенческой деятельности, в отличие от когнитивной модели, обладающей такой способностью. Именно через когнитивные классификаторы осуществляется так называемое «разделение мира», о котором говорится в связи с языковой картиной мира. Однако язык сам по себе не структурирует реальность, а лишь фиксирует когнитивные разделения, произведённые мышлением и зафиксированные в концептуальном поле этноса, сообщая о них.

Поэтому изучение языковой картины мира наиболее эффективно проводится в рамках дескриптивной структурной лингвистики, которая позволяет детально рассматривать и анализировать языковые средства, отражающие мироощущение и восприятие

реальности. В свою очередь, когнитивный анализ этих данных предоставляет мощный инструмент для исследования первичной модели мира, открывая доступ к глубинным процессам мышления и восприятия. Этот подход позволяет выявить, как конкретные элементы языка фиксируют особенности мировоззрения, ментальные конструкции и концепты, которые служат основой для формирования более сложных когнитивных структур. Когнитивный анализ языковой картины мира не только углубляет понимание взаимодействия языка и мышления, но и помогает реконструировать ментальные модели, которые формируют восприятие и интерпретацию реальности в различных культурных и исторических контекстах.

Эти два направления следует чётко разграничивать и не отождествлять, так как языковая картина только частично передаёт содержание концептосферы, что позволяет судить о ней лишь фрагментарно, хотя язык, вероятно, остаётся наиболее точным кодом для её репрезентации. Иначе говоря, когнитивная и языковая картины мира взаимосвязаны подобно изначальному ментальному содержанию и его символическому воплощению, как глубинное осмысление действительности и его закодированное представление для исследователя. (Ахренова, 2023).

Аналогично языковой, художественная модель мира носит вторичный характер, формируясь в сознании воспринимающего субъекта (читателя, слушателя, зрителя) при взаимодействии с произведениями искусства. Причём её опосредование происходит дважды: сначала через язык, затем через индивидуально-авторскую концептуальную модель. В художественном тексте, где язык служит инструментом создания образов, значимую роль играют тематические группы лексики, частотность определённых слов, использование тропов, авторские неологизмы и др. Это позволяет выявить индивидуальную картину мира автора. Одновременно в произведении могут находить отражение элементы этнической концептуальной модели, её культурно-специфические понятия.

В последние десятилетия термин «менталитет» стал активно применяться в когнитивной лингвистике. Однако, несмотря на обилие, а порой и противоречивые определения, зафиксированные в словарях с середины 90-х годов XX века, его содержание остаётся неопределённым и расплывчатым. Этот термин может обозначать

не только тип мышления, психологический склад характера, особенности восприятия, но и множество других понятий, часто употребляемых без чёткого контекста и иногда используемых просто в качестве модного штампа. С точки зрения когнитивной лингвистики целесообразно провести чёткое разграничение между понятиями «менталитет» и «концептосфера». «Менталитет» в данном контексте предполагает некую совокупность устойчивых психо-когнитивных схем и привычек восприятия, присущих отдельной культуре или этносу, тогда как «концептосфера» более специфична и связана с системой концептов, которая отображает мировосприятие и знание, характеризующие определённое сообщество. Такое разделение позволяет более точно и корректно исследовать ментальные структуры, которые формируют мышление и восприятие реальности, не смешивая их с более широкими, общими представлениями о культуре и психологии народа.

Менталитет можно рассматривать как специфический способ восприятия и осмысления реальности, формируемый когнитивными стереотипами, присущими индивиду или определённой социальной, этнической или культурной группе.

В этом аспекте следует анализировать как индивидуальный, так и коллективный менталитет, отражающий особенности восприятия реальности в конкретных социальных группах: будь то гендерные, возрастные, профессиональные или иные объединения. Очевидно, что одни и те же события воспринимаются по-разному в зависимости от групповой принадлежности, что заметно, например, в различиях между мужчинами и женщинами, представителями различных социальных слоёв, гуманитариями и технарями. Данные различия объясняются механизмом каузальной атрибуции, акцентирующим роль когнитивных стереотипов в приписывании причинности событиям. Следовательно, менталитет группы соотносится с её установками и механизмами восприятия.

Национальный менталитет представляет собой специфический подход к интерпретации реальности, обусловленный устойчивыми когнитивными стереотипами. Например, в американской культуре высокий финансовый статус ассоциируется с умом, тогда как в российском менталитете он нередко воспринимается как показатель нечестности. Подобное различие характерно и для

понятий: «новый» в американском сознании означает «усовершенствованный», тогда как в российском мышлении он зачастую воспринимается как «непроверенный».

Менталитет различных этносов способен оказывать влияние на то, как они интерпретируют однотипные ситуации, инициируя у органов чувств предвзятое восприятие определенных аспектов и игнорирование других. Например, в русской культуре может подчеркиваться послушание женщин азиатского происхождения, в то время как их собственные женщины, обладающие проявлениями инициативы, остаются незамеченными. С другой стороны, у мужчин из Восточной Азии активность и даже агрессивность женщин из России оценивается в первую очередь, в то время как их собственные женщины могут рассматриваться как более покорные. Интерпретация воспринимаемого подвержена влиянию менталитета.

Менталитет в когнитивных процессах взаимодействует с концептуальной сферой, содержащей знания этноса. Это особенно заметно в восприятии и осмыслении реальности: когнитивные структуры, составляющие концептосферу народа, формируют устойчивые стереотипы мышления. Например, концепт «авось» в русской концептосфере обусловливает ментальный стереотип, допускающий неопределённость в действиях. В то же время национальные стереотипы способны влиять на динамику концептов, закрепляя определённые оценки явлений. Несмотря на их взаимосвязанность, менталитет и концептосфера представляют собой разные феномены, требующие различных подходов к изучению.

Концепт, как правило, объективируется в языковых знаках, но его природа выходит за рамки традиционных лексико-семантических структур, демонстрируя сложную межуровневую организацию номинативных единиц (Фефелова, 2022, с. 38).

Концепты, как правило, включают различные номинативные пространства. Одни из них характеризуются обширной и легко выявляемой системой обозначений, располагающей множеством стандартных языковых средств, доступных широкому кругу носителей (например, такие концепты, как «мужчина», «женщина», «существование», «труд», «взаимоотношения», «радость» и т. д.). Другие, напротив, обладают ограниченным номинативным

диапазоном, имея недостаточное количество синонимических единиц или вовсе их не имея, а также обнаруживают гипер-гипонимическую организацию. Они представляют коммуникативную ценность лишь для узкоспециализированных сообществ и чаще всего относятся к профессиональным или специфическим понятиям (например, «мизинец», «ушная мочка», «разведение фауны» и т. п.). Третья категория включает концепты, у которых отсутствует систематически эксплицируемое номинативное поле; их выражение осуществляется через индивидуальные, ситуативные или окказиональные наименования, описывающие отдельные характеристики, но не охватывающие весь концепт в целом (например, «молодожены» и его гипотетический антоним, относящийся к тем, кто давно состоит в браке; несмотря на возможность создания окказиональных номинаций типа «старожены», «супруги со стажем», «они вместе не первый год», данный концепт остаётся коммуникативно второстепенным).

Понятийные единицы, закрепленные в языковой системе посредством словарного запаса и устойчивых выражений, нередко обозначаются как лексические или лексико-фразеологические. Однако необходимо учитывать, что подобная классификация отражает исключительно форму их языкового выражения, а не глубинную сущность самих концептов как элементов языковой структуры. В действительности, концепты обладают сложной когнитивной природой, выходящей за рамки их лексического оформления, поскольку они формируются на пересечении культуры, мышления и коммуникации. Таким образом, их вербализация — лишь один из способов их существования в языке, но не исчерпывающее определение их сущности.

Вывод

Проведенное исследование комического дискурса позволило выявить его сложную природу как феномена, находящегося на стыке языковых и культурных систем. Анализ комического высказывания в контексте различных культурных реалий и языковых структур продемонстрировал, что восприятие и создание юмора обусловлены как лингвистическими механизмами, так и культурными особенностями. Исследование подтвердило, что комический дискурс выступает в качестве отражения культурных

традиций, социальных норм и ценностей, а также служит инструментом для понимания динамики межкультурной коммуникации.

Результаты исследования подчеркивают, что восприятие юмора является многогранным процессом, зависящим не только от языковых норм, но и от культурных стереотипов, ценностей и контекстов взаимодействия. Таким образом, комический дискурс представляет собой важный объект изучения для понимания механизмов межкультурной коммуникации и особенностей взаимодействия языка и культуры.

Литература

1. Ахренова Н.А., Гальцов П.И. Фигуры контраста как инструмент создания комического эффекта в дискурсе стендап комедии // Вопросы прикладной лингвистики. 2023. №51. С. 87-113. https://doi.org/10.25076/vpl.51.04
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. М.: Худ. лит-ра., 1990. – 541 с.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая; сост. А. Д. Кошелев; пер. с англ. А. Д. Шмелева и др. М.: Языки славянских культур: Изд. А. Кошелев, 2011. – 567 с.
4. Воркачёв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
5. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры: Пер. с нем. яз. / Вильгельм фон Гумбольдт; Сост., общ. ред. и вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Гуревич А.Я. Проза Чехова (Человек и действительность) / А.Я. Гуревич. М.: Художественная литература, 1985. 153 с.
7. Дземидок, Б. О комическом. Пер. с польск. / Б. Дземидок. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М.: Гнозис, 2004. 389 с.
9. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Лекц. курс / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

10. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16-21.
11. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. М.: Academia, 1997. С. 28-37.
12. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. М.: Посев, 1957. 151 с.
13. Малюга Е.Н. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе / Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.
14. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
15. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
17. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. М.: Наука, 1986. 141 с.
18. Фефелова Г. Г. Концептосфера русской юмористической картины мира. Уфа : Изд-во УГНТУ, 2022. 196 с.
19. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. Сборник обзоров. М., ИНИОН РАН, 1992. С. 33-41.
20. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. Москва, 1997. 319 с.
21. Akopova A.S. Stylistic features of English-language sports discourse // Issues of Applied Linguistics. 2024. № 56. P. 34-61. doi: 10.25076/vpl.56.02
22. Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5(2). P. 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
23. Berger A.A., Gonot-Schoupinsky F. Humour and mental health: a case study of Arthur Asa Berger // Mental Health and Social Inclusion. 2023. Vol. 27. No. 1. Pp. 37–50. https://doi.org/10.1108/MHSI-08-2022-0051

24. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6
25. Grishechko E.G., Sharma G., Zheleznova K.Y. Peculiarities of Indian English as a separate language // Propositos y Representaciones. 2021. № 9. P. e913. doi: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913
26. Khramchenko D.S. Irony in English business discourse (functional-synergetic approach). Tula State Pedagogical University, 2010. EDN: QETCET
27. Maftei A. The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty // BMC Psychology. Vol. 11. Article 26. https://doi.org/10.1186/s40359-023-01063-z
28. Malyuga E.N., Akopova A.S. Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution // Training, Language and Culture. 2021. № 5(4). P. 65-76. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76
29. Malyuga E.N., Popova K.V. Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising // Bulletin of Moscow State Region University. 2018. № 4. P. 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925
30. O'Dowd, R. Virtual Exchange and internationalising the classroom // Training, Language and Culture. 2017. № 1(4). P. 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1
31. Steer O.L., Betts L.R., Baguley T.S., Binder J.F. "I feel like everyone does it"-adolescents' perceptions and awareness of the association between humour, banter, and cyberbullying // Computers in human behaviour. 2020. Vol. 108. Pp. 10629. https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106297.
32. Zhu L., Yang J., Yuan J. The use of multilevel emotion regulation strategies in the context of critical public events: the more the better? // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1403308. doi: 10.3389/fpsyg.2024.1403308.

References

Akhrenova, N. A., & Galtsov, P. I. (2023). Figures of contrast as a tool for creating a comic effect in the discourse of stand-up

comedy. *Issues of Applied Linguistics, 51*, 87-113. https://doi.org/10.25076/vpl.51.04

Akopova, A. S. (2024). Stylistic features of English-language sports discourse. *Issues of Applied Linguistics, 56,* 34-61. doi: 10.25076/vpl.56.02

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of François Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance].* Khudozhestvennaya Literatura.

Berger, A. A., & Gonot-Schoupinsky, F. (2023). Humour and mental health: A case study of Arthur Asa Berger. *Mental Health and Social Inclusion, 27*(1), 37-50. https://doi.org/10.1108/MHSI-08-2022-0051

Cherneiko, L. O. (1997). *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name].* Moscow.

Dzemidok, B. (1974). *O komicheskom [On the comic]* (Trans.). Progress.

Frumkina, R. M. (1992). Kontsept, kategoriya, prototip [Concept, category, prototype]. In *Lingvisticheskaya i ekstralingvisticheskaya semantika. Sbornik obzorov* (pp. 33-41). INION RAN.

Gribanova, T. I., & Gaidukova, T. M. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3*(2), 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

Grishechko, E. G., Sharma, G., & Zheleznova, K. Y. (2021). Peculiarities of Indian English as a separate language. *Propositos y Representaciones, 9,* e913. doi: 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.913

Gumboldt, V. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and philosophy of culture]* (A. V. Gulysh & G. V. Ramishvili, Eds.). Progress.

Gurevich, A. Ya. (1985). *Proza Chekhova (Chelovek i deistvitel'nost') [Chekhov's prose (Man and reality)].* Khudozhestvennaya Literatura.

Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Gnozis.

Khramchenko, D. S. (2010). *Irony in English business discourse (functional-synergetic approach).* Tula State Pedagogical University. EDN: QETCET

Krasnykh, V. V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Lekts. kurs [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Lecture course].* Gnozis.

Leontiev, A. A. (1993). Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and image of the world]. In *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'* (pp. 16-21). Institut yazykoznaniya RAN.

Likhachev, D. S. (1997). Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. In *Russkaya slovesnost': Antologiya* (pp. 28-37). Academia.

Lossky, N. O. (1957). *Kharakter russkogo naroda [The character of the Russian people]*. Posev.

Maftei, A. (2023). The indirect effect of compassion on katagelasticism: The mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty. *BMC Psychology, 11,* 26. https://doi.org/10.1186/s40359-023-01063-z

Malyuga, E. N., & Akopova, A. S. (2021). Precedence-setting tokens: Issues of classification and functional attribution. *Training, Language and Culture, 5*(4), 65-76. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-4-65-76

Malyuga, E. N., & Khaperstkova, A. A. (2023). Lingvokognitivnyi aspekt izucheniya zhenskoi emotsional'no-otsenochnoi leksiki v reklamnom diskurse [Linguocognitive aspect of studying women's emotional-evaluative vocabulary in advertising discourse]. *Voprosy Kognitivnoi Lingvistiki, 1*, 71-79.

Malyuga, E. N., & Popova, K. V. (2018). Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising. *Bulletin of Moscow State Region University, 4,* 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925

Maslova, V. A. (2005). *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics].* TetraSistems.

O'Dowd, R. (2017). Virtual Exchange and internationalising the classroom. *Training, Language and Culture, 1*(4), 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

Sorokin, P. A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]* (A. Yu. Sogomonov, Ed.). Politizdat.

Steer, O. L., Betts, L. R., Baguley, T. S., & Binder, J. F. (2020). "I feel like everyone does it"-adolescents' perceptions and awareness of the association between humour, banter, and cyberbullying. *Computers in Human Behavior, 108*, 10629. https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106297

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya [Constants: Dictionary of Russian culture: Research experience].* Shkola "Yazyki russkoi kul'tury".

Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits [Connotative aspect of the semantics of nominative units].* Nauka.

Fefelova, G. G. (2022). *Kontseptosfera russkoi yumoristicheskoi kartiny mira [The concept sphere of the Russian humorous picture of the world].* Izd-vo UGNTU.

Vezhbitskaya, A. (2011). *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantic universals and basic concepts]* (A. D. Koshelev, Ed.; A. D. Shmeleva et al., Trans.). Yazyki slavyanskikh kul'tur: Izd. A. Koshelev.

Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept [Happiness as a linguocultural concept].* ITDGK "Gnozis".

Zhu, L., Yang, J., & Yuan, J. (2024). The use of multilevel emotion regulation strategies in the context of critical public events: The more the better? *Frontiers in Psychology, 15*, 1403308. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1403308

УДК 811.112.22
https://doi.org/10.25076/vpl.57.04
Э.Л. Шубина[4]
Ю.А. Райкова
Р.С. Шелехова
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ТЕМЫ «СОКРАЩЕНИЕ ПЕРСОНАЛА» В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В данной работе были проанализированы прямые номинации, а также эвфемизированные слова и выражения на тему сокращения персонала в статьях немецких электронных изданий «manager-magazin», «Stern», «Focus» за 2024-25 гг. Выбор указанного периода объясняется повышенным вниманием немецких журналистов к массовым сокращениям рабочих мест на крупных предприятиях ведущих экономик мира США, Китая и Германии. Актуальность работы обусловлена тем, что проблемы в сфере трудовых отношений способствуют возникновению новых эвфемизмов и выражений. Методом сплошной выборки были выделены прямые номинации и эвфемизированные на тему сокращения персонала. Авторы рассматривают словарные эвфемизмы лексем «Entlassung», «Kündigung», «entlassen», «kündigen», обозначающих увольнение персонала, в газетных текстах. В статье проводится сопоставление номинации данного негативного явления в немецких статьях об увольнениях в США и Китае и в немецких статьях о сокращениях в Германии. Проведенный сравнительный анализ текстов показал, что тема увольнений активнее эвфемизируется в статьях о экономических проблемах на немецких предприятиях и практически совсем не подвергается вуалированию в статьях о США и Китае. Были выявлены эвфемизированные слова и выражения, которые не зафиксированы в словаре. Установлено,

[4] © **Шубина Э.Л., Райкова Ю.А., Шелехова Р.С.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

что авторы статей прибегают к таким способам эвфемизации, как словосложение, перифраза, использование широкозначных слов. Новизна исследования состоит в том, что до сих пор в отечественной германистике отсутствует лингвистическое описание и систематизация эвфемизмов на тему «увольнение при сокращении численности штата работников» в немецком языке.

Ключевые слова: немецкий язык, публицистический дискурс, прямые номинации, эвфемизмы, сокращение рабочих мест, способы образования эвфемизмов

УДК 811.112.22
https://doi.org/10.25076/vpl.57.04

E. L. Shubina
J. A. Raikova
R. S. Shelekhova
MGIMO University

EUPHEMIZATION OF THE TOPIC OF "STAFF REDUCTION" IN GERMAN JOURNALISTIC TEXTS

In this paper, direct nominations and euphemized words and expressions on the topic of staff reduction in the articles of the German electronic publications "manager-magazin", "Stern", "Focus" for 2024-25 were analyzed. The relevance of the work is due to the fact that problems in the field of labor relations contribute to the emergence of new euphemisms and expressions. By the method of continuous sampling, direct nominations and euphemized ones on the topic of staff reduction were distinguished. The authors consider the dictionary euphemisms of the lexemes "Entlassung", "Kündigung", "entlassen", "kündigen", denoting the dismissal of personnel, in newspaper texts. The article compares the nomination of this negative phenomenon in German articles on layoffs in the United States and China, and in German articles on layoffs in Germany. A comparative analysis of the texts showed that the topic of layoffs is more actively euphemized in articles about economic problems at German enterprises and is practically not veiled at all in articles about the United States and China. Euphemized words and expressions that are not recorded in the dictionary were identified. It is established that the authors of the articles resort to such methods of

euphemization as word composition, periphrase, and the use of broad-valued words. The novelty of the research lies in the fact that there is still no linguistic description and systematization of euphemisms on the topic of "dismissal with a reduction in the number of employees" in the German language.

Keywords: German language, journalistic discourse, direct nominations, euphemisms, job cuts, ways of forming euphemisms

Введение

Все события в мире, влияющие на политическую, социальную, культурную сферу жизни общества, отражаются в публицистическом дискурсе, который способен формировать общественное мнение. Такие языковые средства, как эвфемизмы и дисфемизмы, способны продемонстрировать изменения, происходящие в обществе. Возрастающее количество таких выразительных оценочных языковых средств в прессе Германии не может остаться без внимания языковедов. Выявление эвфемизированной лексики на материале такой важной части общественной жизни как печатные средства массовой информации позволит увидеть ее коммуникативно-прагматический потенциал в дискурсе трудовых отношений. Актуальность работы обусловлена тем, что проблемы в сфере трудовых отношений способствуют возникновению новых эвфемизмов и выражений, которые не были еще лексикографированы.

Цель исследования – выявление прямых номинаций и эвфемизированных номинаций в текстах, посвященных сокращению персонала, установление механизма их образования, определение коммуникативно-прагматического потенциала эвфемизмов.

Новизна исследования состоит в том, что до сих пор в отечественной германистике отсутствует лингвистическое описание и систематизация эвфемизмов на тему «увольнение при сокращении численности штата работников» в немецком языке.

Материалом для нашего исследования послужили статьи из немецких онлайн-изданий, таких как «manager-magazin», «Stern», «Focus». В работе было проанализировано четыре статьи из вышеупомянутых источников материала. Для толкования языковых

единиц привлекались данные немецкого корпуса DWDS (Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache) и онлайн-словаря Duden.

Как отечественные, так и зарубежные лингвисты не оспаривают тот факт, что процесс эвфемизации происходит путем замены негативного денотата на более позитивный. Такие российские лингвисты как О.С. Ахманова и Н.С. Арапова причисляют эмоционально-нейтральные, вежливые выражения к эвфемизмам вместо грубых, нетактичных, неприличных для говорящего (Арапова, 1997, с. 565), (Ахманова, 2005, с. 478). Авторы немецкого электронного словаря dwds.de трактуют термин «эвфемизм» как приукрашивающее языковое выражение или положительное слово (*gutes Wort*) для именования стигматичного денотата, например, *uns verlassen* (нас покинуть) вместо *sterben* (умирать) (DWDS).

В трудах по лингвистике перечислены практически все темы, которые подвергаются процессу эвфемизации, которая демонстрирует запретные, «неудобные», «табуированные в обществе» (Ковшова, 2007; Крысин, 1994; Akopova, 2024; Antipova, Rabeson, Smirnova, 2021; Gribanova, Gaidukova, 2019; Grishechko, 2024). Мотивы, побуждающие к использованию эвфемизмов, разнообразны. Это и деликатность, чувство такта, смягчение дискриминации, уход от конфликтов, суеверие, сохранение лица говорящего (Ковшова, 2007, с. 88; Крысин, 1994, с. 40; O'Dowd 2017; Khramchenko, 2010; Malyuga, Popova, 2018). В случае с эвфемизацией увольнений по инициативе руководства можно предположить, что речь идет о сохранении лица говорящего, попытке ухода от конфликтов, а также смягчение дискриминации увольняемых сотрудников (Труфанова, 1994, с. 40; Malyuga, Maksimova, Ivanova, 2019).

Функции эвфемизмов в экономическом дискурсе заключаются в вуалировании и нормализации, поскольку эвфемизмы, смягчая реальное положение в экономике и мер, которые принимает правительство и руководство предприятий, оказывает влияние на общественное мнение, сохраняя репутацию страны и ведущих компаний (Александрова, 1994, с. 40).

Немецкие лингвисты выделяют так называемые вуалирующие эвфемизмы (*verhüllend*) и камуфлирующие эвфемизмы (*verschleiernd*) (Luchtenberg, 1985, с. 168), (Götzinger, 2013, с. 12). Вуалирующие эвфемизмы выступают словами, заменяющими

табуированные номинации, а камуфлирующие используются в роли риторического приема для получения личной выгоды адресанта

(Luchtenberg, 1985, с. 167-179), (Schröder, 2001, с. 5), (Götzinger, 2013, с. 12). В электронных словарях стилистически маркируются «вуалирующие» эвфемизмы (*verhüllend*), а камуфлирующие не затрудняют понимание значения лексемы и поэтому не маркируются стилистически (DWDS, Duden).

Так, как эвфемизмы, не зафиксированные в словаре, сложно идентифицировать, то отечественные и зарубежные исследователи предлагают перечень признаков, по которым можно определить эвфемизированные лексемы и выражения (Чепорухина, 2021, 96), (Reutner, 2013, с. 186; Reutner, 2009, с. 300).

Так, Е. П. Сеничкина называет четыре признака эвфемизмов, главным из которых выступает «**обозначение нежелательного денотата»** (Сеничкина, 2008). С ней солидаризируется и Солодилова, предлагая определять нежелательный денотат при помощи совокупности этических, эстетических и моральных норм. Процесс идентификации лексемы как эвфемизма представлен двумя группами критериев. Экстралингвистические критерии указывают на отрицательные эмоции, которые вызывает объект номинации. В нашем случае массовые увольнения трудящихся на предприятиях вызывают негативные эмоции у увольняемых и их родных и близких, однако объявление о сокращении штатов на крупных биржевых предприятиях приводят к росту их курса акций, в чем как раз и заинтересованы акционеры. Таким образом, эвфемизация языковых единиц адресована, как правило, определенному кругу лиц. Под интролингвистическими критериями понимаются критерии, предложенные Сеничкиной Е.П. (Солодилова, 2017, с. 75). Так, глаголы *«freistellen», «freisetzen»* (высвобождать) выполняют эвфемистическую функцию, так как ассоциируются с **нежелательным денотатом** (массовые увольнения сотрудников на ведущих предприятиях Германии могут вызвать недовольство среди той части немецкого населения, которые не заинтересованы в увольнениях. В словаре DWDS глаголы содержат стилистическую помету «*verhüllend*» (DWDS).

Вторым критерием, по мнению Е. П. Сеничкиной, выступает **семантическая неопределенность**, ведь эвфемизм «маскирует»

негативную оценку денотата (Сеничкина, 2008, с. 6). Лексемы *«freistellen», «freisetzen»* (высвобождать) обладают семантической неопределенностью, так как не указывают на увольнение, а акцентируют внимание на сопутствующем признаке, а именно о предоставлении свободы. Так, глагол *«freistellen»* обозначает «предоставить выбор, разрешить» *ich stelle (es) dir frei, dich daran zu beteiligen* (я разрешаю тебе в этом участвовать) и «освободить от исполнения обязанностей на определенный промежуток времени» *er ist vom Militärdienst freigestellt* (он освобожден от военной службы), а *«freisetzen»* относится к терминологии из области химии и физики и обозначает «выделять энергию» *bei der Spaltung eines Uranatoms wird Energie freigesetzt* (при расщеплении атома урана выделяется большое количество энергии). Помимо терминологического значения глагол обозначает «высвобождать» *diese Begegnung setzte seine schöpferischen Kräfte frei* (Эта встреча высвободила его творческие силы (здесь и далее перевод наш. – Э.Ш., Ю.Р., Р.Ш.)) (DWDS).

Характер исходного денотата должен улучшится при замене слова эвфемизмом. Номинации *«freistellen» «freisetzen»* (высвобождать) улучшают исходный денотат, так как корневая морфема обозначает «свободный» (*frei*) и связана у адресата преимущественно с положительными эмоциями. Однако, **денотат улучшается лишь формально**, так как адресат догадывается, что реально скрыто за «маскирующей» номинацией. В нашем примере эвфемизированное сочетание *«freistellen» «freisetzen»* (высвобождать) не противоречит негативному денотату *«Entlassung»* (увольнение).

Для нашего исследования представляется важным изучить, как определяются эвфемизированные формулировки носителями языка. **Причисление номинации к классу эвфемизированных с точки зрения носителя** также является одним из критериев и позволяет не носителю отследить функционирование эвфемизма в рамках определенного временного промежутка. Вследствие динамичного развития языка эвфемизированная лексема постепенно переходит в разряд деэвфемизированных и не всегда поддается описанию и маркировке в лексикографических словарях, что затрудняет поиск и отбор эвфемистически окрашенных

лексических единиц, вуалирующих определенное негативное обозначение.

В комментарии к статье о минимальной оплате труда в Германии в период инфляции летом 2023 года подвергаются сравнению открытое наличие в США сверхбогатых и крайне бедных людей (*Superreiche und Bitterarme*), и сдержанность при обсуждении финансовых проблем немецких граждан. Тем не менее автор комментария отмечает сформировавшееся в немецком обществе социальное неравенство, проявляющееся в заметном различии доходов населения Германии. Он приводит в пример обозначение «*Niedriglohnsektor*» (низкооплачиваемый сектор), относящееся, по его мнению, к эвфемизированным номинациям, так как оно способно затушевать прямое наименование группы людей с низким доходом «*arm trotz Arbeit*» (бедные, несмотря на наличие работы) (Die Tageszeitung, 2023). При этом представитель немецких СМИ подчеркивает, что вышеупомянутое эвфемизированное обозначение не является новым, оно было актуальным еще в 2007 году: «*In Ostdeutschland arbeiteten 2007 fast die Hälfte aller Beschäftigten im Niedriglohnsektor. Das ist übrigens ein* ***Euphemismus*** *für: arm trotz Arbeit*» (В 2007 году почти половина всех работников в восточной Германии трудилась в низкооплачиваемом секторе. Кстати, это **эвфемизм**, означающий: бедные, несмотря на наличие работы) (Die Tageszeitung, 2023). Однако словарные статьи в DWDS и Duden не содержат указания на вуалирующий оттенок номинации «*Niedriglohnsektor*», маркируя ее лишь как лексему, относящуюся к экономической сфере. Близкие по значению существительные «*Niedriglohnbereich*», «*Niedriglohngebiet*», «*Niedriglohnbranche*» также не имеют стилистической пометы, подчеркивающей эвфемистический характер (DWDS).

И. А. Солодилова и Т. Ю. Соколова придерживаются мнения, что особенность эвфемизмов заключается в их **социокультурной детерминированности** (Солодилова, 2017, с. 76). Это означает, что выбор и использование эвфемизмов тесно связаны с культурными нормами, социальными ценностями и историческим контекстом конкретного общества. Социальная нагрузка также характерна для эвфемистических номинаций, которые формируются под влиянием социальных условий и норм общества. Выбирая тот или иной эвфемизм, говорящий старается соответствовать социальным

конвенциям, чтобы избежать негативных реакций. Эвфемизмы при этом являются не просто средствами замены негативных обозначений, они отражаются моральные принципы, а также нормы, принятые в обществе. Наличие социальной составляющей эвфемизма проявляется в том, что потребность адресанта в его использовании возникает в качестве реакции на конкретные социальные проблемы, табуированные темы или ситуации, требующие деликатного обращения. Отдавая предпочтение тому или иному эвфемистически окрашенному наименованию, говорящий пытается приспособиться к социальным конвенциям, выразить уважение к собеседнику и избежать осуждения, обиды или непонимания.

Увеличивающийся разрыв в доходах населения Германии и связанное с этим социальное неравенство негативно воспринимаются обществом, в особенности в европейских странах, где имеют значение принципы социального равенства и справедливости. Эта ситуация создает потребность в смягчении прямого выражения богатства. Сами немцы признают, что чрезмерное, нарочитое упоминание богатства нежелательно и может вызвать зависть или социальное напряжение, поэтому его обозначение в Германии завуалировано: «*Reichtum ist in Deutschland verschleiert*» (Die Tageszeitung, 2023). Так, представители СМИ вместо прямого обозначения «*reich*» (богатый) используют эвфемизм «*gutverdienend*» (хорошо зарабатывающий) для замены обозначения этого явления. Таким образом, они не только смягчают негативный оттенок, связанный с неравенством, но и демонстрируют уважение к общественным нормам и ценностям, избегая прямой конфронтации с щекотливой темой.

Результаты и обсуждения

Лексемы «Entlassung», «Kündigung», «entlassen», «kündigen» и их словарные эвфемизмы.

С начала 20-х годов нынешнего столетия ведущие экономики мира США, Китай, Германия испытывают экономические трудности, которые приводят к закрытию предприятий и сокращению кадров. Крупный бизнес США ускорил темпы сокращения штатов из-за опасения рецессии. Увольнения происходили во всех отраслях – от технологических компаний до банков. В Китае тенденция к замедлению экономического роста

привела к закрытию большого количесва компаний и увольнению работников. В Германии из-за высоких цен на энергоносители, рецессии, низкого спроса затормаживается производственный сектор экономики. Так, нарастающий кризис в автомобильной промышленности приводит к закрытию заводов концерна Volkswagen, урезанию зарплат и сокращению рабочих мест. Такой негативный для работников сегмент трудовых отношений как «увольнение по инициативе работодателя» вербализуется в немецком языке такими лексемами как «*Entlassung*», «*Kündigung*», «*entlassen*», «*kündigen*».

В электронном словаре немецкого языка DWDS существительное *«Entlassung»* обозначает «увольнение персонала по инициативе работодателя» [DWDS]. Словарная статья лексической единицы «*Entlassung*» перечисляет следующие синонимы:

- *Freisetzung (von Personal)* (*verhüllend) (высвобождение персонала),*
- *Personalfreisetzung* (*verhüllend) (высвобождение персонала),*
- *Stellenfreisetzung* (*verhüllend) (высвобождение персонала),*
- *Kündigung (увольнение по инициативе работодателя или работника)*
- *Stellenabbau (сокращение рабочих мест),*
- *Arbeitsplatzabbau (сокращение рабочих мест),*
- *Personalabbau (сокращение персонала),*
- *Stellenstreichungen (уничтожение рабочих мест),*
- *Verkleinerung der Belegschaft (уменьшение численности персонала),*
- *Rückgang der Beschäftigung (сокращение персонала),*
- *Rationalisierungsmaßnahme (рационализационное мероприятие)* [DWDS].

Перечень синонимов показал, что три лексические единицы *Freisetzung (von Personal), Personalfreisetzung,* (высвобождение персонала), *Stellenfreisetzung* маркированы стилистической пометой «*verhüllend*», что свидетельствует о эвфемистической окраске лексем. В составе сложного существительного корневая морфема *frei* обозначает *свободу* и соответственно слова ***Frei****setzung (von Personal), Personal****frei****setzung, Stellen****frei****setzung* получают

положительную коннотацию. С нашей точки зрения лексема *Rationalisierungsmaßnahme (*рационализационное мероприятие*)* также наделена способностью вуалировать такое негативное явление, как сокращение рабочих мест, так как сложно понять о каких рационализационных мерах идет речь.

Частотность употребления лексемы *Personal**frei**setzung* на рисунке 1 продемонстрировала, что пик словоупотребления приходился на девяностые годы прошлого века, на что и указывают примеры из текстов корпуса *Aber "**Personalfreisetzungen**" seien auch nicht geplant* (Однако высвобождение персонала также не запланировано) (DWDS)

*...durch **Personalfreisetzungen** bei der Landesverwaltung könnten 400 bis 500 Millionen Mark im Jahr eingespart werden.* (Сокращение персонала в Земельном управлении могло бы сэкономить до 500 тысяч марок в год) (DWDS).

В последующие годы данный словарный эвфемизм не был распространен в публицистике.

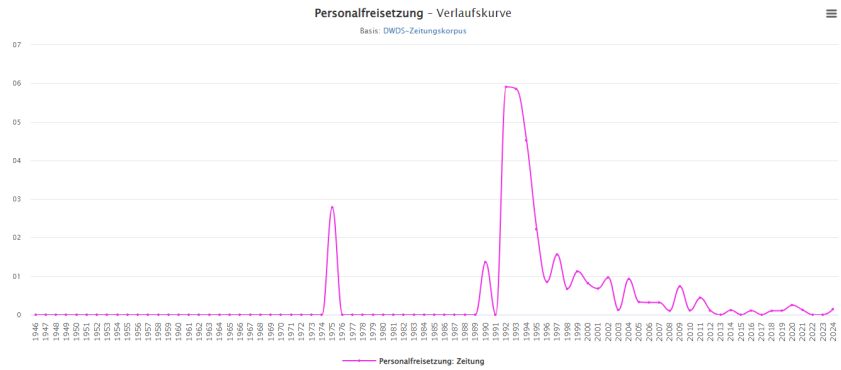

Рис 1. Статистические данные употребления эвфемизма «Personalfreisetzung» в газетном корпусе DWDS

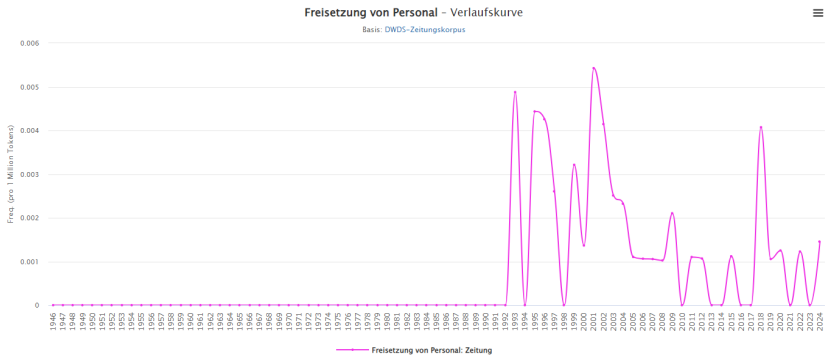

Рис 2. Статистические данные употребления эвфемизма «Freisetzung von Personal» в газетном корпусе DWDS

Частотность употребления лексемы *Freisetzung von Personal* на рисунке 2 показала, что данный эвфемизм начал употребляться в начале девяностых годов прошлого века и единичными примерами представлен в газетном корпусе в 1996, 2000, 2002, 2009, 2011, 2022 и 2024 годах *Outplacement ist eine aus den Vereinigten Staaten stammende Methode zur* ***Freisetzung von Führungskräften*** (Аутплейсмент это метод «мягкого увольнения» руководящих кадров, который пришел к нам из США) (manager magazin). В данном примере речь идет об увольнении менеджеров крупных предприятий и по отношению к ним использовался эвфемизм немецкого языка *Freisetzung von Führungskräften* и заимствованное слово из английского языка *Outplacement*, которое также выполняет маскирующую функцию для номинации сокращения руководящего состава.

Статистические данные словоупотребления эвфемизма *Stellenfreisetzung* в анализируемом корпусе отсутствуют.

Таким образом, эти три вуалирующие лексемы достаточно редко или же совсем не встречаются в корпусе DWDS, а также в архивах и текущих выпусках немецких печатных СМИ. Так, в немецком бизнес-журнале manager magazin обнаружены только три статьи, где использована лексема *Personalfreisetzung*. Последняя статья датирована 2008 годом и посвящена дефициту IT-кадров в Германии *Solange das Personal nur Quartal für Quartal als*

Kostenfaktor gesehen wird und die Börsen eine ***Personalfreisetzung*** *mit steigenden Kursen honorieren, wird sich kein Ende des Fachkräftemangels abzeichnen (*До тех пор, пока персонал рассматривается как расходный фактор, а биржи поощряют сокращение персонала ростом котировок акций, нехватке квалифицированных кадров не будет видно конца) (manager magazin). Лексема *Freisetzung von Personal* представлена в двух статьях, которые были изданы в начале девяностых годов, а эвфемизм *Stellenfreisetzung* отсутствует *Zu allem ist sogar noch die* ***Freisetzung von Mitarbeitern*** *ein Teil des Personalmarketing* (Ко всему прочему, даже увольнение сотрудников является частью кадрового маркетинга) (manager magazin).

Необходимо упомянуть о разнице в значении двух слов, которые обозначают увольнение в немецком языке. Существительное *Entlassung* употребляется в том случае, когда увольнение оформляется работодателем и трудовые отношения прекращаются немедленно, при этом указывается причина увольнения. Если увольняется работник по своему собственному желанию или же по инициативе работодателя, то выбирается лексема *Kündigung*, которая и обозначает причины, по которым можно потерять рабочее место:

- проблемы внутри фирмы (*betriebsbedingte Kündigung*);
- индивидуальные проблемы работника (*personenbedingte Kündigung*);
- проблемы с поведением подчиненного (*verhaltensbedingte Kündigung*).

Лексические единицы, обозначающие причины увольнения сотрудника можно рассматривать как эвфемизированные номинации, так как определения *betriebsbedingt* (обусловленный нуждами предприятия), *personenbedingt* (обусловленный индивидуальными проблемами сотрудника), *verhaltensbedingt* (обусловленный поведением сотрудника) легитимируют отрицательно воспринимаемое в обществе явления, указывая на «уважительные» причины увольнения.

В нашей статье речь пойдет об увольнении по инициативе работодателя, поэтому в качестве прямых номинаций будут выступать обе лексемы *Entlassung* и *Kündigung*. Таким образом, прямыми номинациями, обозначающими увольнение сотрудников

работодателем без предварительного предупреждения, являются такие лексемы, как:

- *Kündigung (увольнение по инициативе работодателя или работника)*
- *Entlassung (увольнение по инициативе работодателя)*
- *Stellenabbau (сокращение рабочих мест),*
- *Arbeitsplatzabbau (сокращение рабочих мест),*
- *Personalabbau (сокращение персонала),*
- *Stellenstreichungen (уничтожение рабочих мест).*

В электронном словаре DWDS глагол *«entlassen»* обозначает «увольнять персонал по инициативе работодателя» (DWDS). Словарная статья лексемы «*entlassen*» перечисляет следующие синонимы:

- *(jemanden) kündigen (увольнять кого-либо)*
- *nicht weiterbeschäftigen (букв. больше не предоставлять работу сотруднику)*
- *sich trennen (von)(букв. распрощаться с сотрудником)*
- *(jemandem) den Vertrag nicht verlängern (не продлять трудовой договор)*
- *freisetzen verhüllend (завуалированно) (освободить от работы)*
- *freistellen verhüllend (завуалированно) (освободить от занимаемой должности)*
- *(jemandem)den Stuhl vor die Tür setzen ugs., fig. (обиходно-разговорный) (выставить за дверь)*
- *(jemanden) loswerden ugs. (обиходно-разговорный) (избавиться от кого-либо)*
- *auf die Straße setzen ugs., fig. (обиходно-разговорный) (выставить на улицу)*
- *feuern ugs. (обиходно-разговорный) (вышвырнуть)*
- *rausschmeißen ugs., salopp (обиходно-разговорный, грубый) (вышвырнуть)*
- *rauswerfen ugs. (обиходно-разговорный) (вышвырнуть)*

Перечень синонимичных глаголов показал, что лексемы *freisetzen* и *freistellen* содержат помету «*verhüllend*», что свидетельствует о завуалированном значении лексем. Как в случае с эвфемизмом *Freisetzung* негативный денотат улучшается за счет

корневой морфемы *frei* (свобода), то есть переводятся эти лексемы как (высвобождать персонал, освободить с занимаемой должности). Ряд слов и словосочетаний из списка, обозначающих процесс увольнения персонала, характерен для обиходно-разговорной лексики, однако может активно употребляться в публицистике.

Упомянутые две вуалирующие лексемы представлены малым количеством примеров в корпусе DWDS, а также в архивах и текущих выпусках немецких печатных СМИ. Так, в немецком информационно-политическом еженедельном журнале Focus обнаружены только две статьи за 2024 и 2023 годы, где использована лексема *freisetzen* в значении высвобождать персонал. Первая статья посвящена проблеме сокращения персонала на крупных немецких предприятиях, таких как Siemens, Bosch, Deutsche Bahn, Deutsche Telekom. Последняя статья датирована 2008 годом и посвящена дефициту IT-кадров в Германии *Denn wenn Firmen Mitarbeiter **freisetzen**, senken sie ihre Kosten* (Потому что, когда фирмы увольняют сотрудников они снижают расходы) (Focus, 19.02.2024). В другой статье обсуждалось введение дорожного сбора и его влияние на сокращение персонала *Für mich als deutschen Spediteur, der aktuell 60 Leute in Deutschland beschäftigt, bleibt nur ein kurzes Zeitfenster bis zum Wochenende, ob ich bezüglich der Mauterhöhung mit sofortiger Stilllegung eines Teils meiner Flotte beginnen muss und **eine größere Anzahl meiner Mitarbeiter freisetzen** muss“* (Для меня, как немецкого экспедитора, остается совсем немного времени, чтобы решить, нужно ли мне немедленно выводить из эксплуатации часть своего автопарка в связи с повышением дорожного сбора и освобождать большую часть моих сотрудников) (Focus, 24.10.2023).

Лексема *freistellen* в значении освободить от выполнения должностных обязанностей по инициативе работодателя представлена пятью примерами в журнале Focus за последние 10 лет. Так, в одной статье, датированной 2016 годом, сообщается об увольнении сотрудников немецкого мебельного гиганта XXXLutz и о борьбе профсоюзов против увольнения *Vergangene Woche hatte der Möbelgigant XXXL knapp 100 Angestellten ohne Vorankündigung **freigestellt**. Viele Angestellte bekamen nur ein Schreiben in die Hand: "Hiermit werden Sie ab dem 1. Februar 2016 bis auf weiteres widerruflich von der Verpflichtung der Arbeitsleistung **freigestellt**."* (На

прошлой неделе мебельный гигант XXXL уволил почти 100 сотрудников без предварительного уведомления. Многие получили на руки только одно письмо: "Настоящим вы освобождаетесь от обязательства выполнять свою работу с 1 февраля 2016 года до дальнейшего уведомления") (Focus, 09.02.2016).

Во второй статье *Borussia Dortmund feuert Trainer Nuri Sahin - Tullberg übernimmt gegen Bremen* (Дортмундская «Боруссия» выгоняет тренера Нури Шахина – Тулберг главный тренер в ближайшем матче с Бременским «Вердером») речь идет об увольнении тренера футбольного клуба. Примечательно, что в одной короткой статье встретилось четыре синонимичные лексемы, обозначающие увольнение. Так, в названии статьи употребляется глагол ***feuern*** (вышвырнуть, выгнать), характерный для обиходно-разговорного стиля. Далее использовано существительное *Trennung* (расставание), которое смягчает негативное значение лексемы разговорного стиля *feuern* (вышвырнуть) *Borussia Dortmund hat die* ***Trennung*** *von Trainer Nuri Sahin bestätigt und will zeitnah einen Nachfolger präsentieren* (Дортмунская Боруссия подтвердила расставание с тренером Нури Шахином и намерена представить скоро преемника). Журналисты выдвигают версии о том, когда было принято решение об увольнении тренера футбольной команды *Die Entscheidung für Sahins* ***Entlassung*** *soll in der Nacht gefallen sein* (Сообщается, что решение об увольнении Шахина было принято ночью). В этом предложении использовано существительное *Entlassung,* которое однозначно и указывает на увольнение по инициативе работодателя. Далее представители спортивного клуба сообщают, что после освобождения от выполнения обязанностей главного тренера было принято решение назначить временно главным тренером Майка Туллберга „*Nach der Freistellung von Cheftrainer Nuri Sahin hat Borussia Dortmund entschieden, dass Mike Tullberg übergangsweise am kommenden Samstag gegen den SV Werder Bremen auf der Trainerbank sitzen wird“, das gab der BVB nun bekannt* (Focus, 22.01.2025). В данном предложении использован словарный эвфемизм. Получается, что руководство спортивного клуба выбирает более мягкие и завуалированные лексические единицы для обозначения такого негативного социального явления, а именно *Trennung* расставание и *Freistellung* освобождение от выполнения обязанностей. Автор

статьи стремился привлечь внимание читателей к сообщению и выбрал лексему разговорного стиля *feuern* для заголовка статьи.

Таким образом, прямыми номинациями, обозначающими процесс увольнения сотрудников работодателем, и не имеющими стилистических помет являются такие лексемы, как:

- *(jemanden) kündigen (увольнять кого-либо)*
- *(jemanden) entlassen (увольнять кого-либо)*
- *nicht weiterbeschäftigen (букв. больше не предоставлять работу сотруднику)*
- *sich trennen (von)(букв. распрощаться с сотрудником)*
- *(jemandem) den Vertrag nicht verlängern (не продлять трудовой договор)*

Далее будут рассмотрены прямые и эвфемизированные лексемы, обозначающие увольнение, в немецких статьях о сокращении штатов на крупных предприятиях Германии, США и Китая.

Эвфемизированные и прямые номинации увольнения персонала на предприятиях США, Китая.

В статье «*General Motors* ***streicht*** *mehr als 1000* ***Software-Jobs***» (GM сокращает одну тысячу сотрудников подразделения по разработке ПО и сервисов) из немецкого бизнес-журнала manager magazin сообщается о сокращении сотрудников. Для заголовка статьи немецкий журналист выбрал прямую номинацию данного негативного явления *streichen* (вычеркивать), а для наименования рабочих мест использовал англоязычную лексему *Software-Jobs*, которая не смогла смягчить информацию о положении дел на предприятии. Существительное *Job* в словаре DWDS маркировано стилистической пометой *umgangsprachlich*, то есть является обиходно-разговорным синонимом к немецким словам, обозначающим работу *Arbeit* (работа), *Arbeitsstelle* (место работы) (DWDS). Однако эта заимствованная лексема прочно закрепилась в немецком языке, о чем свидетельствует статистика на рисунке 3, показывающая, что с начала 80-х годов прошлого века и по настоящее время нарастает число словоупотреблений в немецкой публицистике. Можно утверждать, что лексема перешла из разговорной сферы в официальную терминологию, так как на сайте Федерального агенства занятости Германии места работы именуются *Jobs*, а поиск вакансий *Jobsuche* (Bundesagentur für Arbeit).

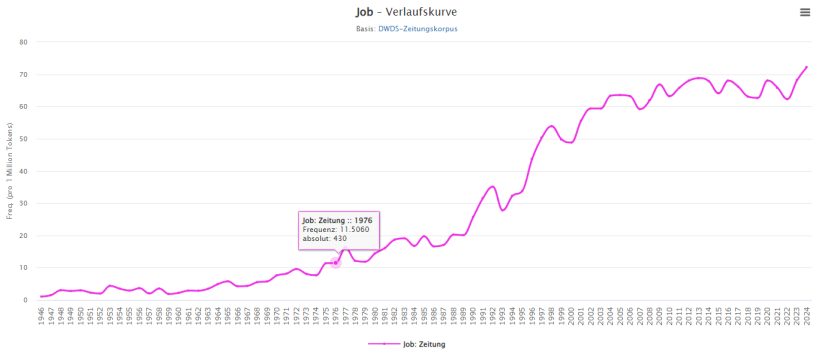

Рис 3. Статистические данные употребления «Job» в газетном корпусе DWDS

Статья начинается с сообщения об увольнении автоконцерном GM более 1000 сотрудников в США *Der US-Autobauer GM* ***entlässt*** *mehr als 1000 Mitarbeiter – vor allem in den USA* (manager magazin, 19.08.2024). В данном предложении использована прямая номинация процесса увольнения персонала *entlassen* (увольнять). Информируя читателей о том, что увольнения затронут около 600 работников технологического кампуса компании недалеко от Детройта, автор статьи применил ту же лексему *entlassen* (увольнять) *General Motors* ***entlässt*** *allein in seinem Technik-Campus in Detroit knapp 600 Beschäftigte* (manager magazin, 19.08.2024). Далее автор пишет о том, что американский автопроизводитель сокращает персонал по всему миру, выбирая при этом также прямую номинацию для обозначения сокращения рабочих мест *Stellen abbauen* (сократить рабочие места) *Der Autobauer* ***baut*** *weltweit* ***Stellen*** *in der Entwicklung von Software und digitalen Service-Angeboten* ***ab*** (Там же). Журналист привел слова представителей концерна GM, которые объяснили 1300 увольнений в декабре прошлого года стремлением сократить расходы *Erst im vergangenen Dezember hatte es außerdem schon einmal 1300* ***Entlassungen*** *gegeben* (Там же). Для номинации увольнений выбрано неэвфемизированное существительное *Entlassung* (увольнение). Ни одного эвфемизированного слова или словосочетания не было выявлено в рамках данной статьи.

Во второй статье «*TikTok ersetzt Hunderte Mitarbeiter durch KI*» (TikTok заменит сотни сотрудников искусственным интеллектом) из немецкого журнала manager magazin сообщается о сокращении сотрудников китайской частной холдинговой интернет-компании ByteDance, владеющей рядом популярных сервисов TikTok, Xigua и другими. В лиде статьи сообщается, что речь пойдет о сокращении сотен рабочих мест по всему миру в связи с более активным внедрением системы модерации контента на базе искусственного интеллекта *Die Tochter des chinesischen ByteDance-Konzerns **streicht** darum mehrere Hundert **Jobs***. Для информирования читателей о сокращении персонала автор выбирает неэвфемизированный вариант *Jobs streichen* (вычеркивать рабочие места) (manager magazin, 11.10.2024). В статье также используется прямое номинирование увольнения сотен сотрудников по всему миру *Die Kurzvideo-Plattform TikTok setzt bei der Moderation von Inhalten stärker auf künstliche Intelligenz und **entlässt** darum weltweit mehrere Hunderte Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter* (Там же). Автор, ссылаясь на лиц, обладающих конфиденциальной информацией, сообщает о том, что сотрудники были проинформированы об увольнениях по электронной почте *Die Angestellten seien am Mittwochabend per E-Mail über ihre **Entlassung** informiert worden*. Анонимные источники сообщили о сокращении 700 рабочих мест в Малайзии *Mehr als 700 Stellen **fallen** in Malaysia **weg**, wie zwei anonyme Quellen der Nachrichtenagentur Reuters berichteten* (Там же). В данном предложении использовался глагол *wegfallen* (упраздняться, отменяться), который также не эвфемизирует это негативное явление. Представители интернет-компании ByteDance подтвердили увольнения, однако уточнили, что было уволено не 700 сотрудников, а менее 500 *TikTok bestätigte **die Kündigungen**, betonte aber später, dass weniger als 500 Mitarbeiter **entlassen** wurden* (Там же). И существительное *Kündigungen*, и глагол *entlassen* не имеют эвфемистической окраски. Далее сообщается о том, что запланированы дальнейшие сокращения персонала ***Entlassungen*** в следующем месяце. Эвфемизация также отсутствует в рамках этого предложения *Das Tech-Unternehmen plant laut einer der Quellen weitere **Entlassungen** im nächsten Monat.* Прямым денотаттом именуются сокращения рабочих мест в Малайзии ***Stellenstreichungen***, которые, по словам представителей компании,

происходят в критический для страны момент, так как правительство страны регулярно оказывает давление на крупнейшие технологические компании *Die **Stellenstreichungen**, insbesondere in Malaysia, kommen zu einem brisanten Zeitpunkt. Die Regierung des Landes setzt globale Tech-Unternehmen dort regulatorisch stark unter Druck*. Завулированно о сокращении персонала заявил спикер китайского сервиса TikTok, чьи слова были приведены в статье в виде прямой речи. Именование увольнений было эвфемизировано и названо «этими мероприятиями» *Wir nehmen diese Maßnahmen im Rahmen unserer laufenden Bemühungen vor, unser globales Betriebsmodell für die Moderation von Inhalten weiter zu stärken* (Мы предпринимаем «эти действия» в рамках наших постоянных усилий по дальнейшему укреплению нашей глобальной операционной модели модерации контента).

В таблице ниже приведены все прямые и эвфемизированные номинации на тему увольнения из двух проанализированных статей.

Таблица 1.

Прямые и эвфемизированные номинации на тему «увольнение персонала» на предприятиях США и Китая

Прямые номинации по теме «увольнение персонала»	Эвфемизированные номинации по теме «увольнение персонала»
Entlassung (en) (3 примера) *увольнение* Kündigung (en) (1 пример) *увольнение* Stellenstreichung (en) (1 пример) *вычеркивание рабочих мест*	diese Maßnahmen (1 пример) *эти мероприятия*
entlassen (5 примеров) *увольнять* Jobs streichen (2 примера) *вычеркивать рабочие места* Jobs fallen weg (2 примера) *рабочие места упраздняются, ликвидируются*	

Stellen abbauen (1 пример) *сокращать рабочие места*	

Исследование показало, что наиболее частотной прямой номинацией оказалось существительное *Entlassung* и глагол *entlassen*, которые обозначают процесс увольнения по инициативе работодателя. О разрыве трудовых отношений сообщалось и при помощи словосочетаний *Jobs streichen* (ликвидировать рабочие места), *Jobs fallen weg* (рабочие места упраздняются). Таким образом, в статьях об увольнениях в иностранных компаниях была зафиксирована одна эвфемизированная лексема *Maßnahmen* (мероприятия, действия).

Эвфемизированные и прямые номинации увольнения персонала на предприятиях Германии.

В статье «*Audi plant Sozialplan für Werk Brüssel"* (Audi планирует закрыть завод в Брюсселе) речь идет о планах немецкого предприятия Audi сократить штат в Брюсселе (manager magazin, 01.10.2024). В названии статьи фиксируется завуалированное обозначение негативного денотата (увольнение). Вместо «увольнения сотрудников» *Entlassung* используется термин в кавычках *Sozialplan* «социальный план», то есть речь идет о плане, касающегося социальных вопросов после увольнений по инициативе работодателя (Duden, DWDS). Термин не маркирован пометой «*verhüllend*», однако, в данном предложении автором замалчивается факт увольнения рабочих на заводе в Брюсселе, а говорится о «социальном плане», который планируется в отношении уволенных сотрудников.

Не упоминается об увольнениях на заводе и в лиде статьи. Автор статьи кратко информирует читателей о том, что не нашлось инвестора, который бы гарантировал сохранение рабочих мест на длительный срок *... und bislang kein Investor, der die Beschäftigung am Standort nachhaltig sichert* (manager magazin, 01.10.2024). Далее сообщается, что профсоюзы ведут переговоры, как будет складываться ситуация с сотрудниками в дальнейшем, не употребляя и в этом предложении прямую номинацию *Entlassung* (увольнение) *Unternehmen und Gewerkschaften beraten jetzt, wie es für die 3.000 Mitarbeiter weitergeht* (Там же).

Журналист начинает статью с цитирования руководства компании о процессе согласования с профсоюзами социального плана для 3000 сотрудников *Audi verhandelt mit dem Betriebsrat des Werks in Brüssel und den Gewerkschaften seit Dienstag über einen Sozialplan für die 3.000 Mitarbeiter* (Там же). Компания, по словам представителя руководства, оказалась в трудном положении из-за энергетического кризиса и лишь одно «заинтересованное лицо» выразило желание разработать свою концепцию в отношении персонала в ближайшие несколько дней *Ein Interessent will* ***sein Personalkonzept*** *in den nächsten Tagen noch* ***überarbeiten***. Руководство Audi надеется, что это будет жизнеспособная и долговременная концепция в отношении персонала и местоположения фирмы *„ein tragfähiges und nachhaltiges Konzept für den Standort und die Beschäftigten“* (Там же). Audi также планирует прекратить выпуск дорогостоящей модели Q8, которая производилась в Брюсселе. Свое решение владельцы объяснили отсутствием спроса на премиальные электромобили.

Прямая номинация увольнения была представлена существительным *Entlassung* в предложении, которое сопровождает фото к статье *Mitarbeiter demonstrieren in Brüssel gegen die Schließung des bedrohten Audi-Werks und drohende Entlassungen* (сотрудники вышли на демонстрацию в Брюсселе против закрытия завода и угрозы увольнений).

Во второй статье «*Siemens will in Deutschland drei Standorte schließen*» (Siemens хочет закрыть три завода в Германии) повествуется о проблемах немецкого электроконцерна. В лиде статьи прямое наименование массового сокращения рабочих мест *Massiver Stellenabbau und Werksschließungen* позволяет понять, что речь пойдет о неприятных кадровых вопросах (Stern, 16.10.2017).

В начале статьи автор сообщает, что Siemens сократит примерно 6900 рабочих мест, или почти 2 процента своей глобальной рабочей силы из-за финансовых проблем в подразделении энергетики и газа *Der Elektrokonzern Siemens will wegen der Probleme in der Kraftwerks- und in der Antriebssparte weltweit rund* ***6900 Jobs streichen****, davon etwa die Hälfte in Deutschland* (Stern, 16.10.2017). Для обозначения непопулярной меры было выбрано неэвфемизированное словосочетание *Jobs streichen* (вычеркивать, ликвидировать рабочие места).

Далее автор приводит слова руководителей концерна, которые подчеркивают, что эти меры должны осуществляться с соблюдением всех социальных договоренностей *Die Maßnahmen sollten möglichst sozialverträglich umgesetzt werden* (Там же). Речь завулированно идет о социальном плане для уволенных сотрудников. Представители концерна дважды использовали в речи эвфемизм *Maßnahmen*, под которым «скрывается» тема увольнений *Die **jetzigen Maßnahmen** knüpfen an unsere Anstrengungen an, die wir bereits vor drei Jahren gestartet haben, um unser Geschäft an die sich verändernden Marktbedingungen anzupassen* (Меры в этом году мы связываем с нашими усилиями, которые мы уже принимали три года тому назад, чтобы адаптировать наш концерн к новым рыночным условиям) (Там же). В данном предложении представлены эвфемизмы *die jetzigen Maßnahmen* (актуальные меры) вместо *Entlassungen* (увольнения) и *unser Geschäft an die sich verändernden Marktbedingungen anpassen* (приспособить к новым рыночным условиям) вместо *Standorte schließen* (закрыть заводы). Однако крупнейший профсоюз Германии IG Metall возмутился этими планами и объявил о проведении забастовки, именуя эти меры «широкомасштабной атакой на сторону трудящихся» "***breit angelegten Angriff auf die Arbeitnehmerseite***" (Там же). В высказывании лидера профсоюзов также отсутствует прямое наименование увольнений. Далее представители профсоюзов говорят о сокращениях, именуя их существительным *Stellenabbau* и словосочетанием *Stellen abbauen Ein **Stellenabbau** in dieser Größenordnung ist … völlig inakzeptabel* (сокращение рабочих мест в таком масштабе абсолютно недопустимо). *Siemens habe **Stellen abgebaut**, aber die strukturellen Probleme ignoriert* (Siemens сократил рабочие места, но проигнорировал структурные проблемы). Журналист рассказывает о проблемах в подразделениях энергетики и газа, которые пострадали от быстрого роста использования возобновляемых источников энергии и акцентирует внимание на том факте, что концерн уже уменьшал количество рабочих мест *In beiden Sparten hatte Konzernchef Joe Kaeser bereits **Jobs gekappt*** (Там же). Для сообщения о сокращении рабочих мест автор использовал глагол *kappen,* который обозначает «сокращать, отрезать, отделять» и не имеет стилистических помет в толковых словарях, а также существительное *Job,* которое является обиходно-разговорным

(Duden, DWDS). Данное словосочетание отсутствует в немецком корпусе DWDS, но представлено несколькими примерами в материалах журнала Focus. Так, в статье о экономических проблемах немецких предприятий встретилось упомянутое словосочетание *RHJ will 9.900 Jobs kappen* (Focus, 15.11.2013), а в статье, посвященной предприятиям, предоставляющим временную занятость, встретилось словосочетание ***Mitarbeiterzahl kappen*** *Das bedeutet bei einer Zeitarbeitsfirma vor allem: die Mitarbeiterzahl kappen* (Focus, 19.09.2013).

В конце статьи автор информирует читателя, что руководство Siemens не исключало увольнений, обусловленных внутренними проблемами фирмы до того, как публично объявить о планах по сокращению персонала. В данном предложении использована лексема *Kürzungspläne*, которая обозначает завуалированно намерения руководства концерна, а сами сокращения обусловлены проблемами предприятия, а не инициативой правления.

Таким образом, в статьях об увольнениях на немецких предприятиях были зафиксированы несколько эвфемизированных лексем, которые были выявлены по следующим признакам:

- обозначение отрицательных денотатов «*Entlassung, Kündigung* (увольнение)», «*entlassen, kündigen* (увольнять)»;
- нейтрализация и улучшение негативных денотатов при помощи номинаций «*sozialverträglich* (в соответствии с социальным договором)», «*Sozialplan* (социальный план)», «*Maßnahmen* (меры)», «*Abnehmerseite* (сторона трудящихся)», «*Personalkonzept überarbeiten* (выработать концепцию относительно занятости персонала)»; «*betriebsbedingt* (обусловленный положением на предприятии)»;
- формальный характер улучшения денотатов. Хотя журналисты перефразируют обозначение данного социально негативного явления, адресанту понятно, что подразумевается увольнение персонала.

В таблице ниже приведены все прямые и эвфемизированные номинации на тему увольнения из двух проанализированных статей.

Таблица 2.
Прямые и эвфемизированные номинации на тему «увольнение персонала» на предприятиях Германии

Прямые номинации по теме «увольнение персонала»	Эвфемизированные номинации по теме «увольнение персонала»
Entlassung (en) (1 пример) *увольнение* Stellenabbau (en) (1 пример) *ликвидация рабочих мест*	Die (jetzigen) Maßnahmen (2 примера) *эти (нынешние) мероприятия* betriebsbedingte Kündigung (en) (1 пример) *сокращение, обусловленное экономическими причинами* der Sozialplan (en) (2 примера) *социальный план* das Personalkonzept (1 пример) *концепция по персоналу* Angriff auf die Abnehmerseite (1 пример) *нападение на сторону трудящихся* die Kürzungspläne (1 пример) *планы сокращений*
Stellen abbauen (1 пример) *сокращать рабочие места* Jobs streichen (1 пример) *ликвидировать рабочие места* Jobs kappen (1 пример) *сокращать рабочие места*	Sozialplan planen (1 пример) *планировать социальный план* die Maßnahmen sozialverträglich umsetzen (1 пример) *применить данные меры в соответствии с социальным договором*

Приведённая таблица иллюстрирует значительное преобладание эвфемизированных выражений в статьях о сокращении персонала на немецких предприятиях (5 и 10 примеров соответственно). Предположительно, наличие эвфемистических единиц в текстах о данной социальной проблеме объясняется табуированием темы

сокращения персонала на крупных известных во всем мире предприятиях, так как этот факт связан со снижением доходов компаний. Выявленные эвфемистически окрашенные единицы *Sozialplan planen, die Maßnahmen sozialverträglich umsetzen*, характеризуются положительной коннотацией и служат для смягчения психологического дискомфорта работников, подлежащих сокращению, так как уволенные сотрудники получат денежную компенсацию в соответствии с «социальном планом». Материал показал, что представители руководства немецких компаний избегают многократного повторения лексем *Entlassung, Kündigung*, заменяя их широкозначными лексемами, например, *Maßnahmen* (меры), *Pläne* (планы), *Personalkonzept* и стремятся обосновать законность разрыва трудовых отношений, обозначая увольнения термином *betriebsbedingte Kündigung.*

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно сделать вывод, что увольнения на крупных и средних предприятиях активизируют появление новых и использование устоявшихся эвфемизированных слов и выражений, как инструмент языковой политики, которая должна формировать неконфликтный дискурс между работниками и работодателями.

Таким образом, анализ материала показал, что использование эвфемизмов объясняется стремлением авторов статей об увольнениях в Германии смягчить наименование этого негативного явления. В статьях об увольнениях на предприятиях в США и Китае был зафиксирован всего один эвфемизм, что может говорить об отсутствии мотивации вуалировать ликвидацию рабочих мест за пределами Германии.

При анализе исследуемых эвфемизированных лексем были выделены способы эвфемизации, которые представлены далее (табл. 3).

Таблица 3

Способы эвфемизации

Способы эвфемизации	Эвфемизированные слова и перифразы
Словосложение	der Sozial+plan *социальный план*

	das Personal+konzept *концепция по персоналу* die Kürzungs+pläne *планы сокращений*
Перифраза	betriebsbedingte Kündigung *сокращение, обусловленное экономическими причинами* Angriff auf die Abnehmerseite *нападение на сторону трудящихся* Sozialplan planen *планировать социальный план* die Maßnahmen sozialverträglich umsetzen *применить меры в соответствии с социальным договором*
Широкозначные слова	die (jetzigen) Maßnahmen *эти (нынешние) мероприятия*

Анализируемый материал показал, что примерно в равной степени использовались такие способы создания эвфемизмов, как словосложение и перифраза. Полученные в результате исследования данные показали, что причиной возникновения более благозвучных эвфемизированных номинаций является потребность журналистов и руководства крупных предприятий Германии находить каждый раз новые обоснования для сокращения сотрудников, именуя их «социальным планом», «концепцией персонала», «мероприятиями», «планами сокращений», «сокращениями по экономическим причинам».

В качестве перспективы дальнейшего исследования может быть предложено выявление эвфемизированных слов и выражений на политическую тематику на материале газетных текстов ведущих немецких онлайн-изданий.

Литература

1. Александрова О.В., Сибул В.В. Эвфемизмы в экономическом дискурсе и их потенциал в манипулировании мнением читателей: функциональный аспект // Вопросы прикладной

лингвистики. 2024. № 56. С. 7-34. https://doi.org/10.25076/vpl.56.01
2. Арапова Н.С. Эвфемизмы / Н.С Арапова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. 636 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2005. 521 с.
4. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2007. 320 с.
5. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. 1994. № 1, 2. С. 28—49.
6. Райкова Ю. А. Эвфемизированные заголовки статей в экономических новостях немецкой газеты «Die Tageszeitung» / Ю. А. Райкова, Э. Л. Шубина // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 190-211.
7. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 461 с.
8. Сидельникова Е. А. Коммуникативно-прагматическая и переводческая специфика эвфемизации и дисфемизации в газетно-публицистическом экономическом дискурсе: монография / Е. А. Сидельникова. Ставрополь: Издательство СКФУ, 2017. 176 с.
9. Солодилова И. А. Критерии идентификации эвфемизмов / И. А. Солодилова, Т. Ю. Соколова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 11 (211). С. 73—78.
10. Труфанова Н. О., Ражева Е. С. Репрезентация концепта «увольнение» в современном английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 53-60. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-4-53-60
11. Чепорухина М. Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней / М. Г. Чепорухина // Политическая лингвистика. 2021. № 1 (85). С. 95-102. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_08
12. Akopova A.S. English for academic purposes: Perspectives on the past, present and future (book review) // Training, Language and Culture. 2024. № 8(4). P. 109-111. doi: 10.22363/2521-442X-2024-8-4-109-111

13. Antipova A.S., Rabeson M.D., Smirnova O.V. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse // Training, Language and Culture. 2021. № 5(2). P. 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89
14. Duden [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.duden.de/ (дата обращения: 20.11.2024).
15. DWDS – Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dwds.de/ (дата обращения 25.11.2024).
16. Bundesagentur für Arbeit. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.arbeitsagentur.de/ (дата обращения 25.02.2025). https://www.arbeitsagentur.de/fuer-menschen-aus-dem-ausland/jobs-und-praktika-fin
17. Focus [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.focus.de/ (дата обращения 20.01.2025). https://www.focus.de/panorama/betriebsrat-fordert-zuschlag-fuer-magna-opel-uebernahme_id_1779328.html
18. Focus [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.focus.de/ (дата обращения 20.01.2025). https://www.focus.de/finanzen/karriere/perspektiven/zeitarbeit/die-ersten-job-opfer-krise_id_2865277.html
19. Focus [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.focus.de/ (дата обращения 20.01.2025). https://www.focus.de/sport/fussball/club-steckt-in-tiefer-krise-borussia-dortmund-feuert-trainer-nuri-sahin_id_260655945.html
20. Focus [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://www.focus.de/ (дата обращения 20.01.2025). https://www.focus.de/finanzen/news/arbeitsmarkt/knapp-100-menschen-entlassen-xxxlutz-moebelgigant-hintergeht-mitarbeiter_id_5271655.html
21. Götzinger C. Euphemismen in der politischen Sprache. Roßdorf: Technische Univerzität Darmstadt, 2013. 67 S.
22. Gribanova T.I., Gaidukova T.M. Hedging in different types of discourse // Training, Language and Culture. 2019. № 3(2). P. 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6
23. Grishechko E.G. Analysis of the potential of the Fusion Brain neural network as a tool for visualization of training materials // Proceedings of Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods

in Business and Professional Communication. RUDN University Press, 2024. Pp. 345-347). EDN: IFBISV
24. Khramchenko D.S. Irony in English business discourse (functional-synergetic approach). Tula State Pedagogical University, 2010. EDN: QETCET
25. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache / S. Luchtenberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1985.
26. Malyuga E.N., Maksimova D., Ivanova M. Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication // International Journal of English Linguistics. 2019. № 9(3). P. 310-318. doi: 10.5539/ijel.v9n3p310
27. Malyuga E.N., Popova K.V. Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising // Bulletin of Moscow State Region University. 2018. № 4. P. 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925
28. Manager magazin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://manager-magazin.de/ (дата обращения 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/autoindustrie/general-motors-us-autobauer-gm-streicht-mehr-als-1000-software-jobs-a-297258ef-83fd-41a4-bfa5-f2e1f08f06ad
29. Manager magazin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://manager-magazin.de/ (дата обращения 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/tech/tiktok-techkonzern-ersetzt-hunderte-mitarbeiter-durch-ki-a-dbf11955-ec46-498b-b789-c159d1bb108b
30. Manager magazin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://manaer-magazin.de/ (дата обращения 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/autoindustrie/audi-unsichere-zukunft-fuer-3-000-mitarbeiter-im-werk-bruessel-verhandlungen-ueber-sozialplan-laufen-a-06e8855f-bdbd-43bf-9ad7-ea22b556e4c0
31. O'Dowd R. Virtual Exchange and internationalising the classroom // Training, Language and Culture. 2017. № 1(4). P. 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

32. Reutner U. «Nous, lexicographes, nous avons donc toujours tort?» Traitement de l'euphémisme dans Le Petit Robert / U. Reutner // Cah. Lexicol. Vol. 103. 2013-2. P. 167-192.
33. Reutner U. Sprache und Tabu. Interpretationen zu französischen und italienischen Euphemismen. Niemeyer, Tübingen, 2009.
34. Schröder H. Sprachtabu und Euphemismen – Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel, in: A. Häcki Buhofer; H. Burger; L. Gautier (Hgg.), Phraseologiae Amor – FS für Gertrud Gréciano. Hohengehren 2001. S. 229-246.
35. Stern [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://stern.de/ (дата обращения 15.08.2024). https://www.stern.de/wirtschaft/news/siemens-baut-tausende-stellen-in-deutschland-ab-7701876.html
36. Tageszeitung [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://taz.de/ (дата обращения 15.08.2024). https://taz.de/Mindestlohn-wegen-der-Inflation-erhoehen/!5946426/

References

Akopova, A. S. (2024). English for academic purposes: Perspectives on the past, present and future (book review). *Training, Language and Culture, 8*(4), 109-111. doi: 10.22363/2521-442X-2024-8-4-109-111

Aleksandrova, O.V., & Sibul, V.V. (2024). Euphemisms in economic discourse and their potential in readers' opinion manipulation: functional aspect. *Issues of Applied Linguistics, 56*, 7-34. (in Russian)

Antipova, A. S., Rabeson, M. D., & Smirnova, O. V. (2021). Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse. *Training, Language and Culture, 5*(2), 73-89. doi: 10.22363/2521-442X-2021-5-2-73-89

Arapova, N.S. (1997). *Evfemizmy [Euphemisms]*. Russkij yazyk: Enciklopediya. (in Russian)

Akhmanova, O.S. (2005). *Slovar lingvisticheskix terminov [Glossary of Linguistic Terms]*. M.: KomKniga. (in Russian)

Gribanova, T. I., & Gaidukova, T. M. (2019). Hedging in different types of discourse. *Training, Language and Culture, 3*(2), 85-99. doi: 10.29366/2019tlc.3.2.6

Grishechko, E. G. (2024). Analysis of the potential of the Fusion Brain neural network as a tool for visualization of training materials. In *Proceedings of Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication* (pp. 345-347). RUDN University Press. EDN: IFBISV

Kovshova, M. (2007). *Semantika i pragmatika evfemizmov [Semantics and pragmatics of euphemisms]*. Moscow, 320 p. (in Russian)

Krysin, L. P. (1994). *Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in modern Russian speech]*. Rusistika, 1(2), 28-49. (in Russian)

O'Dowd, R. (2017). Virtual Exchange and internationalising the classroom. *Training, Language and Culture, 1*(4), 8-24. doi: 10.29366/2017tlc.1.4.1

Raikova, J.A., Shubina, E.L. (2023). Euphemistic Headlines in Economic News Articles of German Newspaper 'Die Tageszeitung'. *Nauchnyi dialog, 12*(6), 190-211. (In Russ.) https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-190-211

Senichkina, E.P. (2008). Slovar evfemizmov russkogo iazyka [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. M.: Flinta: Science. (in Russian)

Solodilova, I. A. (2017). Kriterii identifikacii evfemizmov [Criteria for identifying euphemisms]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 11*(211), 73-78. (in Russian)

Sidelnikova, E. A. (2017). *Kommunikativno-pragmaticheskaya i perevodcheskaya specifika evfemizacii i disfemizacii v gazetno-publicisticheskom ekonomicheskom diskurse: monografiya [Communicative-Pragmatic and Translation Specifics of Euphemization and Dysphemization in Newspaper and Journalistic Economic Discourse]*. Stavropol: Izdatelstvo SKFU. (in Russian)

Troufanova, N. O., & Razheva, E. S. (2020). Representation of the concept "dismissal" in the modern English language. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics, 4*, 53-60. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-4-53-60 (in Russian)

Cheporukhina, M. G. (2021). Euphemisms and Dysphemisms in Online Political News Articles and in Their Readers' Comments. *Political*

Linguistics, 1 (85), 95-102. DOI 10.12345/1999-2629_2021_01_08. (in Russian)

Duden [Electronic resource]. (n.d.). Retrieved from: https://www.duden.de/ (accessed 20.11.2024).

DWDS — Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. (n.d.) Retrieved from: https://www.dwds.de/ (accessed 25.11.2024).

Bundesagentur für Arbeit. [Electronic resource]. Retrieved from: https://www.arbeitsagentur.de/ (accessed 15.08.2024). https://www.arbeitsagentur.de/fuer-menschen-aus-dem-ausland/jobs-und-praktika-fin

Focus [Electronic resource]. Retrieved from:https://www.focus.de/ (accessed 20.01.2025). https://www.focus.de/panorama/betriebsrat-fordert-zuschlag-fuer-magna-opel-uebernahme_id_1779328.html

Focus [Electronic resource]. Retrieved from:https://www.focus.de/ (accessed 20.01.2025). https://www.focus.de/finanzen/karriere/perspektiven/zeitarbeit/die-ersten-job-opfer-krise_id_2865277.html

Focus [Electronic resource]. Retrieved from:https://www.focus.de/ (accessed 20.01.2025). https://www.focus.de/sport/fussball/club-steckt-in-tiefer-krise-borussia-dortmund-feuert-trainer-nuri-sahin_id_260655945.html

Focus [Electronic resource]. Retrieved from:https://www.focus.de/ (accessed 20.01.2025). https://www.focus.de/finanzen/news/arbeitsmarkt/knapp-100-menschen-entlassen-xxxlutz-moebelgigant-hintergeht-mitarbeiter_id_5271655.html

Khramchenko, D. S. (2010). *Irony in English business discourse (functional-synergetic approach).* Tula State Pedagogical University. EDN: QETCET

Malyuga, E. N., & Popova, K. V. (2018). Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising. *Bulletin of Moscow State Region University, 4,* 231-241. doi: 10.18384/2224-0209-2018-4-925

Malyuga, E. N., Maksimova, D., & Ivanova, M. (2019). Cognitive and discoursive features of speech etiquette in corporate communication. *International Journal of English Linguistics, 9*(3), 310-318. doi: 10.5539/ijel.v9n3p310

Manager magazin [Electronic resource]. Retrieved from: https://manager-magazin.de/ (accessed 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/autoindustrie/general-motors-us-autobauer-gm-streicht-mehr-als-1000-software-jobs-a-297258ef-83fd-41a4-bfa5-f2e1f08f06ad

Manager magazin [Electronic resource]. Retrieved from: https://manager-magazin.de/ (accessed 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/tech/tiktok-techkonzern-ersetzt-hunderte-mitarbeiter-durch-ki-a-dbf11955-ec46-498b-b789-c159d1bb108b

Manager magazin [Electronic resource]. Retrieved from: https://manager-magazin.de/ (accessed 27.11.2024). https://www.manager-magazin.de/unternehmen/autoindustrie/audi-unsichere-zukunft-fuer-3-000-mitarbeiter-im-werk-bruessel-verhandlungen-ueber-sozialplan-laufen-a-06e8855f-bdbd-43bf-9ad7-ea22b556e4c0

Stern [Electronic resource]. Retrieved from: https://stern.de/ (accessed 15.08.2024). https://www.stern.de/wirtschaft/news/siemens-baut-tausende-stellen-in-deutschland-ab-7701876.html

Tageszeitung [Electronic resource]. Retrieved from: https://taz.de/(accessed 15.08.2024). https://taz.de/Mindestlohn-wegen-der-Inflation-erhoehen/!5946426/

Götzinger, C. (2013). *Euphemismen in der politischen Sprache*. Roßdorf: Technische Universität Darmstadt.

Luchtenberg, S. (1985). *Euphemismen im heutigen Deutsch: Mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Reutner, U. (2013). «Nous, lexicographes, nous avons donc toujours tort?» Traitement de l'euphémisme dans Le Petit Robert. *Cahiers de Lexicologie, 103*(2), 167–192.

Reutner, U. (2009). Sprache und Tabu: *Interpretationen zu französischen und italienischen Euphemismen.* Tübingen: Niemeyer.

Schröder, H. (2001). Sprachtabu und Euphemismen – Sprachwissenschaftliche Anmerkungen zu Stefan Schorchs „Euphemismen in der hebräischen Bibel". In *A. Häcki Buhofer, H.*

Burger, & L. Gautier (Eds.), Phraseologiae Amor – FS für Gertrud Gréciano (pp. 229–246). Hohengehren: Schneider Verlag.

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.57.05
Е.В. Ковш[5]
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
Е.П. Савченко
Российский новый университет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЧЕСКОГО ФОНДА АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу языковой репрезентации концептуальной бинарной оппозиции «свой-чужой» в английской и русской лингвокультурах. Исследование осуществлено на материале пословиц и поговорок, для отбора которых применялся метод сплошной выборки из лексикографических источников паремического фонда исследуемых языков.

Проблема исследования заключается в выявлении развития оппозиции «свой – чужой» в национальной лингвокультуре, особенностях языковой реализации изучаемого явления и его закреплении в сокровищнице любого национально языка – паремическом фонде, отражающем культурную универсальность и национальную специфичность.

Цель исследования состоит в выявлении и описании национально-культурных составляющих, ключевых доминант

[5] © **Ковш Е.В., Савченко Е.П.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

бинарной оппозиции «свой-чужой» в английской и русской лингвокультурах.

Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения оппозиции «свой – чужой» в условиях нарастания тенденции глобализации, интеграции и мультикультурализма, и появившемуся в противовес им явлению антиглобализма.

В результате работы была определена роль концептов в репрезентации национальной лингвокультуры, а также ключевые домены концепта «свой – чужой»: родина, чужбина, дом, друг, враг, близкий, далекий и др. Авторы приходят к выводу, что исследуемый концепт является амбивалентным, то есть отражает разные грани и градации межкультурных и межъязыковых отношений, характеризуя и разграничивая культурное и инокультурное, отвечая на вопрос, где «свой» и где «чужой».

Теоретическая и практическая значимость исследования заключаются в расширении и дополнении лингвокультурных исследований базовых концептов национальных культур, вносит вклад в изучение бинарной оппозиции «свой – чужой», что может способствовать пониманию инокультурного менталитета, а также успешной реализации межкультурного диалога.

Ключевые слова: язык, культура, бинарная оппозиция, концепт «свой-чужой», языковая репрезентация, паремии

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.57.05

E.V. Kovsh
Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)
E.P. Savchenko
Russian New University

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “OWN-STRANGER” (ON THE MATERIAL OF THE PAREMIC FUND OF THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)

We conduct the comparative analysis of the linguistic representation of the conceptual binary opposition "own-stranger" in English and Russian linguocultures. The research is carried out on the material of proverbs and sayings. Method of continuous sampling from lexicographic sources of the paremic fund of the languages under study was used.

The problem of the research is to reveal the development of the opposition "own-stranger" in the national linguoculture, the peculiarities of the linguistic realization of the studied phenomenon and its fixation in the treasury of any national language - the paremic fund, reflecting cultural universality and national specificity.

The aim of the study is to identify and describe the national-cultural components, key dominants of the binary opposition "own-stranger" in English and Russian linguocultures.

The relevance of the study is determined by the need for further study of the opposition "own-stranger" in the conditions of the growing trend of globalization, integration and multiculturalism and the phenomenon of antiglobalism that appeared to oppose them.

As a result the role of concepts in the representation of national linguoculture was determined, as well as the key domains of the concept "own-stranger": motherland, foreign land, home, friend, enemy, close, distant, etc. The role of concepts in the representation of the national linguoculture was determined. We come to the conclusion that the studied concept is ambivalent, i.e. it reflects different facets and gradations of intercultural and interlingual relations, characterizing and differentiating between cultural and foreign cultural, answering the question where is "own" and where is "stranger".

Theoretical and practical significance of the study lies in the expansion and addition of linguocultural research of basic concepts of national cultures, contributes to the study of the binary opposition "own-stranger", which can contribute to the understanding of foreign mentality, the successful conduct of intercultural dialogue.

Kewwords: language, culture, binary opposition, concept "own-stranger", linguistic representation, paroemias (proverbs)

Введение

Лингвоцентрическая парадигма языковых исследований, актуализированная отечественными и зарубежными

исследователями в начале XX века, сменилась парадигмой антропоцентрической, в центре интересов которых человек как языковая личность, его сознание, поведение, интеллект.

Одной из наиболее значимых проблем, исследуемые к рамках антороцентризма – проблема концептуализации и категоризации действительности человеком, языковое отражение и закрепление этих процессов языке, участие языковых структур в их реализации. Исследования способов языковой категоризации смыслообразующих объектов, явлений, процессов окружающей действительности, влечет за собой изучение вопросов о степени единства, сходств и различий в понимании мироустройства, позволяет понять интегрирующие и дифференцирующие «узлы», проявляющиеся в момент контакта двух национальных культур. Опыт мировой истории и культуры ярко демонстрирует вечное противостояние культурных оппозиций «свой – чужой»: война, борьба, завоевания, миссионерство, миграция и прочее. Культурная оппозиция «свой – чужой» носит не просто универсальный, но вневременной характер, пронизывая все сферы человеческого бытия (Маслова, 2007). Несмотря на процессы глобализации, которые «стирают геополитические границы, упраздняют и нивелируют национальные культуры, превозносят универсальность человеческого бытия без опоры на национально-культурный опыт» (Беляева, 2021, с. 57), в обществе наблюдается обострение проблемы самоопределения человека, личности, поиска себя, своих корней и основ. Обозначение границ «своего» происходит через выстраивание границ «чужого», проявляя, очерчивая исконно «свое» на фоне или контрасте с «чужим», то есть «иным». В этой связи можно говорить об идентифицирующей функции исследуемой оппозиции. Именно в условиях нарастающей, «довлеющей над многими национальными культурами глобализации» (Авдеева и др., 2024, с. 367) и появившегося в противовес ей явлении антиглобализма оппозиция «свой – чужой» приобретает истинную ценность.

Актуальность исследования определяется не просто расширением, но интенсификацией межкультурного взаимодействия, обмена межъязыковым, межкультурным опытом, и необходимость исследовать базовые, ключевые национально-

культурные концепты, к которым и относится концепт «свой – чужой».

Целью исследования является комплексное сравнительно-сопоставительное исследование, направленное на изучение особенностей структуры и содержания базовых лингвокультурных концептов «свой – чужой» на материале русского и английского языков.

Научная новизна. В проводимом исследовании плоскость изучаемого концепта «свой – чужой» лежит в междисциплинарной области языка и культуры, где язык рассматривается, с одной стороны, как феномен культуры, с другой, как способ формирования культурных знаний, значений в рамках конкретной национальной лингвокультуры.

Теоретически значимым является расширение сведений о национально-культурной и языковой специфике универсальных концептов любой национальной лингвокультуры «свой – чужой», их детерминированности кодами языка и культуры, включенности в память народа (паремические фонды языка).

Практическая ценность обусловлена возможностью использования предложенного в работе алгоритма анализа базовых единиц лингвокультуры и изучения культурных смыслов пословиц и поговорок.

Материалы и методы

Методологической основой исследования послужил комплексный междисциплинарный подход, который включает лингвокультурологический и лингвокогнитивный аспекты. Основными *методами исследования* послужили общенаучные (наблюдение, анализ, синтез, сравнение, обобщение) и специальные методы: лингвокультурный и линвокогнитивный анализ изучаемых явлений. Особо следует выделить метод научного описания, в рамках которого использовался контекстный анализ, направленный на выявление языковых единиц и структур, реализующих внутреннюю семантику «свой – чужой»; прием оппозиционного анализа, применяемый для изучения языковых явлений, составляющих бинарное противопоставление. Метод концептуального анализа способствовал выявлению и описанию структур человеческого сознания, которые определяют существование и функционирование исследуемой оппозиции

«свой – чужой» как лингвоментального, когнитивного механизма и особенности ее языковой реализации в английском и русском языках. Субъективность восприятия «свой – чужой», а порой и неприкрытая враждебность, отторжение всего инокультурного обусловили обращение к сокровищнице национально-культурной мудрости – лексикографическим источникам, «содержащим вербализованную мудрость народа – пословицы и поговорки» (Бхатти, 2019, с.134). Отбор практического лингвистического материала проводился путем сплошной выборки, что позволило обеспечить достаточный охват и непредвзятость полученных данных.

Для изучения оппозиции «свой – чужой» и выявления сходств и/или отличий на языковом уровне реализации изучаемого концепта в русском и английском языках, мы определили ряд ведущих концептуальных доменов (свое рода признаков), посредством которых реализуется оппозиция «свой – чужой». Закрепление выявленных доменов в национально-культурном сознании говорит об их значимости и важности для изучаемых национальным культур. В каждом концептуальном домене был произведен отбор пословиц и поговорок на материале обоих языков, выявлены основные точки соприкосновения/ сближения и расхождения/ дистанцирования. Авторами было сделано предположение, что именно эти оппозиции, являясь своего рода культурными узлами, и ложатся в основу национального характера и менталитета, служат эталоном в процессе категоризации объектов и явлений действительности, а языковая реализация оппозиции «свой – чужой» находит свое закрепление во многих фольклорных текстах, включая пословицы и поговорки.

Сам факт, что пословицы и поговорки являются хранителями ценностной национально-культурной информации, неоспорим, и может изучаться в различных аспектах:

1) этический аспект: в паремиях зачастую содержатся нравственно-дидактические уроки, примеры и принципы «правильного» поведения («что такое и хорошо и что такое плохо» для каждой лингвокультуры), рационально-прагматические взгляды на культурные факты и явления;

2) социокультурный аспект: пословицы и поговорки отражают наряду с универсально-культурными еще и социально-культурные

ценности, позволяя провести оппозиции (запад – восток, светское и религиозное общество, свой – чужой);

3) психолого-регулятивный аспект: в паремиях содержится значимая национально-культурная информация, призванная формировать наряду с культурными компонентами эмотивные (вдохновлять на действия и поступки, вызывать гордость, сострадание, восхищение и проч.);

4) образовательно-созидательный аспект: посредством паремий происходит передача знаний от поколения к поколению, от старшего к младшему, они являются своего рода готовым уроком, ответом на вопрос, что и как делать.

Результаты и обсуждение

На протяжении всего существования человечества всегда присутствовало разделение на «своих» и «чужих». Бинарность семантической оппозиции «свое – чужое» формируется на основании двух типов дискурсов: социального и личностного. Также значение имеет индивидуализированная или социальная позиция говорящего, который, как участник коммуникации, определяет смысл и направленность сообщения. Существующие литературоведческие, философские, лингвистические, лингвокогнитивные исследования в большинстве случаев принимают за основу общекультурологическое понимание оппозиции «свой – чужой» и концентрируют свое внимание на способах проявления данной оппозиции в различных знаковых системах культуры, к которым относится и языковая система. Тема «свое» и «чужое» часто находит свое отражение в пословицах и поговорках (Вековищева, 2017), которые представляют собой сокровищницу национально-культурной мудрости, опыта, способом хранения и передачи особо ценной информации от поколения к поколению. Именно в пословицах и поговорках заложена оценка таких понятий, как личное и общее, принадлежность и внешнее. В некоторых паремиях заложена идея, что для каждого свое собственное ценно, а чужое, напротив, не всегда принимается или вовсе может отклоняться обществом. Присутствует также моральная сторона данных понятий, которая выделяет необходимость уважать чужое как собственное, при этом, не присваивая его. Соответственно, «язык фиксирует свойство человеческой психики, которое заключается в способности

противопоставлять “я” и “не я”» (Пугина Е.Ю., 2018, с.170). В оппозицию «мвой – чужой» входят разнообразные компоненты, включая элементы духовного мира, материальные предметы, даже человек как социальный феномен или его отдельные функции (мать, отец, друг, враг и др.). Категоризация этих явлений и объектов в рамках изучаемой оппозиции строится на наличии/отсутствии определенных отличительных признаков. Эти признаки и можно проследить, анализируя паремиологический ряд английского и русского языков. В русском паремиологическом пространстве существует множество примеров, отражающих концепцию «свое – значит ближе и лучше» (Жирова, 2022). (Таблица 1.)

Таблица 1. Концептуальный домен «родной – далекий»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
Своя рубашка ближе к телу;	Near is my shirt, but nearer is my skin *Близка рубашка, да кожа ближе*
Своя рука – владыка;	It's your property and your fire *Твоя собственность, твой и камин.*
Свои сухари лучше чужих пирогов;	Соответствие не найдено
Чужое и хорошее постыло, а свое и худое, да мило;	Соответствие не найдено
Чужой хлеб горек;	Another's bread costs dear *Чужой хлеб дороже стоит*
Плоха та птица, которая не любит свое гнездо;	Every bird likes its own nest *Каждая птица любит свое гнездо*
Чужого не жалко;	Соответствие не найдено
Из чужого кармана платить легко;	Соответствие не найдено

Несмотря на наличие большого количества паремий, где ценность «свое» занимает позицию того, что более близко, понятно и во всех отношениях лучше (какое бы оно ни было), чем «чужое», существует и совершенно противоположная концепция. В данном случае «чужое» является чем-то ценным, желанным и выступает в качестве объекта сравнения и своеобразного искушения, поэтому может вызывать зависть. Также в некоторых паремиях отражается идея более уважительного отношения к чужому, нежели к своему. Также не стоит забывать о популярном отношении к чужим проблемам, которые характеризуются как что-то более легкое и несерьезное по отношению к своим собственным трудностям (Таблица 2.).

Таблица 2. Концептуальный домен «свой – чужой»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
Из-за своего добра сквозь пальцы смотри, а чужое придерживай;	Соответствие не найдено
Чужая беда за сахар; Чужой и хлеб слаще калача, Чужое горюшко легче перышка; Чужой ломоть лаком;	Kindness in another's trouble *Доброта в чужой беде* The smoke of a man`s own house is better than the fire of another`s. *Дым в своем доме лучше огня в чужом.*
Любил дед чужой обед;	Соответствие не найдено
Чужой хлеб слаще калача.	Соответствие не найдено
Береги чужое, а свое – как знаешь;	Соответствие не найдено
Чужое горе оханьем пройдет, Чужое горе не болит;	He jests at scars that never felt a wound *Тот, кто шутит, над шрамами, сам никогда не чувствовал ран*

На чужом коне сидеть легко;	Соответствие не найдено
Чужую беду руками разведу;	It is easy to bear the misfortunes of others *Легко переносить чужие несчастья*
У соседа трава всегда зеленее;	The grass is always greener on the other side *Трава всегда зеленее на другой стороне*
Соответствие не найдено	Good fences make good neighbours *Хорошие заборы — хорошие соседи*
Каждый льет воду на свою мельницу;	Everyone (every miller) draws water to his own mill. *Каждый(каждый мельник) на свою мельницу воду льет.*
Что одному хорошо, то другому смерть;	One man's breath's another man's death. *Что одному жизнь, то другому смерть.*
Соответствие не найдено	Better keep under an old hedge, than creep under a new furze-bush. *Лучше остаться под старой изгородью, чем ползать под новым кустом дрока.*
Соответствие не найдено	One man may better steal a horse than another look over the hedge. *Одному человеку проще лошадь украсть, чем другому за изгородь заглянуть.*
Свой свояка видит издалека; Рыбак рыбака видит издалека;	A thief knows a thief as a wolf knows a wolf;

	Вор узнает вора, как волк узнает волка; Birds of a feather flock together; *Птицы одного оперенья держатся вместе*.

Ценность «свое – чужое» также может использоваться в контексте того, что нужно заботиться о себе и своих интересах, «не вмешиваться в дела и заботы других людей, а также не присваивать себе чужое» (Филиппова, 2018, с. 875).

Здесь паремиология содержит запрет на чужое. Такой взгляд на данную концепцию помогает уважать «личные границы других и отстаивать собственную неприкосновенность, а также быть более сознательным и внимательным в отношении других людей» (Филиппова, 2018, с. 876).

В рамках ценности «свое – чужое» рассматривается также концепт «друг – враг», где «друг» соотносится с понятием «свое», а враг с понятием «чужое». Настоящий друг воспринимается как «свой» человек, на которого можно положиться, которому можно доверять и который не пойдет на предательство. Враг же, напротив, «чужой» человек, в котором ты не можешь быть уверен, которого опасаешься, и с которым происходят недопонимания из-за ценностных несоответствий. В некоторых ситуациях объединения «своих» людей могут происходить по причине наличия общего врага (Таблица 3).

Таблица 3. Концептуальный домен «друг – враг»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
Друг познается в беде, (а враг – в радости);	A friend in need is a friend indeed; *Друг в нужде- настоящий друг* Friend is best found in adversity; *Друга в напасти лучше найти;*

Враг моего врага – мой друг;	The enemy of my enemy is my friend; *Враг моего врага – мой друг*
Собаки из разных дворов грызутся, но при виде волка объединяются;	Соответствие не найдено
Лучше вода у друга, чем мед у врага; Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду в глаза скажет;	The best mirror is an old friend. *Лучшее зеркало — старый друг.*
Доверить стадо волку – не видать толку;	Соответствие не найдено
Не опирайся на лед и не доверяйся неприятелю;	Соответствие не найдено
Приятелей много, да друга нет. И много друзей, да нет дружка;	A friend to all is a friend to none; *Друг для всех — ни для кого не друг.*
Соответствие не найдено	Life without a friend is a death with a witness; *Жизнь без друга — это смерть при свидетеле*
Сам пропадай, а товарища выручай; Друга иметь, себя не жалеть;	A true friend should be, like a privy, open in necessity; *Настоящий друг должен быть, как уборная, открыт в нужде;* When a friend asks there is no tomorrow; *Когда друг просит, не откладывай на завтра.*
Не имей сто рублей, а имей сто друзей;	Faithful friend is better than go ld; *Верный друг лучше золота;*

Друг спорит, а недруг поддакив ает;	All are not friends that speak u s fair; *Не все те друзья, кто говорит с нами вежливо;*
Новых друзей наживай, а стар ых не теряй;	Don't trade in old friends for new; *Не меняйте старых друзей на новых;*
Хмурое лицо друга лучше, чем улыбка врага;	A friend's frown is better than a foe's smile; *Лучше хмурый взгляд друга, чем улыбка врага*
Кто любит твоих врагов, тот не любит тебя;	Соответствие не найдено
Взаимное доверие – основа дружбы;	He is a good friend that speaks well of us behind our backs; *Тот хороший друг, кто говорит о нас хорошо за нашей спиной.*
Не доверяй лисе кур считать;	Соответствие не найдено
Доверили козлу капусту;	Соответствие не найдено
Друг до поры - тот же недруг;	False friends are worse than bitter (open) enemies; *Ложные друзья хуже злейших (открытых) врагов;*
Соответствие не найдено	When I lent I had a friend, when I asked he was unkind; *Когда я давал в долг, у меня был друг, а когда я просил, он был недобр;*

Избави меня, боже, от друзей, а с врагами я сам справлюсь;	May God defend me from my friends; I can defend myself from my enemies; *Да защитит меня Бог от друзей моих; себя от врагов моих я и сам могу защитить;*
С соседом дружи, а забор городи;	A hedge between keeps friendship green; *Живая изгородь и дружбу сохраняет зеленой*;
Одолжишь деньги, потеряешь друга;	Lend your money and lose a friend; *Одолжишь свои деньги, потеряешь друга;*
Соответствие не найдено	Friends are thieves of time; *Друзья — воры времени;*
Соответствие не найдено	Success has many friends; У успеха много друзей;
Соответствие не найдено	Take heed of enemies reconciled, and of meat twice boiled; *Берегитесь примирившихся с тобой врагов и дважды сваренного мяса;*
Соответствие не найдено	To have no enemies is equivalent to wealth; *Отсутствие врагов равносильно богатству;*
Соответствие не найдено	Books and friends should be few but good; *Книг и друзей должно быть немного, но они должны быть хорошими.*

Соответствие не найдено	The best of friends must part; *И лучшие друзья должны расставаться;*
Соответствие не найдено	If you have no enemies it is a sign fortune has forgotten you; Если у вас нет врагов, это признак того, что судьба забыла о вас;
Соответствие не найдено	In time of prosperity friends will be plenty, in time of adversity not one amongst twenty; *Во времена благополучия друзей будет много, во времена невзгод — не будет и одного из двадцати;*
Соответствие не найдено	We make more enemies by what we say than friends by what we do; *Мы наживаем больше врагов своими словами, чем друзей своими делами;*
Не тот друг, кто на пиру гуляет, а тот, кто в беде помогает;	Friends are made in wine and proved in tears; *Друзья появляются на пирах и доказываются в слезах;*
Всем угодлив, так никому не пригодлив;	Friend to everybody is a friend to nobody; *Друг всем — не друг никому;*
В радости сыщут, в горе забудут;	When good cheer is lacking, our friends will be packing; *Когда не хватает хорошего настроения, наши друзья начинают паковать вещи;*
Человек без друзей – что дерево без корней;	Соответствие не найдено

В рамках архетипического противопоставления «свое – чужое» рассматривается также концепт «сходства – различия». Все, что мы можем отнести к понятию «свое», базируется на наличии определенных сходств. Внешние признаки представителей одной группы, общие традиции, общий уклад жизни, один язык, одна религия – это то, что объединяет в себе концепт «сходства». Соответственно, любые отличия воспринимаются людьми с позиции «чужого», поскольку все то, что похоже на нас, безусловно, понятнее и ближе, чем то, что содержит отличия от привычных для нас вещей. Данное противопоставление прослеживается в паремиях русского языка (Сахарова, 2022).

Ценность «свое-чужое» также можно рассматривать с позиции одного из самых ценных понятий русской паремиологической культуры – «семья». В данном случае родственные связи отражают ценность «свое», потому что представляют собой кровное родство, где члены семьи могу доверять друг другу. Семья ассоциируется с любовью, поддержкой, единством и гармонией, где все в большей степени похожи между собой. Остальные люди, которые не обладают напрямую родственными связями, соотносятся с понятием «чужое». Такой взгляд на ценность «свое – чужое» прослеживается в пословицах и поговорках (Таблица 4).

Таблица 4. Концептуальный домен «семья/родня»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
В родной семье и каша гуще;	Соответствие не найдено
Своя родня по сапогам видна;	Соответствие не найдено
Брат за брата, сват за свата;	Соответствие не найдено
Родная кровь – не водица;	Blood is thicker than water; *Кровь гуще воды;*
Брат с братом на медведя ходят;	Соответствие не найдено
Семья – надежный край;	Соответствие не найдено
Маленькие детки маленькие	Children are certain cares, but uncertain comforts;

бедки**,** а вырастут велики **-** б удут большие;	*Дети — это определенные заботы, но неопределенное утешение;*
В семье любовь да совет, так и нужды нет.	Соответствие не найдено
Где семья дружна, не страшна беда.	Соответствие не найдено
В семье разлад, так и дому не рад.	Соответствие не найдено
Зачем и клад, коли в семье лад.	Соответствие не найдено
Добрая семья прибавит ума.	Соответствие не найдено
Семья сильна, когда над ней крыша одна.	Соответствие не найдено
Семья воюет, а каждый горюет.	Соответствие не найдено
Вся семья своя, да всяк любит себя.	Соответствие не найдено
Семью разорить — счастливому не быть.	Соответствие не найдено
Когда семья вместе, и сердце на месте.	Соответствие не найдено
Соответствие не найдено	My son is my son till he gets him a wife, but my daughter's my daughter all the days of her life; *Мой сын — мой сын, пока не женится, а моя дочь — моя дочь во все дни жизни ее;*
Братская любовь пуще каменных стен;	Соответствие не найдено
Где свои собаки грызутся, чужая не приставай;	Соответствие не найдено

Дерись, бранись, а за своего держись;	Соответствие не найдено
Каков брат, такова и сестра; Каково дерево, таков и клин, ка ков батька, таков и сын, Каков отец, таков и молодец;	Cut from the same cloth, *Сделаны из того же материала,* Like father, like son / like mother, like daughter, *Каков отец, таков и сын / Какова мать, такова и дочь,* A chip off the old block; *Пошел в родителя*
И от доброго отца родится б ешеная овца;	Many a good father has a ba d son; *У многих хороших отцов есть плохие сыновья;*
Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки, Каков корень, таков и плод, Каково семя, таково и племя;	As mother and father, so is daughter and son; *Каковы мать и отец, таковы и дочь и сын;*
Бык да теля (кобыла, жеребя) – одна родня;	Соответствие не найдено
Яйца от курицы недалеко падают; яблоко от яблони недалеко падает;	Such as the tree is, such is the fruit, *Каково дерево, таковы и плоды,* The apple doesn't fall far from the tree; *Яблоко от яблони недалеко падает*
Соответствие не найдено	Many kinsfolk, few friends; *Много родни, да мало друзей;*
Соответствие не найдено	The brother had rather see the sister rich than make her so; *Брат предпочел бы видеть сестру богатой, чем сделать ее таковой;*

Соответствие не найдено	The family that prays together stays together; *Семья, которая молится вместе, остается вместе;*
В каждой избушке свои погремушки;	Every family has a skeleton in the cupboard; *У каждой семьи есть свой скелет в шкафу;*
Соответствие не найдено	Every family has a goodness of mercy; *В каждой семье есть добродетель милосердия.*
В семье не без урода;	Every family has at least one black sheep; *В каждой семье есть хотя бы одна паршивая овца;*
Соответствие не найдено	He that has no fools, knaves, or beggars in his family was begot by a flash of lightning; *Тот, в семье которого нет ни дураков, ни мошенников, ни нищих, был зачат вспышкой молнии*;
Соответствие не найдено	First a daughter, then a son, and the family's well begun; *Сначала родилась дочь, потом сын, и семья начала процветать;*
Соответствие не найдено	As the baker so the buns**,** as the father so the so ns; *Каков пекарь, таковы и булочки, каков отец, таковы и сыновья;*
В семье не без урода;	It is a strange wood that nev er has a withered bough in it;

	Это странный лес, в котором никогда не бывает засохших ветвей;
Каков плод, таков и приплод, Орел орла плодит, а сова сову р одит, От бобра - бобренок, от свин ьи - поросенок, От яблони ябло ко родится, от ели - шишка;	Like begets (breeds) like; *Подобное порождает подобное;*

Концепт «свое – чужое» соотносится с понятием «дом». То, что мы считаем домом – неизменно соответствует понятию «свое», так как это самое родное и близкое место, где человек чувствует себя по-настоящему комфортно. Дом – это символ уюта, семьи, тепла и защиты. В русских паремиях «дом» упоминается как место, где можно «ощутить себя в безопасности и комфорте» (Федотов, 1991, с. 246). Имеют место и паремии, которые описывают непостоянство и неустойчивость жизни без крыши над головой (Таблица 5).

Таблица 5. Концептуальный домен «мой дом»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
Лучше дома своего нет на свете ничего, своя земля и в горсти мила;	Home is home though it be never homely; *Дом есть дом, хотя он никогда не бывает уютным;*
В гостях хорошо, а дома лучше;	East or West home is best; *Восток или запад, а дом то лучше*
В родном углу все по нутру;	Home is where the heart is; *Дом там, где сердце;*
Дома и стены помогают;	When you are at home even the walls help your; *Когда вы дома, даже стены помогают вам;*

	Dry bread at home is better than roast meat abroad, *Сухой хлеб дома лучше жареного мяса за границей,*
Родной куст и зайцу дорог;	Соответствие не найдено
Всяк кулик на своем болоте велик;	Every dog is a lion at home; Каждая собака дома — лев;
Мой дом – моя крепость;	My home is my castle; *Мой дом – моя крепость;*
Все дороги ведут к дому;	Соответствие не найдено
Домой и кони веселей бегут; Всякому мила своя сторона;	The wider we roam, the welcomer home; *Чем дальше мы странствуем, тем гостеприимнее дом.*
Хорошо тому, кто в своем дому;	There is no place like home; *Нет места лучше дома;*
Дома все споро, а вчуже житье хуже;	Соответствие не найдено
Домой придешь – хлеб-соль найдешь;	Соответствие не найдено
Соответствие не найдено	The house shows the owner; *Каков владелец, таков и дом;*
Соответствие не найдено	He has no home whose home is everywhere; *У того, чей дом повсюду, нет дома;*
Всякая сосна своему бору шумит, Своя рубашка ближе к телу;	Charity begins at home;

	Благотворительность начинается дома;

«Родина» как концепт «свое» занимает особое место в русском паремиологическом пространстве. В пословицах и поговорках родина часто упоминается как близкое в сердце человека место, где его истоки и родственные связи, куда он всегда будет возвращаться. В паремиях подчеркивается, что важно «помнить и уважать свою родину» (Приказчикова, 2016, с. 333). Также «родина» в пословицах и поговорках ассоциируется со своим народом, своей культурой и историей. Она выступает как символ единства и целостности. В английских паремиях такие слова как motherland/ fatherland не используются, хотя само понятие родины обозначается с помощью лексем, близких по значению home, nest. В пословицах и поговорках отражается тесная связь понятий «свое» и «родина», родная сторона противопоставляется чужбине (Таблица 6).

Таблица 6. Концептуальный домен «Родина/чужбина»

Примеры паремий русского языка	Примеры паремий английского языка
Жить – Родине служить!	Соответствие не найдено
Соответствие не найдено	A man without a homeland is a nightingale without a song; *Человек без родины — соловей без песни.*
Родина велика, о ней не забывай;	Соответствие не найдено
Велика Россия да малый человек;	Соответствие не найдено

Родных нет, а по родимой стороне сердце ноет;	Соответствие не найдено
На чужой стороне Родина милей вдвойне; Нет в мире краше Родины нашей; Всякому мила своя сторона;	East or West home is best; *Восток или запад, а дом лучше*
Родина краше солнца, дороже золота;	Соответствие не найдено
Любовь к Родине на огне не горит и на воде не тонет;	Соответствие не найдено
В родном краю сокол, в чужом – ворона;	Every dog is a lion at home; *Каждая собака дома — лев;*
Родной край – сердцу рай;	There is no place like home *Нет места лучше дома;*
У народа один дом – Родина;	Соответствие не найдено
Родина – мать, чужбина – мачеха;	Соответствие не найдено
На чужой стороне и весна не красна;	Соответствие не найдено
На чужбинке, словно в домовинке;	Соответствие не найдено
За морем теплее, а у нас светлее;	Соответствие не найдено
За морем и телушка полушка, да рубль перевоз;	Соответствие не найдено
Соответствие не найдено	Go abroad and you'll hear news of home; *Поезжай за границу, и ты*

	услышишь новости из родной страны;

Смысловые особенности реализации национально-культурной оппозиции «свой – чужой» зачастую находят свое отражение и языковой закрепление в фольклорных жанрах. Для выявления ценностей, связанных с концептом «свой – чужой» в сознании носителей русского и английского языков, мы провели сплошную выборку пословиц и поговорок на эту тему. В ходе выборки было выявлено, что большинство пословиц либо содержат в себе лексему home / country / family/ one's/ own, как отсылку на интересующий нас концепт, однако были обнаружены и изречения с лексемами homeland, nest, house (13).

Важность концепта «свой – чужой» тяжело переоценить: в языковой и межкультурном планах исследуемый концепт амбивалентен, характеризует различные грани и градации межличностных и/или межкультурных отношений, одновременно давая определение «культурному» (своему) и «инокультурному» (чужому). Безусловно, такое разделение очень вариативно и условно: прослеживается зависимость от культурно-исторического и бытового контекстов, что отразилось в самобытности и национальной специфичности как русских, так и английских паремий и, соответственно, в возникшей трудности подбора соответствий.

Как мы и предполагали, осмысление концепта «свой – чужой» происходит, во-первых, за счет выделения «своего» на контрасте, на фоне «чужого». Во-вторых, «своему» присваиваются дополнительные ценностные характеристики, в то время как «чужое» (неродное) отвергается, высмеивается, его значимость принижается.

Как разграничение «своего и чужого», так и их сближение, принятие, порой и взаимопроникновение, служит своего рода строительным материалом для формирования национально-культурного менталитета, характера и поведения.

Выводы

Лингвокультурная дихотомия «свой – чужой», трактуемая иногда как «чужой = иной», «чужой = враждебный», «свой =

родной», «свой = близкий, понятный» формирует языковое сознание, обусловливает модель восприятия тех или иных явлений.

Концепты «свой – чужой» являются универсальными для обеих лингвокультур (английской и русской), находят свое воплощение и закрепление в паремическом фонде изучаемых языков. Основные выявленные семантические «узлы», составляющие внутреннее наполнение изучаемой оппозиции «свой – чужой», можно обнаружить именно в фольклоре, который актуализирует глубинные национально-культурные структуры. Паремии наполняют линейную концептуальную оппозицию дополнительными, периферийными смыслами, уходя от прямого противопоставления «мы – они», дополняют и привносят оценочные оппозиции (хороший – плохой, правильно – неправильно и др.), пространственные (далеко – близко, родной – чужой, личный – общий), дифференциальные (друг – враг, родина – чужбина).

В человеческом обществе всегда присутствовало разделение на «своих» и «чужих». Человек способен противопоставлять «я» и «не я», поэтому в русском языке существует огромное количество пословиц и поговорок, которые отражают мнение, что «свое» – это то, что ближе, понятнее и всегда лучше. Однако существует и противоположна концепция. «Чужое» является чем-то желанным, выступает в качестве объекта завести и искушения. Встречаются пословицы, в которых подчёркивается более уважительное отношение к «чужому», чем к «своему», а чужие проблемы считаются более легкими и несерьезными. Также в русском паремиологическом пространстве отражается запрет на «чужое», который заключается в том, что не нужно вмешиваться в дела других людей и брать чужие вещи. Кроме того, встречаются пословицы и поговорки, где ценность «свое – чужое» рассматриваться в рамках таких концептов, как «друг – враг», «сходства – различия», «семья», «дом» и «родина». Стоит также отметить, что объективно существующая оппозиция «свой – чужой» не свободна и испытывает давление как извне, так и деформируется внутри, в сознании носителя языка, приобретая субъективный оттенок, трансформируясь и преображаясь в процессе получения человеком опыта, т.е. в процессе концептуализации и категоризации окружающей

действительности. Таким образом, объективно существующий феномен и его субъективная реализация – это процессы параллельные, одновременные и взаимодополняющие. Сталкиваясь с изучаемыми явлениями, осознавая и называя их, человек запускает алгоритм дифференциации на «свое – чужое», в результате реализации которого проявляется стремление к объединению и единению со своим/ своими и дистанцирование, отторжение чужих/чужого. Паремии же являются вербальным выражением коллективного сознания, мудрости, пронесенной сквозь века. Передаваясь из поколения в поколение, они способствуют «экономии» наших усилий в классификации объектов и явлений на «свое» и «чужое», способствуют сохранению национально-культурных традиций.

В результате исследования мы пришли к выводу, что пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью культурного кода нации и содержат в себе огромный пласт культурно-ценностных ориентиров общества, представляют собой неписаный «кодекс законов», отражают мудрость и вековой опыт взаимодействия с другими культурами.

Таким образом, можно заключить, что особенности реализации диалога культур и успех межкультурного, межъязыкового взаимодействия будут неразрывно связаны с опытом категоризации и классификации объектов и явлений окружающего нас мира и их соотнесением с базовыми концептами «свой – чужой».

Литература

1. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т., Осипова А.А. Политкорректность в межъязыковой передаче сакрального текста: путь в будущее или нарушение принципов перевода? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 5. С. 56-67.
2. Бхатти Н.В., Харитонова Е.Ю. Особенности терминов кровного родства и свойства в индоевропейских языках (на примере английского, немецкого, русского и урду) // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича

Марчука. Под общей редакцией И.И. Валуйцевой. Редактор английского текста И.А. Улиткин. 2019. С. 133-139.
3. Вековищева С.Н., Иванова Н.А., Улиткин И.А. Соотношение понятий «дух народа» и «язык» в работах В. фон Гумбольдта // Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции. Под редакцией Г.Т. Хухуни. Редколлегия: Г.Т. Хухуни (отв. ред.), Е.П. Савченко (отв. сек.), И.Ф. Беляева и др., 2017. С. 42-46.
4. Жирова И.Г., Дмитриева О.П., Анашкина Е.В. Репрезентация ценностных доминант в английских лексических образованиях с фокусной семой REALITY и их передача на русский язык (на материале произведения А. Мердок “The Bell” / «колокол») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1905-1912.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. URL: https://www.livelib.ru/book/1000290531-lingvokulturologiya-v-a-maslova (дата обращения: 02.10.2024).
6. Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков: коллективная монография / Авдеева А.И., Анашкина И.А., Андреева Е.Ю., и др. Том 2. Москва, 2024, 559с.
7. Пословицы и поговорки. URL: https://proza.ru/2015/12/16/1588 (дата обращения: 02.02.2024).
8. Приказчикова Е.В., Савченко Е.П. Аспекты межкультурной коммуникации сквозь призму лингвокультурологического подхода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 2. С. 330-336.
9. Пугина Е.Ю., Холстинина Т.В. Лакунарность «чужих реалий» в исходном тексте как переводческая проблема // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 167-174.
10. Сахарова Н.Г., Бондаренко И.В. Концепт UNREQUITED LOVE / Неразделенная Любовь и его лингвостилистическая репрезентация в поэтическом творчестве THE BIRTHDAY MASSACRE // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 1179-1183.

11. Федотов Г.П. Сумерки отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб.: София, 1991. 350 с.
12. Филиппова И.Н. Инокультура в переводе: чужая или чуждая // Большое евразийское партнёрство: лингвистические, политические и педагогические аспекты: Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство образования Московской области; Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области; Московский государственный областной университет, Лингвистический факультет. 2018. С. 870-877.
13. Ray J. A Compleat Collection of English Proverbs URL:https://books.google.com/books/about/A_Compleat_Collection_of_English_Proverb.html?hl=ru&id=MTRAAAAAYAAJ#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.02.2024).

References

Avdeeva, A.I., Anashkina, I.A., Andreeva, E.Yu., & et. all. (2024). *Pandemija-22: prepodavanie, analiz, diskurs v estestvennom mnogoobrazii inostrannyh jazykov: kollektivnaja monografija [Pandemic-22: teaching, analysis, discourse in the natural diversity of foreign languages: collective monograph]*. Moscow. (in Russian).

Belyaeva, I.F., Khukhuni, G.T., & Osipova A.A. (2021). Politkorrektnost' v mezh"yazykovoj peredache sakral'nogo teksta: put' v budushchee ili narushenie principov perevoda? [Political correctness in interlingual transmission of sacred text: the path to the future or violation of translation principles?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 5,* 56-67. (in Russian).

Bhatti, N.V., & Kharitonova, E.Yu. (2019). Osobennosti terminov krovnogo rodstva i svojstva v indoevropejskikh yazykakh (na primere anglijskogo, nemeckogo, russkogo i urdu) [Features of the terms of consanguinity and affinity in Indo-European languages (on the example of English, German, Russian and Urdu)]. In I.I. Valueva (Ed.). *Slovo. Slovar'. Termin. Leksikograf. Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Yuriya*

Nikolaevicha Marchuka. [Word. Dictionary. Term. Lexicographer. Collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference in memory of Doctor of Philological Sciences, Professor Yuri Nikolaevich Marchuk], (pp. 133-139). (in Russian).

Fedotov, G.P. (1991). Sumerki otechestva [Twilight of the Fatherland]. In *Sud'ba i grehi Rossii [The Fate and Sins of Russia]. Vol. 1.* Saint-Petersburg: Sofia. (in Russian).

Filippova, I.N. (2018). Inokul'tura v perevode: chuzhaja ili chuzhdaja [Foreign culture in translation: alien or foreign]. In *Bol'shoe evrazijskoe partnjorstvo: lingvisticheskie, politicheskie i pedagogicheskie aspekty: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The Greater Eurasian Partnership: linguistic, political and pedagogical aspects: Proceedings of the International scientific and practical conference],* (pp. 870-877). Ministry of Education of the Moscow Region; State Educational Institution of Higher Education of the Moscow Region; Moscow State Regional University, Faculty of Linguistics. (in Russian).

Maslova, V.A. (2007). *Lingvokul'turologiya [Lingvoculturology]*. Moscow: Academy. Retrieved from: https://www.livelib.ru/book/1000290531-lingvokulturologiya-v-a-maslova (date of access: 02.03.2025). (in Russian).

Poslovicy i pogovorki [Proverbs and sayings]. (2025). Retrieved from: https://proza.ru/2015/12/16/1588 (date of access: 02.02.2025). (in Russian).

Prikazchikova, E.V., & Savchenko, E.P. (2016). Aspekty mezhkul'turnoj kommunikacii skvoz' prizmu lingvokul'turologicheskogo podhoda [Aspects of intercultural communication through the prism of the linguacultural approach]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2,* 330-336. (in Russian).

Pugina, E.Yu., & Kholstinina, T.V. (2018). Lakunarnost' «chuzhih realij» v ishodnom tekste kak perevodcheskaja problema [Lacunarity of “foreign realities” in the source text as a translation problem]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 3,* 167-174. (in Russian).

Ray, J. (1737). *A Compleat Collection of English Proverbs*. J. Hughs. Retrieved from: https://books.google.com/books/about/A_Compleat_Collection_of_English_Proverb.html?id=MTRAAAAAYAAJ (date of access: 30.01.2025).

Sakharova, N.G., & Bondarenko, I.V. (2022). Koncept UNREQUITED LOVE / Nerazdelennaja Ljubov' i ego lingvostilisticheskaja reprezentacija v pojeticheskom tvorchestve THE BIRTHDAY MASSACRE [The concept of UNREQUITED LOVE / Unrequited Love and its linguostylistic representation in the poetic work of THE BIRTHDAY MASSACRE]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues], 15 (4),* 1179-1183. (in Russian).

Vekovishcheva, S.N., Ivanova, N.A., & Ulitkin, I.A. (2017). Sootnoshenie ponyatij «dukh naroda» i «yazyk» v rabotakh V. fon Gumbol'dta [The relationship between the concepts of “spirit of the people” and “language” in the works of W. von Humboldt]. In G.T. Khukhuni (Ed.) *Vil'gel'm fon Gumbol'dt i ego nasledie: klassika i sovremennost'. Sbornik statej po materialam Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Wilhelm von Humboldt and his legacy: classics and modernity. Collection of articles based on the materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference]*, (pp. 42-46). (in Russian).

Zhirova, I.G., Dmitrieva, O.P., & Anashkina, E.V. (2022). Reprezentaciya cennostnykh dominant v anglijskikh leksicheskikh obrazovaniyakh s fokusnoj semoj REALITY i ikh peredacha na russkij yazyk (na materiale proizvedeniya A. Merdok “The Bell” / «kolokoL») [Representation of value dominants in English lexical formations with the focal seme REALITY and their transfer into Russian (based on the work of A. Murdoch “The Bell”)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and Practical Issues], 15* (6), 1905-1912. (in Russian).

УДК 811
https://doi.org/10.25076/vpl.57.06
М.А. Бредис[6]
О.В. Ломакина
А.Р. Мамедова
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

ПАРЕМИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ, ТУРЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

В статье впервые в сопоставительном плане представлены взгляды исследователей, представляющих азербайджанскую, турецкую, английскую и немецкую филологию, в изучении понятия пословица. Необходимость рассмотрения паремий и их описания в разных национальных филологиях, а также стремление к обобщению в понимании природы пословицы определяют актуальность выбранной темы. Осмысливается видение представителей разных школ лингвистики при рассмотрении пословицы и определении её параметров. Авторы опираются на методологию последовательного описания паремиологических единиц как составной части паремиологической системы языка. Среди методов исследования преобладает описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ теоретических работ. Анализ показал наличие продолжительной истории исследования паремий в национальных лингвокультурах. Азербайджанские исследователи, прежде всего, выделяют в них авторитет традиции и способность лаконично передавать опыт народа. Турецкие лингвисты среди основных аспектов описания пословицы отмечают воспитательную функцию пословиц, а широкое распространение в современном языке объясняют лаконичностью, яркой образностью и простотой запоминания

[6] © **Бредис М.А., Ломакина О.В., Мамедова А.Р.** 2025
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License https://creativecommons.org/licenses/by/4.0

пословиц. Славянские исследователи значительно продвинулись вперёд не только в теоретическом осмыслении природы пословиц, но и в их лексикографическом описании. Немецкие учёные в описании пословицы выделяют общеупотребительность, устойчивость, дидактическую направленность, а английские – подчёркивают метафорический характер и традиционность.

Ключевые слова: паремия, пословица, азербайджанский язык, турецкий язык, английский язык, немецкий язык

UDC 811
https://doi.org/10.25076/vpl.57.06
M.A. Bredis
O.V. Lomakina
A.R. Mammadova
RUDN University

PAROEMIA IN AZERBAIJANI, TURKISH, ENGLISH AND GERMAN LINGUISTICS: DEFINITION, STUDY FEATURES

The paper presents for the first time in a comparative way the views of researchers representing Azerbaijani, Turkish, English and German philology in studying the concept of proverb. The need to consider paremias and their descriptions in different national philologies, as well as the desire for generalization in understanding the nature of proverbs, determine the relevance of the chosen topic. The vision of representatives of different schools of linguistics is considered when examining a proverb and determining its parameters. The authors rely on the methodology of a consistent description of paremiological units as an integral part of the paremiological system of language. Among the research methods, the descriptive-analytical method and comparative analysis of theoretical works prevail. The analysis showed the existence of a long history of studying paremias in national linguocultures. Azerbaijani researchers, first of all, highlight the authority of tradition and the ability to laconically convey the experience of the people. Turkish linguists, among the main aspects of the proverb description, note the educational function of proverbs, and explain their wide distribution in the modern language by the laconism, vivid metaphors and ease of memorization of proverbs. Slavic scholars have made

significant progress not only in the theoretical understanding of the nature of proverbs, but also in their lexicographic description. German scholars in their descriptions of proverbs are distinguished by their common usage, durability, and didactic focus, while English ones emphasize their metaphorical nature and conservatism.

Keywords: paremia, proverb, Azerbaijani language, Turkish language, English language, German language

Введение

Паремиология – одно из новых направлений в лингвистике, изучающее малые жанры фольклора, среди которых пословицы, загадки, приметы, скороговорки, присловья и пр. Термин *паремия* часто используется как родовое понятие по отношению к перечисленным видовым (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020). Паремиология, помимо общих свойств пословиц, изучает их в отдельных языках и языковых семьях (Паремиология на перекрестках …, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021).

Выбор темы обусловлен разным пониманием природы пословицы в восточной и западной паремиологической традиции. Это объясняется как языковыми (грамматическими, семантико-стилистическими), так и внеязыковыми (отсутствие целостной методологии исследования, системного понимания паремиологии) особенностями.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена, во-первых, необходимостью рассмотрения паремий и их описания в разных национальных филологиях, во-вторых, стремлением к обобщению в понимании природы пословицы для представления максимально полного определения этой языковой единицы.

Научная новизна исследования данной статьи состоит в том, что впервые в сравнительно-сопоставительном аспекте проанализировано понимание *пословицы*, ее природы, дифференциальных признаков лингвистами, представляющими восточную (азербайджанскую и турецкую) и западную (английскую и немецкую) филологическую традицию.

Теоретическая значимость исследования состоит в осмыслении видения представителей разных школ лингвистики при рассмотрении пословицы и её параметризации.

Практическая ценность работы состоит в возможности создания метаязыкового инструментария для анализа паремиологического пространства разных языков, а также при отборе материала для паремиографической обработки.

Материалы и методы

При подготовке исследования мы опираемся на методологию последовательного описания паремиологических единиц, описанную в работах современных учёных, понимания паремии как особой языковой единицы – афористической (Иванов, 2022), составной части паремиологической системы языка (Ломакина, 2024), анализ которой происходит в разных направлениях (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020). С учётом современной парадигмы лингвистики паремиологические единицы подвергаются концептуальному, когнитивно-семантическому, лингвокультурологическому, лингвоаксиологическому, дискурсивному и контекстному анализу (Ломакина, 2025) , в том числе на материале тюркских и германских языков на широком полилингвальном фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис, Иванов 2022; Иванов 2022ab, 2023ab, 2024). Выбор методов исследования мотивирован целью исследования: преобладает описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ теоретических работ для обоснованности вывода.

Обсуждение и результаты

Фиксация и изучение азербайджанских пословиц

В азербайджанской научной традиции пословица обозначается термином *atalar sözü* букв. ‘слово отцов’ (Здесь и далее перевод наш. – М.Б., О.Л., А.М.). Сам термин подчёркивает важность передачи опыта предков новым поколениям.

Азербайджанский язык относится к тюркской группе языков, что предполагает рассмотрение понятия паремии в тюркологии. Первые образцы тюркских паремий встречаются в рунической Орхоно-Енисейской письменности V-VIII вв. С древних времён паремиологические единицы фиксируются в сборниках. Одним из первых собирателей паремий является Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммад ал-Кашгари, автор знаменитого памятника тюркской филологии «Дӣвāн Луғāт ат-Турк» («Диван тюркских языков») (Кашгари, 2005), созданного в 1073-1074 гг, где автор отмечал, что он «усеял» книгу различными примерами речи, в том числе

пословицами, которые тюрки «приводят в качестве мудрых изречений и в горести, и в радости и передают от одного рассказчика другому» (Там же, с. 56). Махмуд Кашгари приводит тюркскую пословицу: *Ума калса кут калйр* ‘Когда (к тебе) приходит гость, с ним приходят удача и счастье’ (Там же, с. 43). А в современном азербайджанском языке употребляется её вариант *Qonaq bərəkət gətirər* ‘Гость приносит благословение’. Эта пословица связана с древними обычаями азербайджанского гостеприимства, которые почитаются и в наши дни.

Важность письменных источников для сохранения пословиц подчеркивает А.М. Набиев: часть пословиц появилась тюркоязычных источниках, другая – существует в устной форме (Nəbiyev, 2009, p. 265), подвергая варьированию план содержания и план выражения.

В Средние века азербайджанские пословицы развивались преимущественно в устной форме, так как традиция написания литературных произведений предусматривала их создание на персидском и арабском языках. С XIII-XIV вв. количество произведений, написанных на азербайджанском языке, увеличивалось. Пословицы широко использовались и занимали важное место в творчестве поэтов и прозаиков этого периода.

Сбор и фиксация азербайджанских пословиц фольклористами в различных районах Азербайджана активно осуществлялись в конце XIX – начале XX в., в т.ч. в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» (СМОМПК), в котором регулярно публиковались азербайджанские пословицы. Журнал издавался Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе. С 1881 г. изданием руководил попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский. В журнале публиковались материалы по истории, археологии, этнографии и лингвистике Кавказа.

Позднее собранные пословицы были объединены и изданы отдельным томом в 1898 г. под названием «Пословицы Ширванскихъ татаръ». Эти пословицы были собраны в Ширванской области Азербайджана в конце XIX века, в сборник вошло 1910 пословиц по 283 темам. Пословицы из СМОМПК стали первым крупным собранием азербайджанских пословиц и поговорок. Сборник издавался с 1881 по 1929 гг. и насчитывает 46 томов.

Сейфаддин Рзасой отмечает, что «пословицы, собранные со второй половины XIX в., обращаясь к экспериментальным традициям русского фольклористики того периода, практически отражали ведущую интернациональную традицию того времени. Для интеллектуалов, собиравших в ту эпоху пословицы, этот жанр в любом случае был важной составляющей национальной культуры и национальной мысли» (Atalar sözləri, 2013, p. 5). Это издание представляет собой свод азербайджанской паремиологии (Алекперова, 2009, с. 193).

Впоследствии сбором и опубликованием азербайджанских паремий занимался Ганафи Зейналлы: сборник «Азербайджанские пословицы и поговорки» содержал единицы, напечатанные в журнале СМОМПК (Там же, с. 188).

Традицию изучения и издания пословиц продолжил Абульгасым Гусейнзаде, создавший значительный корпус национальных пословиц.

В 2013 г. Институт рукописей имени Мухаммеда Физули Национальной академии наук Азербайджана выпустил в свет книгу «Əbülqasım Hüseynzadə. Atalar sözləri və məsəllər» («Абульгасым Гусейнзаде. Пословицы и поговорки»), в которую вошли пословицы и поговорки, привлеченные А. Гусейнзаде из его личного архива.

В 2013 г. вышел в свет полный словарь азербайджанских пословиц Atalar sözləri, изданный Институтом фольклора Национальной академии наук Азербайджана. Руководителем проекта стал доктор филологических наук Мухтар Казимоглу (Иманов), составитель и автор предисловия – кандидат филологических наук Матанат Ягубгызы. По замечанию Сейфаддина Рзасоя, в этом издании практически полностью охвачен существующий фонд азербайджанских пословиц. В словаре отражен «опыт паремиологической деятельности, осуществляемой на протяжении трех столетий (XIX-XXI) <…>, как с ее практической (собирательской), так и с теоретической (исследовательской) традициями» (Atalar sözləri, 2013, p. 4).

Большой вклад в теоретическое изучение азербайджанских пословиц внесли исследователи XX в., среди которых Г.Н. Юсифов, занимавшийся проблемами разграничения пословиц и поговорок (Юсифов, 1968), и профессор З. Ализаде, которая рассматривала

лексико-семантические особенности азербайджанских пословиц и поговорок (Ализаде, 1980).

Азербайджанские исследователи выделяют различные аспекты паремий, акцентируя внимание на морально-ценностных аспектах. Стоит отметить общее понимание пословиц, которые вбирают в себя жизненный опыт, мысли и убеждения людей, а также исторические и культурные ценности народа.

Сейфаддин Рзасой отмечает, что пословицы представляют собой средство передачи коллективного опыта и знаний в качестве единой и неизменной функции во все времена и в любом типе этнической культуры (Atalar sözləri, 2013, p. 3).

В своём определении пословиц А.М. Набиев акцентирует внимание на кумулятивности и художественном своеобразии пословицы. Пословицы и поговорки являются художественным выражением исторических наблюдений людей над жизнью (Nəbiyev, 2014, p. 264).

Азербайджанские исследователи отмечают роль пословиц в жизни общества, где люди почитают авторитет пословиц как источника мудрости, что соответствует древней мысли о том, что «пословицы (слова отцов) не входят в Коран, но находятся рядом с Кораном» (Там же). Актуальность этого положения подтверждается повседневной потребностью национального общества в национальных формулах поведения, живущих в пословицах, а также в издаваемых с течением времени сборниках пословиц (Там же).

По мнению Матанат Ягубгызы, пословицы представляют собой поучительные высказывания, выходящие за пределы своего небольшого круга образов в более глубокие слои: «Пословицы – это система этических норм, моральный кодекс, который всегда держит людей под контролем и воспитывает» (Atalar sözləri, 2013, p. 8). Исследователь опирается на аксиологический аспект при определении.

Развернутое определение пословицы, опирающееся на ее традиционный характер и дидактизм представлено З. Ализаде: «В пословице люди нашли защиту высшей силы своего интеллекта и языка; каждое слово – своего рода ‘табу’; она свободна от всех предположений и вопросов; каждое мнение, каждая этико-

нравственная рекомендация есть нерушимый закон, принимаемый с глубоким внутренним убеждением» (Əlizadə, 1987, p. 11).

Ряд исследователей относит пословицы к фразеологизмам и выделяет их образный аспект. З. А. Ализаде подчеркивает, что пословицы и крылатые фразы – это образные выражения, образующие специфический слой во фразеологической системе языка (Əlizadə, 1985, p. 79).

По мнению азербайджанских исследователей, пословицы каждой эпохи отражают физический и духовный опыт народа. Сейфаддин Рзасой отмечает: «Подобно тому, как язык каждого народа основан на ограниченном и известном количестве звуко-буквенных моделей, и вся лексическая база создается как комбинация этих ограниченно известных фонемных моделей, так и весь духовный и физический опыт этноса основан на известном и ограниченном количестве образцов пословиц» (Atalar sözləri, 2013, p. 6). Исследователь считает, что этнические стереотипы могут меняться по содержанию, но их структурные схемы остаются стабильными. В этом отношении пословицы народа, возникающие в разное время, могут противоречить друг другу по содержанию, но в этом случае их формальная структура все равно остается той же (Там же).

Источниками пословиц служат не только литературные, фольклорные произведения, сказки, басни и пр. По суждению Матанат Ягубгызы, пословицы создаются на основе реальных фактов и событий. Позже эти примеры приобретают разные смысловые оттенки в той среде, где они родились. Например, пословица *Ayağı nərdivana bir-bir qoyarlar* ‘Ноги на лестницу ставят одну за другой’, которую азербайджанцы часто используют сегодня, была, по мнению исследовательницы, обычным предложением, сказанным родителем, дедушкой или бабушкой, объясняющим своему ребенку или внуку, как подниматься наверх и спускаться вниз по лестнице. Возможно, человек, впервые составивший это предложение, даже не подумал, что это изречение приобретёт «пословичность» (В. Мидер). Человек просто дал совет ребёнку, который поднимался или спускался по лестнице, что надо ставить ноги на ступеньки постепенно, одна за другой, чтобы не упасть или не устать. Позже этот совет приобрёл образный смысл и

стал общим правилом восхождения на жизненном пути, достижения цели (Atalar sözləri, 2013, p. 8).

Таким образом, азербайджанские исследователи активно продолжают изучение пословичного фонда азербайджанского языка. Наиболее важными аспектами пословицы они считают традиционность, авторитет и способность в кратком виде передавать опыт народа.

Традиция изучения турецких пословиц

По-турецки термин *пословица* обозначается словом *atasözü*, что буквально означает «слова отца», то есть слова предков. Как и в азербайджанском *atalar sözü*, в этом термине выделяется признак традиционности турецких народных пословиц, которые веками передаются из поколения в поколение.

Фиксировать тюркские пословицы начали давно: ещё в V-VIII вв. на каменных стелах руническим письмом наносились древнетюркские надписи, среди которых встречались и пословицы. Это древнейшие памятники тюркской Орхоно-Енисейской письменности, в которых нашли отражение древнетюркские пословицы, которые воплотили в себе художественное мышление, жизненный опыт и наблюдения творца V–VIII вв. (Рахматов, 2021, с. 74). Уже тогда пословицы были «словами предков», имели продиктованный традицией авторитет.

В XI в. Махмуд ал-Кашгари впервые собрал 290 тюркских паремий и включил их словарь тюркских наречий под названием «Диван тюркских языков».

В словарь входили тюркские пословицы, которые в той или иной форме вошли в современный турецкий язык. Например, к таким пословицам относится: *Биш арңак туз армас* ‘Пять пальцев не похожи друг на друга’. Автор также дал пояснение относительно значения пословицы: «Так же и люди отличаются друг от друга» (Кашгари, 2005, с. 149). Эта пословица в современной форме *Beş parmak bir değil* (букв. ‘Пять пальцев – не один’), в «Словаре общих пословиц тюркского мира» О. Чобаноглу считается общетюркской, и ее аналоги даются на 32 тюркских языках (Çobanoğlu, 2004, p. 141).

Важным источником древних тюркских пословиц, по мнению российского исследователя М.В. Порхомовского, является огузский

эпос “Dede Korkut Kitabı” («Книга деда Коркута»), включающий пословицы, известные с VII-XIII вв. (Порхомовский, 2014, с. 5).

Наряду с названным эпосом, учёный перечисляет и другие сборники тюркских паремий: записи Ахмеда бин Махмуда “Atebetü’ l-Yakayık” включающие актуальные в настоящее время единицы, и медицинский трактат Мауляны Шамседдина “Teshil” (1480) (Порхомовский, 2014, с. 5-6). Таким образом, изначально устный фольклорный жанр – пословицы закрепился сначала в тюркской, а в последствии в турецкой письменной традиции (Там же, с. 6).

Исследовательский интерес к пословичным текстам продолжал развиваться и в XIX в., когда были опубликованы следующие сборники турецких пословиц: Ахмета Вефика Паши (1852); Шинаси (1863); Эбюззии (1885), сборник Ахмеда Мидхада Эфенди (1871) (Там же).

С 1965 г. в Турции издано более 70 сборников турецких паремий, самыми востребованными из которых стали сборники О.А. Аксоя (Там же, с. 6-7).

Самым полным считается сборник турецких пословиц М. Юртбаши, в котором размещены 5274 пословицы, распределенные по 172 темам. Сборник М. Юртбаши выходил в свет также в качестве двуязычных пословичных словарей с переводами турецких пословиц на немецкий, французский и английский языки (Yurtbaşı, 1993).

Интерес вызывает паремиографическое издание Э. Сарачбаши и И. Миннетоглу «Örnekli ve Açıklamalı Türk Atasözleri Sözlüğü» («Словарь турецких пословиц с примерами и объяснениями»), включающее около 900 единиц (Saraçbaşı, Minnetoğlu, 2002). Кроме семантизации паремий, авторы приводят контексты из произведений, т.е. благодаря контекстуальному употреблению можно выявить смысл пословицы (Порхомовский, 2014, с. 7).

В турецкой традиции нет общего определения пословицы. Э. Эльверди и М. Кутлу в работе «Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi» («Энциклопедия турецкого языка и литературы») предлагают следующее толкование: «Пословицы – суждения, к которым пришли наши предки после долгих размышлений и опыта путём мудрых мыслей, советов и примеров; многие из которых имеют переносное значение; стереотипны по форме, сложившейся в

течение веков; живут преимущественно в устной традиции, передаваемые из поколения в поколение; являющиеся анонимными высказываниями» (Elverdi, Kutlu, 1977, p. 214). В этом определении перечисляются важные аспекты пословицы, где подчёркивается традиционный характер пословицы, переданной предками, что соответствует турецкому названию пословицы *atasözü*.

Говоря о функциях пословиц в речи, авторы энциклопедии отмечают: «Пословицы, которые используются в самых разных областях, относятся к числу слов, которые мы чаще всего используем в повседневной жизни»; они употребляются, когда необходимо «дать совет, показать пример, придать силу нашим словам, найти подтверждение нашим мыслям и выразить в сжатой форме свои чувства и мнения» (Elverdi, Kutlu, 1977, p. 215).

Для турецкого исследователя Омера Асыма Аксоя, считающего пословицы национальным достоянием, в пословице важна, прежде всего, устоявшаяся форма. По его мнению, пословица была создана одним человеком, но со временем люди вносили в нее свои изменения, пока она не приобрела окончательный вид и стала общественным достоянием. О. А. Аксой полагает, что пословицу нельзя трансформировать, потому что вариант паремии уже не будет восприниматься как *atasözü* ‘слова предков’ (Aksoy, 2021, p. 13–14).

Доган Аксан предлагает свою дефиницию: «Пословицы, включенные в словарный запас языка, представляют собой слова, которые отражают мудрость, опыт, мировоззрение и выразительную силу общества и могут сохраняться на протяжении веков» (Aksan, 2004, p. 33).

З. Шенгюдер выделяет тесную связь пословиц с фольклором: «Определение понятию “пословица” пытались дать многие известные лингвисты и исследователи. Каждый трактовал по-своему, но суть одна. Пословица – это важнейшая составляющая устного народного творчества. Пословицы выражают моральные устои народа на основе его жизненного опыта, хранят народную мудрость» (Шенгюдер, 2023, p. 58).

Таким образом, турецкие филологи изучают пословицу как «слово отца», передающее мудрость народа из поколения в поколение, подчёркивая аксиологический аспект – моральные ценности и народную мудрость. Пословицы не теряют своего

значения и в наше время, поскольку реализуют воспитательный и функциональный потенциал благодаря лаконичности, яркой образности и простоте запоминания.

Дефиниции и изучение английских пословиц

В английском языке пословица обозначается термином *proverb*, который восходит к латинскому *proverbium* с тем же значением (от *pro-* двигать вперёд и *verbum* – слово). Английские паремии имеют древнюю традицию письменной фиксации и составления сборников.

По мнению Ю. А. Петрушевской, по своему происхождению пословицы английские пословицы делятся на исконные и заимствованные. Исследователь называет фольклор, Священное Писание и художественную литературу основными источниками появления английских паремий (Петрушевская, 2014, с. 105). Е.Е. Иванов и Ю.А. Петрушевская отмечают, что 43% исконных английских пословиц восходит к устному народному творчеству (Иванов, Петрушевская, 2019, с. 8). Получается, что остальные 57% исконных и заимствованных английских пословиц происходят из письменных источников. Среди этих источников – произведения, написанные на латыни, древнегреческом, французском, шотландском, ирландском, испанском, немецком и других языках. Из двух классических языков античности, из которых были заимствованы английские пословицы, количественно доминирует латинский язык (20 % единиц), который был и языком-посредником большинства заимствований из древнегреческого языка (6 %) (Петрушевская, 2014, с. 108).

Сборники паремий в Англии начали появляться, вероятно, в эпоху христианизации страны, сначала в форме англосаксонской гномической поэзии. Известны ранние гномические поэмы Maxims I и Maxims II неизвестных авторов, которые составляли строфы из гномов и максим – нравоучительных изречений, близких к афоризмам (Алхастова, 2019, с. 39).

Первым настоящим сборником пословиц в Англии стала книга Ричарда Тавернера «Proverbes or Adagies: with Newe Addicions Gathered out of the Chiliades of Erasmus» («Пословицы, или адагии: с новыми дополнениями, взятыми из Хилиад Эразма»), вышедшая в свет в 1539 г., которая представляла собой перевод текстов античных авторов (Там же, с. 41).

В XVIII в. в Англии начали издаваться специализированные словари (синонимов, цитат и пр.), которые заложили основу для создания специализированных словарей пословиц. Позднее, в XIX в., появились словари, собирающие пословицы, характерные для определенного исторического этапа или диалекта английского языка, среди которых – изданный в 1818 г. справочник Джозефа Тейлора «Antiquitates Curiosae: The Etymology of Many Remarkable Old Sayings, Proverbs, and Singular Customs» («Antiquitates Curiosae: этимология многих замечательных старых поговорок, пословиц и особых обычаев») (Там же, с. 43).

В XIX в. в Англии появляются работы по теоретическому изучению феномена пословицы. Так, в 1903 г. издана книга британского исследователя, автора стихов Ричарда Тренча «Proverbs and Their Lessons» («Пословицы и их уроки»), включающая лекции, в которых автор подчеркивал: общеизвестность – неотъемлемая черта паремии. «В этом, по большей части, заключена сила пословицы, а именно в том, что она уже получила штамп народного признания» (цит. по: Бредис, 2019, с. 47).

Как и в других европейских странах, в англоязычной науке о пословицах также наблюдаются разногласия исследователей по поводу определения термина *пословица*. Определений в трудах английских и американских филологов и литераторов встречается довольно много. Так, американский литератор Ралф Уолдо Эмерсон, рассматривая природу пословиц, давал им не научные, а поэтические определения: это «первые обобщения ума, повторяемые устами миллионов», они «как валуны, имеющие округлость валунов» (цит. по: Бредис, 2019, с. 47).

Большое количество разных аспектов пословицы не дает исследователям возможности создать краткое определение пословицы, которое могло бы отразить все аспекты и которое признали бы все исследователи. Так, британский лорд Джон Рассел в сер. XIX в. дал краткую дефиницию: «Пословица – это остроумие одного и мудрость многих» (Mieder, 2004, p. 9). Но и это определение строится только на трёх гранях пословицы: наличии одного конкретного автора, наличии мудрости и общеупотребительности. Такая тенденция характерна для англоязычной традиции изучения пословиц.

Американский исследователь немецкого происхождения В. Мидер считает невозможным дать определение пословицы одной краткой фразой и пишет лишь о попытках английских и американских учёных дать приемлемое для всех определение пословиц. Он приводит примеры нескольких определений пословицы. Бартлетт Джер Уайтинг в статье «The Nature of the Proverb» (1932), предлагает такую дефиницию: «Пословица – выражение, обязанное своим рождением народу, которое свидетельствует о своем происхождении формой и фразой. Она выражает то, что очевидно является фундаментальной истиной, которая общеизвестна, обыденным языком, впрочем, часто украшенным, с аллитерациями и рифмой. Обычно она короткая, но это необязательно; обычно она верна, но необязательно. Некоторые пословицы имеют буквальное и переносное значение, каждое из которых имеет прекрасный смысл; но чаще всего они имеют одно из двух.» (цит. по: Бредис, 2019, с. 48). В целом такое определение представляет собой попытку учесть и описать признаки пословиц.

В. Мидер отмечает, что наиболее общее определение в 1959 г. дал Стюарт А. Галлахер: «Пословица – краткое изложение очевидной истины, которая имеет (имела или будет иметь) распространение среди людей» (Mieder, 2004, p. 4).

Свое определение, которое В. Мидер дал в энциклопедии американского фольклора «American Folklore: An Encyclopedia» (1996), он основал на определении своего учителя С. Галлахера: «Пословицы – это краткие традиционные утверждения очевидной истины, распространенные среди народа. Если говорить более подробно, пословицы – это короткие, общеизвестные народные предложения, которые содержат мудрость, истины, мораль и традиционные взгляды в метафорической, фиксированной и запоминающейся форме и которые передаются из поколения в поколение» (Там же).

Джон Симсон в словаре «The Concise Oxford Dictionary of Proverbs» (1982) отмечает: «Пословица – традиционное высказывание, которое содержит совет или заключает мораль в краткой и сжатой форме» (The Oxford..., 2008, p. IX).

Таким образом, в английской паремиологии, как и в научных исследованиях о пословицах других языков, не существует одного определения пословицы, которое бы приняли все исследователи.

Большое значение в англоязычной науке придаётся метафорическому характеру пословиц, что отличает её от азербайджанской и турецкой традиции. Но традиционность пословиц также является важным признаком для англоязычных исследователей. В этом их воззрения сходны с воззрениями азербайджанских и турецких учёных.

Традиция собирания и изучения немецких паремий

Немецкое название пословицы *Sprichwort* означает буквально ‘говоримое слово’, то есть то слово, которое говорят все. В данном термине упор делается на общеупотребительность пословиц. В этом отличие немецкого термина от азербайджанского *atalar sözü* (букв. ‘слово отцов’), в котором главный акцент делается на традиционности, древности пословиц.

С древности у немцев существовали пословицы и поговорки, отражавшие образ жизни и менталитет народа. Народ всегда воспринимал пословицы как сокровища мудрости. В 1605 г. Фридрих Петри издал сборник «Der Teutschen Weißheit» («Мудрость немцев»), а в 1617 г. Георг Хениш – паремиографический сборник «Teütsche Sprach und Weißheit» («Немецкий язык и мудрость»), где подчёркивал мудрость и образность пословиц (Бредис, 2019, с. 53).

Из сборников, выпущенных в XVIII в., примечательным, по мнению исследователя Фридриха Зайлера, является книга Андреаса Шельхорна «Teutsche Sprichwörter, sprichwörtliche Redensarten und Denksprüche, gesammelt und mit den nötigsten Erklärungen begleitet» («Немецкие пословицы, поговорки и изречения, собранные и сопровождаемые самыми необходимыми пояснениями»), изданная в Нюрнберге в 1797 г. (Seiler, 1922, p. 139).

Лингвистическое описание немецких паремий содержат работы теолога Иоганна-Михаэля Зайлера, а также лингвистов Георга Филиппа Харсдерффера, Юстуса Шоттелиуса, Кристиана-Конрада Нопича. Свод И.-М. Зайлера «Уличная мудрость, или смысл и дух немецких пословиц» («Die Weisheit auf der Gasse, oder Sinn und Geist deutscher Sprichwörter», 1810 г.) стал первым научным исследование немецких пословиц, в котором автор назвал пословицы: а«ценными реликвиями мысли древних немцев» (Цит по: Кулькова, 2013, с.117). Епископ рассматривал пословицу почти исключительно с моральной, философской и религиозной точек зрения. Поскольку

они часто очень похожи, он приписывал пословицам всех народов общее происхождение, а именно высший или универсальный разум, исходящий от Бога (Seiler, 1922, p. 140).

Словарь немецкого поэта и филолога Карла-Йозефа Зимрока (Karl Joseph Simrock) под названием «Die deutschen Sprichwörter» («Немецкие пословицы»), впервые изданный во Франкфурте-на Майне в 1846 г., содержит 12396 пословиц. В издание не были включены ни другие фразеологизмы, ни пояснения или пословичные параллели. Фридрих Зайлер впоследствии рекомендовал с осторожностью использовать этот словарь из-за большого количества ошибок и опечаток. При этом Ф. Зайлер отмечал, что, несмотря на эти серьезные недостатки в деталях, сборник по-прежнему полезен, поскольку, как очевидно для такого исследователя, как Зимрок, он основан на хороших источниках, а именно на лучших старых сборниках (Там же, с. 140).

Наиболее значительным собранием немецких пословиц стал словарь Карла-Фридриха-Вильгельма Вандера, выпущенный под названием «Deutsches Sprichwörterlexikon» («Немецкий словарь пословиц») в пяти томах (Wander DSL). «Целью Вандера было собрать как можно более полную немецкую сокровищницу пословиц из литературы и народного языка в четком порядке, со ссылкой на источники, и сопроводить ее ссылками на источники и соответствующими пословицами других народов» (Seiler, 1922, p. 146).

Первым обширным специализированным научным исследованием в области паремиологии стал труд Фридриха Зайлера (Friedrich Seiler) «Deutsche Sprichwörterkunde» («Немецкая паремиология»), изданный в Мюнхене в 1922 г. Под пословицами исследователь понимал «общеупотребительные, самостоятельные законченные изречения с дидактической тенденцией и возвышенной формой» (Seiler, 1922, p. 2).

По происхождению Ф. Зайлер делил все пословицы на литературные (Eile mit Weile ‘Спешите медленно’) и зародившиеся непосредственно в народе (Ist die Kuh noch so schwarz, sie gibt immer weiße Milch ‘Какой бы черной корова ни была, молоко у нее всегда белое’). При этом исследователь считал, что пословиц из литературных источников существует гораздо больше, чем это можно представить (Там же, p. 19). Он подчёркивал, что пословица

не продукт размышления, а вспышка вдохновения, вызванная наблюдением, а часто просто продукт воображения. По словам Фридриха Зайлера, настоящая пословица – это поэзия, пусть и крохотная. Ее автору не обязательно было быть книжником или глубоким мыслителем, обычно это был просто человек из народа, возможно, даже не умевший читать и писать и не выделявшийся из массы благодаря какому-то специальному образованию (Там же, с. 20). Успех пословицы, по мнению Фридриха Зайлера, был вызван не глубиной или новизной идеи (самые популярные пословицы часто выражают весьма тривиальную идею), а формой. Если облачение мысли удачно, языковое выражение удачно и, возможно, добавлен ритм, параллелизм или другой популярный художественный прием, то отдельное изречение имеет все шансы стать общей пословицей (Там же).

Определение, данное в лингвистическом словаре «Metzler-Lexikon Sprache», отмечает воспитательный потенциал паремий. Паремия представляет собой устойчивую единицу «с дидактической тенденцией, относящуюся к практической стороне жизни и обобщающую, как правило, единичный случай» (Бредис, 2019, с. 56).

Современный немецкий онлайн-словарь Duden даёт следующее определение пословицы: «короткое, запоминающееся предложение, содержащее практическую мудрость» (Duden, 1977-81, Bd. 6, p. 2458)

Значительный вклад в развитие немецкой паремиологии внесли исследователи Лутц Рёрих и Вольфганг Мидер, которые в 1977 г. издали совместный труд “Sprichwort” («Пословица»), в котрой даётся следующее определение пословицы: «Пословицы – общеизвестные устойчивые предложения, которые выражают жизненное правило или мудрость в выразительной краткой форме (Röhrich, Mieder, 1977, p. 3).

Приведенные определения немецких пословиц делают акцент на их разных аспектах, в том числе на общеупотребительности и устойчивости, а также их дидактической составляющей. Это отличает их от определений пословицы в азербайджанской паремиологической науке, где, в первую очередь, делается упор на традиционность и авторитет пословиц, а также их способность передавать народный опыт новым поколениям. Единого краткого

определения в немецкой паремиологии не выработано в силу того, что пословица представляет собой сложный феномен с множеством различных граней, объединить которые в общем определении не представляется возможным. Если попытаться учесть все аспекты пословицы, такое определение не может быть кратким. Немецкая паремиология, имеющая богатую историю, продолжает свое развитие в настоящее время.

Выводы

Исследование паремиологических единиц имеет продолжительную историю в каждой национальной лингвистике. Вместе с тем российские и белорусские паремиологи значительно преуспели как в теоретическом осмыслении природы пословиц, так и в их лексикографическом описании. Положительный опыт российских и белорусских учёных полезен при изучении паремий различных языков.

К настоящему времени теоретическое осмысление природы пословицы, описание её дифференциальных признаков в английской и немецкой традиции превосходит азербайджанскую и турецкую. Важное влияние на рассмотрение и определение пословицы оказывает культура народа: так, азербайджанские и турецкие исследователи особенно выделяют авторитет пословицы. Немецкие и английские учёные говорят об общеупотребительном характере и устойчивости паремий. Дидактический потенциал пословицы (в понимании азербайджанских и турецких исследователей представляющей «слова отцов»), ее воспитательное значение, традиционный характер объединяет паремиологов, исследующих азербайджанские и турецкие пословицы.

В количественном отношении преобладают английские и немецкие работы, азербайджанские и турецкие исследователи реже обращаются к пословицам как явлениям языка и объекту лингвистического анализа.

Перспективой дальнейшего исследования является описание структурно-семантических особенностей паремиологического фонда представителей восточной и западной традиции изучения языков, что позволит выявить универсальное и специфическое в паремиологии неродственных языков – например, тюркских и германских.

Литература

1. Алекперова Л.Ф. Азербайджанские пословицы и поговорки, опубликованные в сборнике СМОМПК / Л.Ф. Алекперова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2009. Том 22 (61). № 3. С. 187-194.
2. Ализаде З.А. Лексико-семантические особенности азербайджанских пословиц и поговорок / З.А. Ализаде. Баку: Издательство АГУ, 1980. 107 с.
3. Алхастова З. Р. Словари английских пословиц в парадигме английской национальной лексикографии: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. / З. Р. Алхастова. Иваново: ИвГУ, 2019. 180 с.
4. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. doi: 10.17223/22274200/26/1
5. Бредис М.А. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал / М.А.Бредис, М.С. Димогло, О.В. Ломакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265-284.
6. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Петрушевская Ю.А. Паремиология на перекрёстках языков и культур : монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Н.Ю. Нелюбова, Ю.А. Петрушевская. М : РУДН, 2021. 246 с.
7. Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только / М.А. Бредис. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 296 с.
8. Иванов Е. Е. Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) / Е.Е. Иванов // Oriental Studies. 2022 (b). Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388
9. Иванов Е.Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория

языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924
10. Иванов Е.Е. Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах / Е.Е. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023 (b). Т. 14. № 4. С. 1154–1177. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177
11. Иванов Е. Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц / Е.Е. Иванов // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 213-229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14
12. Иванов Е. Е. Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре / Е.Е. Иванов // Новые исследования Тувы. 2023 (a). № 1. С. 243-258. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14
13. Иванов Е.Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина, Ю.А. Петрушевская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996-1035. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035
14. Иванов Е. Е. Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) / Е.Е. Иванов // Новые исследования Тувы. 2022 (a). № 4. С. 317-337. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22
15. Иванов Е. Е. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232-248. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17
16. Иванов Е. Е. Происхождение и история английских пословиц = The Etymology and History of English Proverbs / Е. Е. Иванов, Ю. А. Петрушевская. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 80 с.
17. Кашгари М. Дйвāн Луғāт ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
18. Кулькова, М.А. Изучение русских и немецких паремий в трудах отечественных и зарубежных исследователей / М.А.

Кулькова // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития. Казань, издательство «Печать-Сервис-XXI век», 2013. С. 114-121.
19. Ломакина О.В. Лингвоаксиологический анализ паремий как тип интегративного исследования (на примере ценностного концепта «Родина») / О.В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1 (62). В печати.
20. Ломакина О.В. Паремиология как система (на материале горномарийского литературного языка) / О.В. Ломакина // Финно-угроведение. 2024. № 4 (68). С. 51-61.
21. Петрушевская Ю. А. Происхождение и источники пословиц современного английского языка / Ю. А. Петрушевская // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. 2014. № 4 (71). С. 105–113.
22. Порхомовский М.В. Турецкие пословицы в языке и речи / М. В. Порхомовский. М.: Языки славянской культуры, 2014. 176 с.
23. Рахматов Й.Г. Эволюция и ранние формы народных пословиц в древнетюркских каменных надписях / Й.Г. Рахматов // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакассия (23-25 сентября 2021 г.). Абакан: Хакассское книжное издательство имени В.М. Торосова, 2021. С. 74-77.
24. Шенгюдер З. Сопоставительный анализ турецких и русских пословиц с компонентом “семья”/ З. Шенгюдер // Stephanos. 2023. № 3 (59). С. 56-68.
25. Юсифов Г.Н. О различии пословиц и поговорок / Г.Н. Юсифов // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. III книга. Баку: Издательство АН Азерб.ССР, 1968. С.159-177.
26. Aksan D. Türkçenin Söz Varlığı. / D.Aksan. Ankara: Ünal Ofset, 2004. 255 s.
27. Aksoy Ö. A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü 1, Atasözleri Sözlüğü. İstanbul: İnkilap, 2021. 484 s.
28. Atalar sözləri. Bakı: «Nurlan», 2013. 476 s.

29. Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. / Ö. Çobanoğlu. Ankara: AKM Yayınları, 2004. 511 p.
30. Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 6 Bd./ hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftl. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitug von Günther Drosdowski. Bearb. Rudolf Köster; Wolfgang Müller. Mannheim, Wien, Zürich: Bibliografisches Institut. 1977 – 1981. 2992 S.
31. Elverdi E. Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi / E. Elverdi, M. Kutlu. İstanbul: Dergah Yayını, 1977. 557 s.
32. Əlizadə S. Müdrikliyin sönməyən işığı. Müqəddimə. Oğuznamə / S. Əlizadə. Bakı: Yazıçı, 1987. 223 s.
33. Mieder W. Proverbs: A Handbook / W. Mieder. Westport: Greenwood Press, CT. 2004. 305 p.
34. Nəbiyev A. Azərbaycan xalq ədəbiyyati. I kitap / A. Nəbiyev. Bakı: Çıraq, 2009. 640 səh.
35. Röhrich L. Sprichwort / L. Röhrich, W. Mieder. Stuttgart, Metzler, 1977. 137 S.
36. Saraçbaşı E. Örnekli ve Açıklamalı Türk Atasözleri Sözlüğü. / E. Saraçbaşı, İ. Minnetoğlu–İstanbul, 2002. 375 p.
37. Seiler F. Deutsche Sprichwörterkunde / F. Seiler. München, 1922. 457 S.
38. The Oxford Dictionnary of Proverbs / Ed. J. Speake. Oxford University Press, 2008. 388 p.
39. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon / K. F. W. Wander – Leipzig, F. A. Brockhaus, 1867 – 1880. Bd. 1-5.
40. Yurtbaşı, M. A Dictionary of Turkish Proverbs /M. Yurtbaşı – Ankara: Turkish Daily News, 1993. 654 s.

References

Aksan, D. (2004). *Turkish Vocabulary*. Ankara: Ünal Ofset.

Aksoy, Ö. A. (2021). *Dictionary of Proverbs and Idioms 1, Dictionary of Proverbs*. Istanbul: İnkilap.

Alekperova, L.F. (2009). Azerbajdzhanskie poslovicy i pogovorki, opublikovannye v sbornike SMOMPK [The Azerbaijan Proverbs and Sayings published in the collection SMOMPK]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii»*

[Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences], 22 (61), № 3, 187-194. (in Russian).

Alizade, Z.A. (1980). *Leksiko-semanticheskie osobennosti azerbajdzhanskih poslovic i pogovorok [Lexical and semantic features of Azerbaijani proverbs and sayings]*. Baku: Izdatel'stvo AGU. (in Russian).

Alhastova, Z. R. (2019). Dictionaries of English proverbs in the paradigm of English national lexicography. (Candidate dissertation, Ivanovo State Universiry, Russia). (in Russian).

Proverbs. (2013). Baku: "Nurlan".

Bredis, M.A., & Ivanov, E.E. (2022). Lingvokul'turologicheskij kommentarij v polilingval'nyh slovarjah poslovic [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography], 26,* 5–29. doi: 10.17223/22274200/26/1 (in Russian).

Bredis, M.A., Dimoglo, M.S., & Lomakina O.V. (2020). Paremii v sovremennoj lingvistike: podhody k izucheniju, tekstoobrazujushhij i lingvokul'turologicheskij potencial [Paremias in modern linguistics: approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 11*(2), 265-284. (in Russian).

Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Neljubova, N.Ju., & Petrushevskaja, Ju.A. (2021). *Paremiologija na perekrjostkah jazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures]*. Moscow: RUDN. (in Russian).

Bredis, M.A. (2019). *Chelovek i den'gi: Ocherki o poslovicah russkih i ne tol'ko [Man and Money: Essays on Russian Proverbs and Not Only].* Saint Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (in Russian).

Çobanoğlu, Ö. (2004). *Common Proverbs Dictionary of the Turkish World*. Ankara: AKM Publications.

Duden. (1977 – 1981). *The Big Wordbook of German Sprache: in 6 Bd.*/ hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftl. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. under Leitug von Günther Drosdowski. Bearb. Rudolf Köster; Wolfgang Müller. Mannheim, Wien, Zürich: Bibliografisches Institut.

Elverdi, E., Kutlu, M. (1977). *Turkish Language and Literature Encyclopedia*. Istanbul: Dergah Publications.

Əlizadə, S. (1987). *The undying light of müdrikli. Introducing. Oğuzname*. Bakı: Yazıcı.

Ivanov, E.E. (2022 b). Absurdnye i paradoksal'nye poslovicy v tuvinskom jazyke (ontologicheskij i logicheskij aspekty kategorizacii poslovichnoj semantiki) [Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics]. *Oriental Studies, 15(*6), 1373–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388 (in Russian).

Ivanov, E.E. (2022). Aforizm v krugu malyh tekstovyh form v ustnom, pis'mennom i jelektronnom diskursah [Aphorism as an object of linguistics: main features]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 13, 4,* 898–924. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924 (in Russian).

Ivanov, E.E. (2023 b). Kategorizacija otnoshenija k dejstvitel'nosti v paremiologicheskih edinicah [Categorization of attitude to reality in paremiological units]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 14(4),* 1154–1177. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177 (in Russian).

Ivanov, E.E. (2024). Kognitivno-semanticheskie tipy kalmyckih poslovic [Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs]. *Novye issledovanija Tuvy [New Research of Tuva], 1,* 213-229. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14 (in Russian).

Ivanov, E. E. (2023 a). Lingvokul'turologicheskij kommentarij v tuvinsko-russko-anglijskom paremiologicheskom slovare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary]. *Novye issledovanija Tuvy [New Research of Tuva], 1,* 243-258. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14 (in Russian).

Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., & Petrushevskaja, Ju.A. (2021). Nacional'naja specifichnost' poslovichnogo fonda: osnovnye ponjatija i metodika vyjavlenija [National specificity of the proverb

fund (basic concepts and identification methods)]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 12*(4), 996—1035. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035 (in Russian).

Ivanov, E.E. (2022 a). Semanticheskaja tipologija tuvinskih poslovic (jempiricheskij i aksiologicheskij aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects]. *Novye issledovanija Tuvy [New Research of Tuva], 4,* 317-337. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22 (in Russian).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., & Neljubova, N. Ju. (2021). Semanticheskij analiz tuvinskih poslovic: modeli, obrazy, ponjatija (na evropejskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the european paremiological background)]. *Novye issledovanija Tuvy [New Research of Tuva], 3,* 232-248. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17 (in Russian).

Ivanov, E. E., & Petrushevskaja Ju. A. (2019). *Proishozhdenie i istorija anglijskih poslovic [The Etymology and History of English Proverbs].* Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. (in Russian).

Kashgari, M. (2005*). Djvān Luẓāt at-Turk.* Almaty: Dajk-Press. (in Russian).

Kul'kova, M.A. (2013). Izuchenie russkih i nemeckih paremij v trudah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej [The study of Russian and German paremias in the works of domestic and foreign researchers]. *Russkaja i sopostavitel'naja paremiologija v Tatarstane: istoki razvitija. Russian and comparative paremiology in Tatarstan: the origins of development],* 114-121. (in Russian).

Lomakina, O.V. (2025). Lingvoaksiologicheskij analiz paremij kak tip integrativnogo issledovanija (na primere cennostnogo koncepta “Rodina”) [Lingvoaxiological analysis of paremias as a type of integrative research (on the example of the value concept “Homeland”)]. *Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive studies of language], 1* (62). In print. (in Russian).

Lomakina, O.V. (2024). Paremiologija kak sistema (na materiale gornomarijskogo literaturnogo jazyka) [Paremiology as a system (based on the hill mari language material)]. *Finno-ugrovedenie, 4* (68), 51-61. (in Russian).

Mieder, W. (2004). *Proverbs: A Handbook.* Westport: Greenwood Press, CT.

Nəbiyev, A. (2009). *Azerbaijani folk literature. I book*. Bakı: Çıraq.

Petrushevskaja, Ju. A. (2014). Proishozhdenie i istochniki poslovic sovremennogo anglijskogo jazyka [Origin and sources of proverbs of the modern English language]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Filologija [Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1. Philology], 4* (71), 105–113. (in Russian).

Porhomovskij, M.V. (2014). *Tureckie poslovicy v jazyke i rechi [Turkish proverbs in language and speech].* Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (in Russian).

Rahmatov, J.G. (2021). Jevoljucija i rannie formy narodnyh poslovic v drevnetjurkskih kamennyh nadpisjah [Evolution and early forms of folk proverbs in ancient Turkic stone inscriptions]. In *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma hakasskogo jeposa, VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Narody i kul'tury Sajano-Altaja i sopredel'nyh territorij», posvjashhennoj 300-letiju otkrytija pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti i Godu hakasskogo jeposa v Respublike Hakassija [Proceedings of the International Symposium of the Khakass Epic, the VIII International Scientific Conference "Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and Adjacent Territories" dedicated to the 300th Anniversary of the Discovery of Yeniseian Written Monuments and the Year of the Khakass Epos in the Republic of Khakassia]*, (pp. 74-77). Abakan: Khakass Book Publishing House named after V.M. Torosov. (in Russian).

Röhrich, L., & Mieder, W. (1977). *Sprichwort*. Stuttgart, Metzler.

Sarabaşı, E., & Minnetoğlu, İ. (2002). *Dictionary of Turkish Proverbs with Examples and Explanations*. İstanbul.

Seiler, F. (1922). *Deutsche Sprichwörterkunde*. München.

Shengjuder, Z. (2023). Sopostavitel'nyj analiz tureckih i russkih poslovic s komponentom “sem'ja” [Comparative Analysis of Turkish and Russian Proverbs with the Component “Family”]. *Stephanos, 3* (59), 56-68. (in Russian).

Speake, J. (2008). *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press.

Wander, K. F. W. (1867 – 1880). *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*. Leipzig, F. A. Brockhaus, Bd. 1-5.

Yurtbaşı, M. (1993). *A Dictionary of Turkish Proverbs*. Ankara: Turkish Daily News, 654 p.

Yusifov, G.N. (1968). O razlichii poslovic i pogovorok [On the difference between proverbs and sayings]. In *Research on Azerbaijani oral folk literature. Book III. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR* (pp. 159-177). (in Russian).